

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 9 (668) • 2011

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом
духовного наследия
Марина РЫБАКИНА
заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

На 1-й стр. обложки использован плакат Н. Н. Ватолиной, 1948 г.

ПОЭЗИЯ

Геннадий КРАСНИКОВ.....	5
Сергей БЕЛОРУСЕЦ.....	38
Наталья СТРУЧКОВА.....	49

ПРОЗА

Юрий БУРДОВ	
БЕДНЫЙ БОТИК Рассказ.....	13
Дмитрий ИГУМНОВ	
ОДИНОКИЙ СЕЛЕЗЕНЬ Притча.....	30
Хелью РЕБАНЕ	
ОТДЫХ ПРОФЕССОРА НА ДАЧЕ Рассказ.....	43
Андрей ИВАНОВ	
БОНАПАРТ В ЕГИПТЕ Исторический роман. Продолжение.....	58

КАК ЖИТЬ

ЖИВЫЕ МОЩИ Увертюра.....	3

20-Я КОМНАТА / ТЕМА НОМЕРА

Рустем ВАХИТОВ	
БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ. СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ЦЕЛИ Каприз.....	20

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
БАЛЕТНАЯ ЗАТОЧКА	42

ЖЕНСКИЕ ВЕДЫ

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА	
МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЖЕНСКИЙ РОМАН НАПИСАН В ЯПОНИИ	53

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ	
УВИЖУ САМ Человекотекст, книга 3. Продолжение.....	75

КОТ-О-ВАСИЯ / ВСЕ ПРО КОТОВ И КОШЕЧЕК

Рафаэль СОКОЛОВСКИЙ и... Николай ШАТРОВ	
КАК ТОТ СИАМСКИЙ КОТ Рондо.....	80

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Ася УМАРОВА Чеченская Республика.....	83
Анна БРИКМАН г. Москва.....	86
Виктор АФОНИЧЕВ Новосибирская область.....	92
Елена ХАНТЕР США — Россия.....	106
Галина ЗЕЛЕНКИНА Красноярский край.....	113

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //

Валерий ИЛЬИЧЕВ	
ПОХОЖДЕНИЯ «ПОДМИГИВАЮЩЕГО ПРИЗРАКА»	
Повесть. Продолжение.....	114

// Зеленый портфель //

Надежда ГЛУШКОВА	
ПИСЬМО ОТЧАЯВШИХСЯ ЖИТЕЛЕЙ С. АРЕЙ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «УЛЕТНЫЕ ВЕСТИ», ИЛИ МАРШ НЕРАВНОДУШНЫХ	122

// «До востребования» //

Галка ГАЛКИНА	
«ОРГАЗМ — НАШ РУЛЕВОЙ!»	125

// Veriora Veris //

Шалун ГЕО, человек на оркестре	
СИДИ В БОЧКЕ, СОКРАТ!	126

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБИКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Секретарь-референт

Анастасия АХРОМЕЕВА

Дежурные по редакции

Аврора КОТОВА

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность предоставленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в типографии

ФГУП «ПИК ВИНТИ»

140010, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. **+7 (495) 974-69-76**

Тираж 6 500 экз.

Формат: 60x84/8

Заказ №

ЖИВЫЕ МОЩИ

УВЕРТЮРА

*Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!*

Ф. Тютчев

*...от нее никакого не видать беспокойства;
ни ропота от нее не слышать, ни жалоб...*

И. Тургенев

От редакции

Мы сознательно подобрали к этому материалу тургеневское название и им выбранный эпитафия. От нас же еще один: строки самого Ивана Сергеевича. А далее последуем за тургеневским текстом.

Почта «Юности» разнообразна. Поэзия, проза, вопросы, откровения и... письма боли. Одно из таких перед вами, словно голос народа — из глубины, из глубинки. **О голосе у Тургенева: «Барин, а барин!.. — слышался мне голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осоки».**

Автор письма рассказывает о своей беде, предостерегает и малой помощи просит не себе — лишь доченьке. Землю родную — святой называет.

У Тургенева: «Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, — с величайшим усилием, но умиленно произнесла она. — Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу угворить — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно — всем довольна».

Тянут наш народ из социализма в капитализм, мудрствуют экономисты, хлопочут политики — а как по-тургеневски выходит: **«Вот так-то раз доктор сюда приезжал; осматривать меня захотел. Я его прошу: “Не тревожьте вы меня, Христа ради”. Куда! Переворачивать меня стал, руки, ноги разминал, разгинал; говорит: “Это я**

для учености делаю; на то я служащий человек, ученый! И ты, говорит, не моги мне противиться, потому что мне за мои труды орден на шею дан, и я для вас же, дураков, стараюсь”. Потормошил, потормошил меня, назвал мне мою болезнь — мудрено таково, — да с тем и уехал. А у меня потом целую неделю все косточки ныли».

И что ответить такому автору? Видно, уж всюду писано, властям да деятелям религиозным поклонов бито несчетно! Чем сможем — поможем, а ответить-то что?!

Тургенев: «Уже не ужас чувствовал я: жалость несказанная стиснула мне сердце».

Неужели существуют души в телах нынешних охотничков до добра народного, накопленного великой страной нашей?! Стреляют охотнички эти в сердца малые человеческие, не задумываясь! **Тургенев: «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!»**

И при всем при этом народ наш призывают каяться! И об этом найдем у Ивана Сергеевича: **«Намеднишь отец Алексей, священник, стал меня причащать, да и говорит: “Тебя, мол, испове-**

довать нечего: разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?» Но я ему ответила: «А мысленный грех, батюшка?» — «Ну, — говорит, а сам смеется, — это грех не великий»».

По-прежнему сны снятся тургеневские народу нашему — и о Христе, и о Жанне д'Арк, и о смерти. И песни народ наш пока что поет!

Тургенев: «Мысль, что это полумертвое существо готовится запеть, возбудила во мне невольный ужас. Но прежде чем я мог промолвить слово — в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук... за ним последовал другой, третий. “Во лужах” пела Лукерья. Она пела, не изменив выражения своего окаменелого лица, уставив даже глаза. Но так трогательно звенел этот бедный, усиленный, как струйка дыма, колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить...»

Какой же мыслью спасительной жив «маленький» человек наш, чем же он дышит?

У Тургенева находим: «...а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает.

— Это каким же образом?

— А у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землю роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает».

Но главное, почему до сих пор жива Россия — потому что хранится в просторе нашем простое будничное чудо, никак не связанное ни с экономикой, ни с чиновниками, ни с церквями. **Тургенев:** «...в самый день кончины она все слышала коло-

кольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничным. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а “сверху”. Вероятно, она не посмела сказать: с неба».

Давно уже ушли в прошлое рубрики вроде «Письмо позвало в дорогу» или «Командировка по тревожному письму» и прочая. Но если «не позвало», если «не тревожно», то кто же тогда мы с вами? «Живые мощи» — но с абсолютно иным — не тургеневским — смыслом?!

Мы сознательно оставили в тексте лишь имя автора и область, откуда пришло письмо. Оно перед вами.

Здравствуйте, редакция журнала «Юность»!

Я... Светлана... мать-одиночка и инвалид третьей группы с детства, у меня эпилепсия. За все свои 35 лет я приняла одно правильное решение: родила свою доченьку Юлечку. Сама я со святой земли Сибири из Томской области. Живу я с доченькой тихо и спокойно, но не разглядела я человека, которого любила и от кого родила дочь. Ну не верьте вы, дорогие сестры, ничего не остановит пьяниц, кроме тяжелой болезни. Бил меня, особенно когда я не давала ему деньги на выпивку. Он спал на диване, в туалет ходил не вставая, под кровать. Как тяжела жизнь, не работаю нигде, пенсия 4660 р., дет. пособие 234 р., все распределено до копейки, на лекарство мне уходит и на уколы 1 т. рублей. Носим вещи все старые. Вспоминаю со слезами: здесь негде взять одежды, поэтому мы очень в вашей поддержке нуждаемся. У дочери размер обуви 39, размер одежды 42. Еще мы нуждаемся в продуктах. Помогите, пожалуйста, чем можете, мы с дочкой будем рады. Мы очень надеемся на вас только. Мой адрес: Томская область... Светлана...

Полные данные автора находятся в редакции.

Геннадий КРАСНИКОВ

Замечательному русскому поэту Геннадию Красникову 30 августа исполнилось шестьдесят лет. Определенно — служение поэзии предполагает разнообразие жанров и форм. Красников известен как виртуозный эссеист, критик и публицист, более того, как многолетний редактор альманаха «Поэзия», составитель добротных поэтических антологий, внимательный наставник молодежи и открыватель новых имен.

Но главное, конечно же, стихи Геннадия Красникова. В них не только зачастую неожиданная, но естественная архитектура. В них — открытость сердечная, сотворенное мастером пространство боли и радости, последней надежды и залихватской тоски — пространство выстраданных смыслов и чувств, через полнокровный язык питающих образную ткань смелой лирики поэта.

Для нас очень важно и то, что Геннадий Красников — давний автор и друг, а еще лауреат премии имени Бориса Полевого журнала «Юность».

Перед вами, уважаемые читатели, стихотворения Геннадия Красникова из будущей книги. Мы также планируем опубликовать его эссе об Иване Андреевиче Крылове (в № 10, 2011 г.) и об Арсении Александровиче Тарковском (в № 11, 2011 г.).

Такова юбилейная программа.

Дорогой Геннадий Николаевич, низкий поклон Вам и благодарность за веру и служение Ваши ото всех ценителей русской словесности!

Поздравляем!

Редакционная коллегия
журнала «Юность»

Геннадий Николаевич Красников родился в 1951 году на Южном Урале в городе Новотроицке Оренбургской области. С четырнадцати лет пошел работать. Учился в вечерней школе. Окончил факультет журналистики Московского университета (1974 г.). Работал корреспондентом районной газеты в городе Озеры Московской области. Около двадцати лет был редактором альманаха «Поэзия» (вместе с известным русским поэтом Николаем Старшиновым).

Первая публикация стихов появилась в 1976 году в газете «Литературная Россия» с предисловием Евгения Винокурова, затем в 1979 году — в «Литературной газете» с предисловием Евгения Евтушенко. В 1981 году в издательстве «Молодая Гвардия» вышла первая книга стихов «Птичьи светофоры» (с предисловием Евг. Евтушенко). Автор поэтических книг «Пока вы любите...» (1985), «Крик» (1988), «Не убий!..» (1990), «Кто с любовью придет...» (2005). Книга верлибров «Голые глаза» вышла в Канаде (Монреаль, 2002). В 2002 году выпустил книгу статей и эссе «Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба».

Стихи Г. Красникова публиковались в престижных русских и зарубежных антологиях. Вместе с поэтом В. Костровым в 1999 году выпустил (под общей редакцией) наиболее полную итоговую антологию «Русская поэзия. XX век», в 2009 году вышла составленная им антология «Русская поэзия. XXI век», в 2011-м — антология военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!..».

Статьи и эссе Г. Красникова по вопросам литературы, культурологии, истории постоянно публикуются в центральных журналах и газетах.

Лауреат литературных премий им. А. М. Горького, им. Бориса Полевого (журнал «Юность»), премий газеты «Литературная Россия», журнала «Москва», Всероссийской литературной премии им. К. Д. Бальмонта «Будем как солнце», Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка».

Участник Всемирного фестиваля искусств (Эдинбург, 1987).

Доцент Литературного института им. А. М. Горького.

«ПЕРСТАМИ ЛЕГКИМИ КАК СОН...»

О поэзии

Лишь поколению Серебряного века также выпало жить в двух совершенно разных, взаимоисключающих, враждебных друг другу исторических эпохах. Подобно им и мы жили когда-то «на планете другой». И так же, как они, пожалуй, никогда не сможем без слез расстаться со своим прошлым (каким бы оно для нас ни было!), хотя ныне у нас пруд пруди весельчаков, утверждающих, что расставаться с прошлым надо смеясь, а еще лучше — ржа...

Смеяться, да еще как, могли и Гоголь, и Некрасов, и Чехов, но они умели и заплакать, в их смехе были сострадание, любовь, а не презрение и надменность. Смех сквозь слезы — вот еще одно преимущественно русское «изобретение», такое же, как и всемирная отзывчивость. Ведь вот великие юмористы начала XX века — Саша Черный, Дон Аминадо, Тэффи... — уж явно не чета нынешним хохмачам, но какой же горечью и каким трагизмом окрасился их юмор, когда они оказались оторванными от многовековой истории, от уклада былой жизни, от России (от всего того, что они отнюдь не жаловали прежде). Есть время, когда открывается нагота истории, нагота сердечной боли, нагота отчаяния и экзистенциального сиротства, и только известный Хам и дети Хама не постыдятся осклабиться над лихолетьем и злосчастием страны.

Если в начале прошлого столетия русские изгнанники, согнанные на «философский корабль», все-таки прибились хоть к каким-то берегам, унося в рассеяние по всему свету весть об утраченной России, то сегодня «философский корабль» с нашей литературой, философией, исторической и

богословской наукой, выброшенный из дома очередными большевистскими комиссарами, подобно летучему голландцу скитается по мертвым морям нового времени, никому не нужный в современном пронумерованном оруэлловско-замятинском мировом ГУЛАГе...

Но так же, как и трагическому поколению изгнанников, все потерявших в родном Отечестве, остается нам во спасение единственное богатство и счастье — наш великий русский язык, классическая русская литература, Поэзия. И что бы там ни говорили ныне лукавые «властители умов», мы-то знаем, что никакими ржавыми фомками и отмычками структуралистских ухищрений не взломать красоты и простоты пушкинской формулы «Духовной жаждою томим» или есенинского воздыханья «Душа грустит о небесах», что не превратить их в бессмысленный и обездушенный конструкторский набор для сборки «текста».

В стихотворении «Пророк» Александр Сергеевич дал на все времена эстетическую хартию отечественной литературе. Пожалуй, как никогда нуждаемся мы в этом пушкинском завете. Да вот беда — почему-то никак не встречается (во всяком случае, мне!) в нашей мрачной пустыне шестикрылый Серафим, а все чаще только «бесы разны попадаются одне». Не оттого ли, что веры мало имеем? Такой, как у старца Николая Гурьянова, которого незадолго до его кончины спросили: «Скоро ли возродится Россия?», а он ответил: «А она и не умирала!»

Вот так и живем и пишем в ожидании Серафима.

Геннадий Красников

Стихи из будущей книги «Все анекдоты рассказаны...»

* * *

...У женщины характер осени,
то в золоте она, то в нагоде,
когда огнями глаз, как злыми осами,
вас больно жалит в знойной темноте...

У женщины характер осени,
так поздний темный мед порой горчит.
Расскажет вам, о чем ее не просите,
о чем вы просите — молчит.

У женщины характер осени,
ей не страшна худая тень молвы,
еще вчера она была не гостья ли
у вас в дому, где стали гостем вы?..

У женщины характер осени,
блеснет на миг очарованья час,
она жива, пока ее не бросили,
она мертва, когда бросает вас...

* * *

Звезды яркие на темном небосклоне,
ты опять всю ночь, мятежный, ищешь бури,
а наутро в бардаке или в притоне
просыпаешься, башка трещит, в натуре!..
Ох, и трудно быть поэтом в Вавилоне...

Мухи плавают в компоте и в бульоне,
и рассолу нет, и не в кого влюбиться,
у Лауры грудь и зад на силиконе,
все девицы потаскушки и блудницы..
Ох, и трудно быть поэтом в Вавилоне.

Все здесь пишут — чинодрал и вор в законе,
ты ж обязан дифирамбы петь халтуре,
не сечет никто ни в Данте, ни в Вийоне,
потрепаться не с кем о литературе..
Ох, и трудно быть поэтом в Вавилоне!

Сволочь всякая на троне и в короне
все гребет и пересчитывает башли,
словно в зоне, водят нас в одной колонне
на строительство всемирной адской башни!
Ох, и трудно быть поэтом в Вавилоне.

Пир веселый правят Бендер с Аль Капоне,
 а на свалке, где пируют бомж и птицы,
 встретишь с родины ворону... и вороне
 будешь рад... И как же тут не прослезиться!..
 Ох, и трудно быть поэтом в Вавилоне.

* * *

Nel mezzo del cammin di nostra vita...
Земную жизнь пройдя до половины...
 Данте

Земную жизнь пройдя до половины,
 я оказался... неизвестно где...
 Вокруг меня былой страны руины,
 чужая речь, чужие образины,
 где я, как будто пасынок чужбины,
 тону в летейской сумрачной воде.

Иллюзий прошлых, прошлых лет идиллий —
 летает серый пепел надо мной,
 хоть я их прежде не ценил, Вергилий,
 как не любил болотный запах лилий,
 но в памяти средь небылей и былей
 они цветут смертельной белизной.

Глаза слеза невольная туманит,
 но только брань и смех со всех сторон,
 здесь новые Мамаи маркитанят,
 а тот, кто скажет им: «На вас креста нет!..»,
 кто старое, помилуй Бог, помянет,
 тому и глаз, и сердце с корнем — вон!

Стал возвращаться ветер слишком часто.
 Неужто в мире нет иных дорог?
 До хруста обнимает жизнь, до хряста,
 а ты, душа моя, еще похвастай,
 как я на сквозняке Екклесиаста,
 на круговом ветру его продрог.

Опыты *(Esseis)*

Предчувствия мои меня не обманули:
 в июне был июнь и был июль в июле,
 и следом за средой четверг шел чередою,
 и по утрам башка трещала с перепоею.

Шли в небе облака, как на шашлык барашки,
 а по лугам цвели люпины и ромашки,

и шьют нам судьбу уголовную,
и сны навевают кровавые...

Галдят о каком-то призвании,
что было-де им откровение —
и дольней лозы прозябание,
и ангелов горних видение...

...А листьев полет все летальнее,
и мысли приходят невольные,
что все-таки дольнее — дальнее,
и не всякое дальнее — дольнее...

* * *

Как трубку табаком, мы набиваем жизнью
нелепые дела, нелепые стишки,
чтоб кто-нибудь извлек с фрейдистской укоризной
из праха наших дней вершки и корешки.

К разрывам слов и снов, к истории порока —
привычно подходить с диагнозом врача,
но к заревам судьбы, но к тайным шифрам рока —
им все равно вовек не подобрать ключа.

* * *

Настанет срок, настанет час и день —
и ты увидишь будущего тень,

там зеркало, как черный лед, блестит —
оно уже давно тебе не льстит,

и этот мир, осатаневший вдруг, —
еще не враг, но и уже не друг...

В окне Харон с щербатым веслом,
и незнакомый век с чужим лицом,

а вдалеке, — идущие вослед, —
сквозь нас проходят, как сквозь лунный свет...

* * *

Ветер, ветер, не стóбит, не надо,
не срывай золотые листья,
не рыдай!.. В эти дни листопада
я такой же бродяга, как ты!..

Все равно — ни рыдания, ни крика
не услышит никто и нигде,
наша жизнь — это только улика
на последнем и страшном суде.

Пусть клевещут и каркают хором,
пусть повесят на нас всех собак,
я и сам со своим приговором:
все не то, моя жизнь, все не так!..

Слишком долго за сложным и ложным
мы гонялись с пустым решетом,
а теперь языком безнадежным
как расскажешь о самом простом?!

Но бродяге ничто не в убыток,
пусть листва замечает наш след,
там, где нет ни дверей, ни калиток, —
там и входа и выхода нет!

* * *

Пустотой дохнуло неживою,
дожили до осени времен...
Но покуда сад не оголен,
вечности не видно за листвою.

Кажется бессмысленной игрушкой
в золото окрашенный покой,
ходики настенные с кукушкой
остановим собственной рукой.

Жалкий род людской, сосуд скудельный,
что мы сможем в вечность унести? —
только слезы, только крест нательный,
только просьбу: «Господи, прости!»

* * *

Береженого Бог — так меня бережет —
не велит на кисельный ходить бережок.

Крепко держит в Своей справедливой руке —
«Не проси!..» — не пускает к молочной реке.

Не пускает ни к барским столам, ни в кремли,
не меняет мои пятаки на рубли.

Отклоняет пути от лавровых венцов,
от лавровых венцов, шутовских бубенцов.

Посылает мне весть, чтобы я не вздыхал,
чтобы манны небесной напрасно не ждал...

Посылает врагов, а еще дураков,
погляди да сравни: ты-то сам — не таков?

Не скупится, полынною брагой поя, —
чтобы медом мне жизнь не казалась моя,

чтобы холод земной пробирал до костей...
Видно, я у Него из любимых детей...

* * *

Не будем сожалеть о том, что не случилось,
довольно и того, что сердце сладко билось,
быть может, остудив от милых упований,
Господь нас уберег от разочарований.

Любимые мужья — украшены рогами,
старинные друзья — давно глядят врагами,
у столбовых дорог — братва и проститутки,
а возле наших ног — трава и незабудки...

Юрий БУРДОВ

Юрий Бурдов родился в 1955 году. По профессии военный моряк, подводник КСФ. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Р. С. Сефа и А. П. Торопцева). Член Союза писателей России. Имеет ряд публикаций в детских журналах и сборниках. Живет в Москве.

Рисунок Елизаветы Горяченковой

БЕДНЫЙ БОТИК

РАССКАЗ

Слободка, будто припека к караваю деревни Раздоры, имела всего одну улицу. И всякий, кто заворачивал с нее, утопавшей сплошь в пышной, непроницаемой взгляду сирени, в маленький проулок между участками и подходил к калитке дома 24, невольно останавливался, оглушенный зычным захлебывающимся лаем. Не решаясь войти, гость опасливо и неловко топтался в ожидании хозяина. За зеленым штакетником по натянутой от столба, у будки, до забора проволоке, истошно лая, металась на цепи и рвалась из ошейника невеликая, но жуткая черная зверюга. Только грозный окрик вышедшего навстречу Сан Саныча-старшего: «Фу, Ботик!» прекратил эту зловонную непонятную истерику.

— Место! Ну! Не бойсь, со мной не укусит!

Гость, робея, сторонился.

— Верный пес, горло за меня перегрызет. А на чужих-то напущен.

И гость под конвоем убаженного ролью хозяина дяди Саши, как звал его Виктор, с опаской проходил во двор или в дом. Глухое рычание сзади и попытки исподтишка достать чужака пресекались окриком с угрожающим замахом.

— Место! Кому сказано! Фу!

Ботик, чуя угрозу в металлических нотках голоса хозяина, отскакивал, поджимая хвост, и затравленно прятался в будке. Ибо низкий, трескучий голос Сан Саныча-старшего, воистину с жестяно-медным отливом, добра не сулил.

Виктора Ботик уже знал и не лаял, но к себе категорически не подпускал даже за подачки, скалясь и угрожающе рыча. Каждый год, начиная с шести лет, Витю привозили на дачу, которую снимали его родители, на лето. Так что в свои двенадцать с хвостиком он был известен в деревне и имел кучу друзей-приятелей. Этому способствовал и Сан Саныч-младший,

сын хозяина. Он был годом старше, но помельче Виктора. Курносый, белобрысый, скорее выгоревший, с лихим, будто зализанным коровой вихром на лбу над правым виском, с белесыми бровями и ресницами. Заводной, бедовый он, с высоты своего хозяйского положения снисходительно покровительствовал Виктору и брал с собой в компаньоны на разные важные мальчишеские дела: купаться в запретной зоне Москвы-реки, лазать по карьере, жечь костры в лесу, играть в футбол со старшими, торговать сиренью на шоссе... да мало ли чего!

Ботик появился три лета назад. Виктор хорошо помнил, как дядя Саша принес его в обувной коробке. Они с Сан Санычем-младшим припали к ней, лежащей на коленях Сан Саныча-старшего, любившего посидеть вечером с папиросой на ступенях своего крыльца.

— Пап, а можно его в руки взять?

— В руки не дам. Нечего баловать. Сторожевой пес будет!

Кутенок — едва прозревший толстый увалень с курносой забавной мордашкой, весь в черной гладкой шерсти с отливом вороньего крыла. Ища теплый мамин живот, тыкался влажным кирзовым носом в углы коробки и, не найдя его, жалобно поскуливал.

— Мамку сучонок ищет. Все, брат, попал на службу — про мамку забудь, — философствовал Сашкин отец. — Баста! Отрабатывать за жизнь придется!

Сан Саныч-старший вывалил его на крыльцо. Ножки щенка не держали, и он смешно заваливался пузом кверху.

— Хе-хе. Ну вылитый ботик. Едрена шишка!

— Дядя Саша, а как вы его назовете?

— Да Ботик! Круглый и черный, как ботик. Знаешь, когда самолету хвоста заносят, сзади — колесико такое, маленькое.

Витя знал; у самолетов, военных, и вправду колесико маленькое под хвостом, но название «ботик» слышал впервые. Дядя Саша в армии служил в авиации — сомневаться было нельзя. Ботик так Ботик.

— Папа, а какой он породы?

— Породы? Меркьюю... метро-терьер. Наш, из «графьев», чистокровной дворняжской породы, так сказать. У нас же в забое родился: черный, как... хм, как уголек.

Косая ухмылка мелькнула на его обветренном крутом скуластом лице, но при этом неожиданно пушистые ресницы затенили недобрую искру, блеснувшую в узких, слегка раскосых глазах. Дядя Саша, привычно вытряхнув из пачки беломорину и постукав ей солдатиком о пачку, звонко дунул в мундштук, единым движением, губами и пальцами, сдавил его дважды поперек и, зачем-то оторвав зубами самый край и сплюнув в траву, чиркнул спичкой. Пряча пламя в сложенных ладонях от мнимого ветра, сосредоточенно прикурил, щуря левый глаз.

— Все, пацаны, баста! У собаки один должен хозяин быть! А, Ботик?! Служить будем! — и щелкнул щенка по носу.

Выпустив сизый клуб дыма, он унес Ботика в сарай. Перечить ребята не могли. Для Сашки слово

отца было законом; боялся его гнева до беспамятства. Да и Виктор смотрел на крепкую, угловатую, решительную фигуру Сан Саныча-старшего с внутренним трепетом.

Дядя Саша рыл метро и каждое утро первой электричкой уезжал в Москву. Возвращался он после обеда, неспешный и неразговорчивый. Перед крыльцом старательно умывался над тазом по пояс, а его жена, тетя Маша, с махровым полотенцем через плечо, поливала ему из большого белого эмалированного кувшина. Молча, когда он подавал знак, она накидывала на него полотенце и уходила в дом. После энергичного растирания спины, крепких плеч и рук Сан Саныч-старший натягивал чистую белую майку, зачесывал мокрые черные волосы гладко назад и садился на лавку под сиреневым кустом нога на ногу выкурить, наконец, папиросу. В этот момент он был благодушен и, отвязав пса, ласкал его тяжелой рукой, проводя по голове и, сгребая в пятерню черную шкуру на шее так, что у Ботика вытарасивались глаза и он слабо повизгивал, припадая на задние лапы, но — ни на шаг от хозяина.

— Ну что? Псина. Чуешь, чем пахнет? — сунул под нос увесистый кулак. — У-у, псина! Ладно, щас

на речку пойдём. Маша, я — с Ботиком прогуляюсь. К ноге!

И они уходили; всегда вдвоем, неясно куда. У Вити и Саши были свои дела.

В тот жаркий день Виктор сидел под домашним арестом. Накануне он до синевы губ накупался в запруде холодной ключевой речушки, протекавшей возле деревни; к вечеру осипло и воспалилось горло, поднялась температура.

«Постель и никаких гуляний!» — мама была умолима.

Родители с утра уехали на работу, бабушка занималась хозяйством, а Виктор, как наказано, с шерстяным платком на горле лежал на веранде под одеялом в тоске по воле. Ни есть, ни пить, ни спать, ни читать не моглось. Хотелось на улицу, на яркое солнце: промчаться на велике, пыль по кривым и холмистым улочкам деревни. По аварийке, под горку, разогнаться до упругости воздуха, до свиста в ушах, до слезы из глаз, тормознуть так, чтобы с визгом, с юзом, с разворотом — и встать как вкопанный, чтобы бешено заколотилось сердце и испарина тысячами иголок под волосами стиснула голову и тогда — на речку: с берега, головой, в ледяную темноту омота, с открытыми нарочно глазами...

«Эх! И Сашка куда-то пропал. Верно, купается на Москве-реке. Ему что!»

Вздыхал и сетовал про себя Виктор. Время тянулось, как долгий вкус пресладкой, препахучей микстуры от кашля. Скукота.

Сашка появился внезапно, в обед, в окне террасы, возбужденный, всклокоченный, с торчащим вихром.

— Витька, выходи.

Он еле переводил дух.

— Я болею, не могу, — взялся за перевязанное горло.

— Да брось ты, тут такое дело.

— А чего, Санек?

— Айда в сарай! Здесь не могу, секрет!

— Мне нельзя. Наказали.

— Как хочешь. Потом пожалеешь!

— Ну, Саш... А, ладно, сейчас буду.

— Пулей давай. Ждать не буду! Дачник!

Сашкина голова исчезла. Витя выскочил из-под одеяла, сорвал платок, спешно натянул майку, шорты, тапки и, пока бабушка стряпала на кухне, выскочил на крыльцо. Яркий свет солнца на миг ослепил, он прищурил глаза и, крадучись, пересек двор. Жарко. Ботик поднял голову, вяло, для порядка, твякнул. Витя погрозил ему кулаком. Тот, утратив интерес, ворча перебрался в тень будки.

Перекошенная дверь в сарай приоткрылась со скрипом. Витя шмыгнул в щель. Темноту через оконце под высокой крышей прорезали узкие косые

лучи с плавно танцующими золотистыми пылинками. Он озирался по сторонам.

— Саш? Ты где?

— Иди сюда. Я здесь, в углу.

Глаза вновь привыкали к полумраку. Сашка расчищал место под полкой.

— Санек, ну чего у тебя?

— Ты молчать умеешь?

— Ну.

— Слушай, — зашептал вдруг Сан Саныч-младший, — я собаку нашел. Настоящую, овчарку. Понял?

— Ну! — изумился Виктор. — Где?

— Где, где? В Караганде! Возле Поповки, на речке.

— Настоящую овчарку, немецкую?

— Да, с ошейником и поводком. У тебя жратва дома есть? Надо бы накормить. Голодная.

— А где она?

— Там, на речке, привязана в надежном месте. Смотри не проболтайся.

— Да ладно тебе. Саш, а может, она чья-то? Потерял кто-то?

— Дурак, что ли? Кто ж немецкую-то овчарку потеряет? Не кошелек ведь. Убежала, поди, молодая еще.

— А что ты с ней делать будешь?

— Что, что, дрессировать буду, учить, чтоб как Джульбарс или Лесси. Понял? А умная какая, знаешь, вообще: команду «сидеть» понимает и лапу дает... Это ж настоящая, немецкая. Врубаешься?

— Ладно, сейчас за едой сбегаю. Может, достану чего.

— Давай по-быстрому. Кормить надо, голодная.

Виктор уже и забыл про то, что болен, про запрет на гуляние. Таинственная овчарка вытеснила все. Он влетел на веранду.

— Бабушка! — на кухню, — Ба, у нас еда есть?

— Сейчас обед будет: рассольник, каша, греча, с подливой.

— Да нет. Мне — с собой!

— Ты куда наострил, а ну марш в постель. Мать придет, я вот ей все расскажу, как ты без нее своевольничаешь.

— Ну, ба, очень надо! Ну пожалуйста! — затянул Виктор, отходя к веранде.

— Ты куда? Виктор, вернись! Лупить буду!

Угрозы не подействовали. Витя вихрем пролетел по террасе. Он успел на ходу прихватить со стола пару кусков белого и черного хлеба, горсть рафинада и три ломтика сыра.

— Витька, все матери расскажу! Паршивец! — тело вдогонку.

Ноги, не поспевая за мыслями, уже несли Виктора прочь. Крики на другом конце двора утихли. Виктор влетел, чуть не сорвав с петель дверь сарая.

— Вот. Больше нет. Бабка пасет!

— Сойдет. Погнали на речку. Как бы пса не увели. Знаешь, сколько стоит?

— Сколько?

— Ну... тебе — слабо. Айда!

Приятели, осмотревшись, выбрались из полумрака на свет. За сараем, через тайный лаз в заборе, вылезли на улицу, на свободу. Гороховое поле, не обходя, под пекущим солнцем пересекли напрямик. У заросшей кустами речки, запыхавшись от бега и зноя, пошли быстрым шагом. Переправились на другой берег, перескакивая по камням, возле мокрого переезда. Дальше — тропками, через заросли ольхи, раkitника, вдоль беззвучной речушки, почти до самой Поповки, могучего, настоящего, старого леса, полного чудес, древних тайн и преданий, выходящего березовой аллеей на крутой берег Москвы-реки.

— Саш, ну скоро?

— Тихо! Пришли уже. Здесь, — сказал Саша шепотом, огляделся и показал на непролазные заросли кустов и трав. — Сюда.

Сан Саныч нырнул в потаенный лаз между стволами и ветками. Виктор еще раз отметил про себя, что ему, городскому, далеко до хватки местных ребят. Пробравшись вслед за другом на карачках сквозь дебри кустарника, Витя очутился на крошечном закутке, шагов десять в длину и пять в ширину, с трех сторон скрытом от мира стенами и потолком из густого переплета листвы и веток. Пушистый травяной ковер полянки переходил в желтый песчаный скат, погружавшийся в темную, чистейшую воду проточной заводи с юркими пескарями на дне. Другой высокий берег с глухими зарослями ольховника полностью отгораживал их от мира.

Сан Саныч по-хозяйски гладил по холке привязанную к стволу большую, но еще совсем молодую собаку, в которой безошибочно угадывалась овчарка. Пес, это был «мальчик», истово вилял не только хвостом, но и задом, подныривая мордой под руку, подскакивал передом, норовя лизнуть Сашку в лицо.

— Фу! — Сашка повернулся к Виктору. — Видал? Признает!

— Ну, класс! А как назовешь?

— Не знаю пока. Может, Лорд или Рекс, «король» значит, — отметил Сан Саныч. — Давай еду, кормить буду. Собака одного хозяина знать должна. Служебный пес будет!

Собака и вправду была красива: острая, темная морда, ждущие, понимающие глаза, ушки, как положено, — торчком, мощный треугольник груди, крепкие широкие лапы, густая, темно-серого окраса шерсть с черной полосой от холки по хребту и прогнутый книзу хвост палкой. Да и ошейник толстой

кожи с латунной бляхой для имени и треугольным жетоном на подвеске говорили, что пес — важный. Виктор с восторгом наблюдал за кормлением.

— Сидеть! Лежать! Фу! Лежать, я сказал!

Сан Саныч требовательно отдавал команды, которые пес выполнял порывисто, сбиваясь, борясь с искушением кинуться к долгожданной еде. Но новый хозяин был неумолим и выдавал пайки только за полное повиновение. Правда, черный хлеб пес гадливо, но деликатно выложил на траву.

— Ты смотри, Вить. Разбирается, буржуй! Нос воротит.

— Это тебе — не Ботик; из графьев!

Последний кусок сахара с хрустом исчез в дважды лязгнувшей пасти и преданнейшие молящие глаза уставились на Сан Саныча: «А еще?»

— Можешь погладить. Только недолго. Уходить пора.

— Хороший, хороший, — приговаривал Виктор с некоторой опаской, проводя рукой по голове и холке, чувствуя мощную шею под густой шелковистой шерстью. Пес откликнулся на ласку, но смотрел неотрывно на Сан Саныча.

— Ну, пошли, что ли? Будет уже.

— А он как же?

— Как смеркаться станет, заберем. Сейчас нельзя, еще засекут.

Сан Саныч привязал пса и, вылезая наружу, внимательно осмотрелся вокруг.

Вечером бабушкины угрозы сбылись. Мать за самовольство отругала Виктора, а отец по ее настоянию строго запретил выходить на улицу. Сан Саныч, появившись под вечер, выслушал от бабушки нотацию: что настоящие товарищи так не поступают и что Витя наказан и к тому же болен. Выслушал, махнул рукой и был таков. Витя совсем скис и улегся спать раньше обычного. Операция «Переправа» — состоялась ли, успешно ли, нет ли — прошла без него.

С самого утра Виктор не знал покоя и проглядел в окно все глаза. Но кроме пустого пыльного двора да скучающего Ботика до обеда — никого. Только бабушка, намеренно делавшая вид, что не замечает его смятения, мудрила с обедом на кухне. Около полудня послышался свист. Витя высунулся в окно. Сан Саныч со своего крыльца делал ему знаки: «Выходи!»

— Ну, как? — шепотом, но чуть не на весь двор, просипел Виктор.

Сашка выставил кулак с отставленным вверх большим пальцем и, прищулив левый глаз, кивая, многозначно выпятил губу. Соскочив с крыльца, он кивнул в сторону сарая и, ни слова не говоря, торпливо пересек двор. Ботик вскочил у пустой миски для воды, пару раз вильнул хвостом, твякнул, но, видя, что его не заметили, повесил голову и хвост и

вернулся на место. Виктору на месте не сиделось. Он отчаянно махнул рукой и, чтобы не столкнуться с бабушкой, спрыгнул прямо из высокого окна, свалился назад, ушибся, ободрал руку о стену и, не замечая этого, помчался к сараю: «Только бы не усекли!» Влетев с шумом со света во тьму, на миг потерялся и застыл.

— Тише ты, ненормальный!

— Я ничего, — растерялся Виктор, — сам ты — ненормальный. А где собака?

— Не собака, а Граф. Я его Графом назвал. Клево, да?

— Ништяк! Классная кличка!

Сан Саныч отодвинул тряпку, прикрывавшую угол под полкой. На полу на старом одеяле лежал Граф, подняв голову, наострив уши, ловя каждый звук и движение мальчиков, готовый сорваться. Рядом стояли миски: с водой и пустая.

— Место! — повелительно бросил Сан Саныч. — Знает уже, мерзавец, место!

— А как ты вчера-то?

— Все тип-топ! Никто не засек.

— А отец? Знает?

Сан Саныч нахмурился.

— Нет еще. Сегодня сказать надо.

— А куда Ботика?

— Куда, куда? А я знаю? — огрызнулся Сан Саныч. — Иди гуляй!

Граф встрепенулся и вскочил при слове «гуляй».

— А ты чего? А ну, место!

— Можно погладить?

— Не, не надо. Нечего к рукам приучать. Лучше пожрать чего принеси.

— Да меня бабка пасет. И так через окно смылся.

— На речку пойдешь? Собаку-то выгуливать надо.

— Ну, не знаю... А, ладно, пошли!

— Граф, ко мне! — хлопнул себя по бедру Сан Саныч.

Пес вскочил и радостно подбежал спереди.

— Ко мне, я сказал! Гулять.

Граф еще больше взволновался, но команду выполнил, сев слева. Сан Саныч пристегнул поводок и подошел к двери.

— Ты вперед иди. Если кого увидишь, свистни.

Виктор вышел из сарая. И увидел караулившую его бабушку.

— Вот ты где, неслух! Я бегать за тобой должна?

— Ба, я нормально... Честное слово.

— Мать с отцом тебе что наказывали? А ну марш домой!

— Ба, я попозже приду. Мне на речку с Сан Санычем надо. Я купаться не буду, честно.

— Ты мне на Сан Саныча-то не кивай. Он тебе — не указ! Я вот матери-то все расскажу, как ты озорешь. А ну! Марш домой!

Виктор под конвоем поплелся к дому, но, не в силах смириться с арестом, ускорил шаги, оторвался и выскочил на улицу через калитку.

— Куда? Витька! Вернись, паршивец! Витька!

Истеричные крики бабушки заглушались ветром в ушах и бешено бьющимся сердцем. Дав крюка, Сан Саныча он нагнал лишь посреди горохового поля.

— Ну у тебя и бабка! Пряма мента какой-то! В натуре.

— Ага, она всю жизнь на Петровке, 38, проработала. Дай повести, а?

— Да на. Жалко, что ли?

Витя взял поводок с трепетом. Пес трусил рядом, изредка поглядывая на ребят.

Вот и заветное место. Пробрались через лаз. Графа пришлось тащить за поводок — упирался. Приятели уселись на травке. Пес обнюхал все вокруг и полез в речку, лакая воду и распугивая пескарей.

— Будешь? — Сан Саныч толкнул засмотревшего Виктора в бок.

— А? Чего?

— Курить будешь?

Сан Саныч достал папиросу и, точно как отец, стукнул, дунул, стиснул.

— Не-е! Ты что?

— Как знаешь.

Чиркнув спичкой и по-взрослому пряча ее в ладонях, склонившись, прикурил с самым серьезным видом. Витя, обомлев, смотрел, как Сан Саныч, сутулясь, положив локти на колени и значимо запрокинув голову, деловито затягивается, важно выпускает дым, небрежно стряхивает пепел, и мысли его спутались.

— Дай — разок... а?

— На. Только не мусоль. Дачник!

Виктор взял папиросу и опасно потянул воздух в себя. Горечь во рту и резь в груди тут же вызвали удушливый кашель, спазм в горле, слезы. Покраснев в испарине от натуги, он, передернувшись, вернул папиросу. Сан Саныч, строя из себя бывалого, оторвал зубами кончик мундштука и смачно сплюнул на траву, не проронив ни слова. Придя немного в себя, Виктор умылся из речки и стал переживать по поводу запаха табака изо рта.

— Фигня! Сирени пожуеть — и порядок, — авторитетно заявил Сан Саныч. — Всегда так делаю. Айда домой. Отец поди уж приехал.

Они вылезли из убежища. Виктора мутило, кружилась голова, но он бодрился.

Обратная дорога — всегда короче. К участку зашли с другой, заросшей кустами стороны. Минут двадцать стояли, жевали листья сирени, сплевывая горькие зеленые слюны и нюхая друг у друга дыхание. «Ну как? Пахнет?» — «Да нет вроде». Граф — спокоен. До калитки дошли, но заходить не риск-

нули; почуяв чужака, неистово надрывался Ботик. Сашка побежал за отцом, а Виктор стерег Графа, безразличного к воплям Ботика. Минут десять их не было. Наконец появились. Сан Саныч-старший как всегда: в белой майке, в черных шароварах, в тапочках, руки в карманах. Попыхивая папиромой, он вышел за калитку.

— Ну, что у вас тут, темнили? Фу, Ботик!

— Вот, папа.

Сашка протянул руку и, взяв у Виктора поводок, робко вывел Графа вперед. В глазах отца из-за хитрого прищура нельзя было ничего прочесть. Оглядел пса.

— Да. Знатный кобель. А если кто искать станет? Придется ведь отдать.

— Пап, он уже три дня один бегал по Поповке, изголодал! — заныл Сашка.

— Голод-то — не тетка. Хоть ты — кто! С правительственных дач, видать, отбился, — загасил папиросу об каблук, но окурок не выбросил, а, ковырнув дерн, зарыл. — Да-а! Ну а с Ботиком-то как? Мы-то своих не продаем.

Услышав свое имя, Ботик снова залился.

— Фу! Кому сказано?! — замахнулся дядя Саша. — Пушай пока в сарае поживет. Там видно будет. Пес-то молодой совсем, глупый еще. Поглядим. Правда, Машуня, — подмигнул он подошедшей Сашкиной маме, — наш-то Ботик лучше. А? Мы его менять не станем.

— Саш, а пес-то — непростой. С медалью. Кабы с ним хлопот не нажить. Помяни мое слово, — причитала тетя Маша. — Ох, от греха бы подальше.

— Ты еще накаркай. Пусть будет. Поглядим пока, я сказал!

Сашка запрыгал от радости. Граф — невозмутим и ровен. Ботик опять заголосил.

— Да фу ж ты, зараза! А ну марш в будку, окаянный! Цыц, кому сказал! Ладно, мать, иди ужин накрой. А пса — в сарай! Фу, кому сказал!

Сан Саныч-старший подхватил камешек и размахнулся. Ботик поджал хвост и метнулся в будку. Камешек гулко стукнул по крыше.

День, когда Графу дали вид на жительство, был пятницей. Впереди — выходные. Оживление в деревне, на речке, в лесу, футбол, волейбол, костры, шашлыки... Но для ребят все затмил Граф. Всю субботу они вместе и играли, и купались, и резвились; были счастливы и беспечны. Жизнь — весела и прекрасна. За исключением одного: ревности Ботика.

Бедный Ботик при виде чужака места себе не находил, рвался на цепи и исходил на злобный, истошный лай: до неистовства, до рвоты, до пены изо рта. Даже команды хозяина были пустым звуком, если пришелец поблизости.

— Вы тут лучше не ходите, — озаботился Сан Саныч-старший, — видите, Ботик психует. Вон, через заднюю калитку... и вообще... на цепь бы его.

Куда там. Едва ли не до ночи ребята возились с Графом. По домам их загоняли чуть ли не палками. Как будто это был их последний день.

Утром в воскресенье Виктор, только проснувшись, уж было собрался бежать в сарай, но был отловлен бдительной мамой и основательно накормлен завтраком. Зато обрезки сыра, шкурки от колбасы, недоеденный нарочно бутерброд и остатки манной каши стали законным трофеем. Подбежав с провизией к сараю, он неожиданно обнаружил замок. Сан Саныч не стал его ждать. «Вот всегда так с этими родителями! — сделал он вывод. — Ну Сашка! Где теперь его искать?» Поразмыслив, Витя спрятал харчи под жестянку у порога и побежал домой. «На велике их легче будет найти, — рассуждал он сам с собой, — далеко уйти не могли: либо на речку, либо на Москву-реку».

— На Москве-реке они. Дуй туда. Дачник, — подсказал, выходя на крыльцо, Сашкин отец и, прикуривая папиросу: — А вот мы — на речку. Да, Ботик?

Верный пес, раболепно виляя хвостом, пожирал глазами хозяина и поскуливал.

— Спасибо, дядя Саша.

Витя долетел как на крыльях, изо всех сил давя педали, минут за десять, а пешком бы — верных полчаса. У обрыва, где тарзанка, их не было. Витя нашел их чуть дальше, возле генеральских купален. Сан Саныч с Графом уже искупались и собирались возвращаться.

— Ну и здоров ты спать!

— Да мама завтракать усадила. Я там Графу кой-чего притаранил.

— Ладно, дачник, давай окунись — и пойдем.

— Сам ты...

Виктор быстро искупался. Мягкая вода освежила разгоряченное тело, и приятели пошли домой лесом. Граф привольно рыскал по сторонам, по своим собачьим интересам, приносил палочку, которую бросали по очереди, гонял птиц, обнюхивал и метил все пенки. Солнце сеялось желтыми зайчиками через канву хвои сосен, велик позвякивал на корнях, было тепло и радостно. Выходя из леса, Сан Саныч взял Графа на поводок.

— Надо бы намордник прикупить. Мало ли чего?

Он старался выглядеть солидней. Вот и деревня. Вошли в родную Слободку; с солнцепека под сень сиреней. Сан Саныч гордо вел Графа, Витя — велосипед. Решали, куда пойти вечером. Их поворот к калитке. Свернули.

Навстречу в конце узкого проезда между участками неспешно появился Сан Саныч-старший, пе-

ред ним трусил Ботик. Саша с Графом остановились в трех шагах от калитки, ожидая отца. Витя прислонил велосипед к забору.

— Ну что, щеглы, накупались? Придержи-ка, Сашка, пса, мы с Ботиком первые пройдем. Я его на цепь посажу, потом уж и вы.

Ботик почувал миг свободы и соперника: весь напрыгся, вздыбил шерсть на загривке, глухо зарычал и агрессивно пригнул голову.

— Фу, Ботик! Домой!

Сан Саныч, уверенный в действенности своих слов, небрежно отворил калитку. Ботик будто и не слышал. Он сжался, как пружина и, не отрывая взгляда от «врага», боком, боком попытался зайти сзади.

— Пошел, Ботик! — цыкнул на него Сашка, взяв Графа покороче.

Граф стоял спокойно, даже не глядя в сторону забияки. Саша перегородил Ботику путь и махнул на него рукой.

— Домой, домой, Ботик!

— Кому сказано?! Ботик! Домой! — грозно рявкнул Сан Саныч-старший.

Тот огрызнулся и, отскочив в бок, злобно залаял на Графа, расставляя лапы, подскакивая и скаля зубы. Он пошел ва-банк: сейчас или никогда. Граф только головой повел. Началось!

Виктор оцепенел. Он наблюдал за всем, словно в замедленном кино. Ботик заскочил сбоку и, лая и лязгая зубами, норовил тяпнуть Графа за лапу. Пустое. Сашка ногой отгонял его прочь. Граф хладнокровно развернулся вполборота к агрессору, заняв выгодную позицию, и молча за ним следил. Ботик, распалась от тщетности усилий, не в силах причинить урон врагу, вышел из себя и допустил промах: он хотел проскочить под носом Графа на другую сторону, за спину. Это ему дорого стоило!

Движение Графа было четко и продуктивно: резкий выпад головой вниз, челюсти намертво сомкнулись на шее Ботика, краткое движение влево, как замах, и мощный рывок вправо и вверх... Кусок шеи Ботика остался в пасти Графа, а тело, вертясь, взлетело над полутораметровым забором и, описав дугу, рухнуло к ногам остолбеневшего Сан Саныча-старшего, подскочило и упало. «Как ботик у самолета...» — невольно мелькнула мысль у Виктора. Ботик в шоке вскочил, крутанулся ошеломленно и с диким визгом понесся к своей будке, брызгая повсюду кровью. Никто не смог даже двинуться с места; все длилось несколько секунд.

— Черт! Ядрена мать! — жутко заорал дядя Саша и, ощеряясь, скачками кинулся к будке Ботика. — Маша! Тряпки!

Сашка бледный, как мел, выпучил глаза, разинул рот, и руки его тряслись. Граф не выражал ничего. Виктор же вообще не ощущал себя.

Дальнейшее трудно выразить словами: истошно выл Ботик, хрипло орал на всех дядя Саша, голосила тетя Маша, хныкал Сашка. Все сплелось в невообразимый клубок: с шеи Ботика ручьем лилась кровь, тетя Маша носилась с окровавленными полотенцами, Сан Саныч-младший получил затрещину от Сан Саныча-старшего и, заревев от обиды, бросился в дом. Витю, ошеломленного, мама утащила за руку на свою веранду...

Только Граф сидел спокойно, с достоинством, привязанный к заборному столбу; порода есть порода. «Он просто сделал свое дело: в чем проблемы?»

С трудом остановили кровь Ботику. Граф по неопытности немного промахнулся и взял чуть выше артерии. А так бы Ботику — конец.

Дядя Саша в жутком виде — с разметанными по лбу волосами, с багровым разъяренным лицом, в окровавленной майке — нацепил пиджак и, как был в шароварах и сандалиях на босу ногу, схватив поводок, потащил Графа с участка вон. Его не было весь день. Появился только к вечеру; один, мрачный и сильно пьяный. Еле зашел на крыльцо, локтем оттолкнув испуганную жену.

— К-как Ботик, Маш? — и мертвецки рухнул на пороге.

Ботик остался жив, но надломился. Он больше не лаял, а месяц вообще не выходил с веранды, где его устроила тетя Маша на лечение. Дыра на шее, с кулак, затягивалась долго. Так он и не пришел в себя; жалобно скулил и виновато поджимал уши и хвост, кто бы к нему ни обращался. Бедный Ботик!

Ребята неделю сидели по домам; не потому, что запретили, но пока не отошли от сильного стресса.

О судьбе Графа ничего не было известно, да и никто не смел спрашивать. А слухи погода ходили разные: кто-то видел мужика с собакой в карьере, кто-то — на Фанерках, на станции, кто-то — на Москве-реке.

Сан Саныч-старший весьма изменился: помрачнел, замкнулся и иногда сильно запаздывал домой, бредя понуро медлительной, нетвердой походкой. Стараясь меньше бывать на людях, он даже умывание во дворе прекратил. Запил, буянил дома. Сашка ревмя убегал ночевать к тетке. Витина семья с дачи съехала на неделю раньше.

После этого дикого случая Виктор для себя твердо решил, что он держать дома собаку удовольствия ради не будет никогда.

Рустем ВАХИТОВ

Рустем Вахитов — политический публицист, философ.

Родился в 1970 году в Уфе. Окончил Башкирский государственный университет, аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию по философии. Живет в Уфе, преподает в университете.

От редакции

Дорогие друзья! От вас приходит много писем с вопросами:

1. Кто же остановит варварство ЕГЭ?

(Л. Косолапова, г. Ноябрьск)

Предлагаем варианты ответа:

а) сама жизнь; б) Барак Обама; в) Буратино.

2. Когда же Министерство образования перестанет издеваться над нашими детьми?

(И. Ломейко, г. Москва)

Предлагаем варианты ответа:

а) вчера; б) когда рак на горе свиснет; в) никогда.

3. Зачем разрушили полноценную советскую систему образования? А что взамен?

(Т. Соколова, Владимирская область)

А на этот сложный вопрос постарается ответить наш постоянный автор Рустем Вахитов.

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ. СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ЦЕЛИ

КАПРИЗ

*— Мои друзья — хоть не в болонии,
Зато не тащат из семьи...
Владимир Высоцкий*

1. Введение

В России полным ходом идет реформа высшего образования. Уже в 2010 году большая часть российских вузов перешла к системе, которая основана на общеевропейской парадигме университетского образования, сформулированной в документах так называемого Болонского процесса.

Тема эта обсуждается российской общественностью уже давно. Свои аргументы высказали и сторонники, и противники вхождения России в ев-

ропейское образовательное пространство. Тем не менее нельзя сказать, что все вопросы, связанные с ней, получили исчерпывающее освещение. Напротив, значительная часть нашего общества имеет очень смутные представления о том, что такое Болонское соглашение и одноименный процесс и что сулит российской системе образования присоединение к этому процессу. Попытаться ответить на эти вопросы — цель нашей статьи.

2. Что такое Болонский процесс?

Болонским процессом называют процесс реформирования высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования или, говоря другими словами, гармонизации национальных систем высшего образования Европы. Точкой отсчета Болонского процесса считают 19 июня 1999 года, когда в итальянском городе Болонья, где находится старейший и авторитетнейший университет Европы, представители министерств образования 29 стран Евросоюза подписали Декларацию, получившую известность как Болонская декларация. Вместе с тем подписанию Болонской декларации предшествовал целый ряд подобных инициатив: съезд европейских ректоров, прошедший в той же Болонье 18 сентября 1988 года и принявший европейскую Всеобщую хартию университетов, заседание Совета Европы в Лиссабоне 11 мая 1997 года, на котором была принята конвенция о квалификации европейского высшего образования, и, наконец, заседание министров образования четырех европейских стран — Великобритании, Германии, Франции и Италии, прошедшее в Сорбонне 25 мая 1998 года и заложившее предпосылки Болонского соглашения.

Положения Болонского соглашения были подтверждены и развиты на ряде последующих встреч руководителей министерств образования Европы: в Праге в 2001 году, в Берлине в 2003 году и в Бергене в 2005 году.

Сам Болонский процесс представляет собой не жесткую реформу, проводимую сверху, например аппаратом Евросоюза, а скорее ряд договоров, которые заключают друг с другом университеты, студенческие организации, наконец, министерства образования и правительства европейских стран. Вхождение в Болонский процесс сугубо добровольное, и отказ от такого вхождения никаких санкций за собой не влечет, однако если оно произошло, то страна-участница обязана выполнить определенные требования (например, не только реформировать систему образования, но и привести национальное законодательство об образовании в соответствие требованиям Болонского соглашения).

Идеология Болонского процесса предполагает совмещение новой общеевропейской системы образования и национальных особенностей образования в различных странах Европы, поэтому присоединение к Болонскому процессу автоматически не означает сворачивания национальной системы. Так, в Германии существуют вузы, в которых обучение ведется в соответствии с Болонскими принципами, и вузы, где обучение ведется по старинке, в соответ-

ствии с привычной для Германии системой подготовки специалистов.

3. Цель и основные принципы Болонского соглашения

Как уже говорилось, главная цель Болонского процесса — гармонизировать системы высшего образования стран Европы. До 1999 года (а кое-где и в настоящее время) квалификации, которые получают выпускники вузов стран Европы, часто было трудно совместить. Так, выпускник французского университета, предложив свои услуги специалиста на рынке труда Великобритании, сталкивался с тем, что работодатели не знали, какой английской квалификации соответствует квалификация, указанная в его дипломе. В разных университетах Запада обучение продолжается разное время, читается разное количество курсов и т. д. и т. п. Более того, ученая степень с одним и тем же названием в разных странах Европы может иметь различное значение: так, во Франции бакалавр — это выпускник лицея, то есть человек со средним образованием, в соседней Великобритании бакалавр — выпускник вуза, проучившийся три-четыре года. С теми же самыми трудностями сталкиваются студенты и преподаватели европейских вузов, решившие продолжить учебу или получить работу в вузе другой страны.

Вместе с тем Европа с каждым годом все больше превращается в единое экономическое, политическое, культурное, научное пространство. Проблема конвертируемости академических квалификаций в этих условиях становится все более актуальной.

Другая не менее важная цель реформы европейского образования — улучшить его качество, чтобы оно могло выиграть конкурентную борьбу с системой высшего образования США, которая пока лидирует в мире. В силу этого многие выпускники школ Европы предпочитают не родные и близкие европейские вузы, а американские.

Основные принципы Болонского процесса вытекают из этих целей:

1) *Двухуровневая система образования «бакалавр — магистр»*, в согласии с которой вуз должен готовить в течение трех-четырех лет бакалавров, которые приравниваются к полноценным специалистам с высшим образованием, и в течение дополнительных одного-двух лет магистров — специалистов, больше ориентированных на научно-исследовательскую работу и стремящихся продолжить обучение в докторантуре для защиты диссертации и получения степени доктора. Дипломы бакалавров и магистров должны признаваться во всех странах Европы, для чего создаются специальные агентства по

контролю за качеством образования, независимые от национальных правительств.

2) *Введение кредитно-трансферной системы*, которая позволяет сопоставлять уровень подготовки студентов разных вузов. Кредитами в ней называют условные единицы, в которых определяется объем или трудоемкость образования. Каждый кредит означает определенное количество освоенных студентом понятий, теорий, навыков, предполагающих самостоятельную работу студента, посещение им лекций, участие в семинарах, сдачу экзаменов и т. д. Кредиты, как правило, измеряются в часах. Для получения европейского диплома бакалавра требуется сто восемьдесят — двести сорок часов кредитов, а степени магистра — дополнительно шестьдесят — сто двадцать часов.

Кредиты имеют накопительный характер. Это значит, что студент может получить определенное количество кредитов в одном университете Европы, затем перевестись в другой, где уже полученные кредиты обязаны будут признать, и продолжить образование там. Болонское соглашение называет это принципом *академической мобильности* и рекомендует всесторонне развивать ее. Согласно идеологам Болонского процесса нужно поощрять студентов, чтобы они уезжали за границу, продолжали учебу там, знакомясь с языком, культурой, научными традициями других стран и народов. Кроме того, накопительная система позволяет прерывать образование и продолжать его в другой, более удобный отрезок жизни. Это называется *обучение в течение жизни*. Наконец, кредитная система неотделима от требования *академической свободы*. Студент согласно идеологии Болонского процесса имеет право самостоятельно выбирать себе учебные курсы, преподавателей, время сдачи экзаменов и т. д. Учебная программа состоит из модулей, которые студент может перетасовывать по своему вкусу.

3) *Социальный аспект высшего образования*. Студенческие профсоюзы Европы присоединились к Болонскому процессу с условием, что образование будет исключено из сферы услуг и перестанет рассматриваться через призму рыночных отношений. Образование — это не оплачиваемая услуга, а ценность, которая входит в систему европейских ценностей, таких как высокая оценка разума или признание свободы человеческой личности. В идеале образование в Европе должно быть бесплатным или плата за него должна быть символической. Это требование было отражено в декларации, принятой участниками Болонского процесса в Праге в 2001 году. С ним перекликается и требование наполнения содержания высшего образования евро-

пейскими ценностями (права и свободы личности, политическая демократия и т. д. и т. п.).

4) *Трудоустройство выпускников*. Вплоть до последнего времени трудоустройство выпускников европейских вузов было возложено на них самих. Ни государство, ни вуз не несли за это никакой ответственности. Болонское соглашение требует, чтобы в вузах велась соответствующая работа по профориентации студентов, с другой стороны, работодатели должны привлекаться к оценке качества образования, в ходе которой они могут подбирать для себя будущие кадры.

4. Болонский процесс в России: аргументы за и против

В 2003 году, когда министром образования был В. Филиппов, Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу (на Берлинском саммите участников Болонского процесса). В 2001–2003 годах был проведен ряд всероссийских совещаний по вопросам перспектив Болонской реформы в России. В 2003 году Минобрнауки выпустило приказ № 2847 «О проведении эксперимента по использованию зачетных единиц в учебном процессе». В некоторых вузах России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Новосибирск, Екатеринбург, Омск и т. д.) были введены в качестве эксперимента отдельные элементы Болонской парадигмы образования (двухуровневая система, сосуществующая с традиционным специалитетом, учет в кредитных часах и т. д.). Были разработаны госстандарты и примерные учебные планы для бакалавриата и магистратуры по всем специальностям.

Вместе с тем, как признает само руководство Минобрнауки, присоединение России к Болонскому процессу вовсе не означает автоматического признания всех Болонских принципов и полного отказа от национальной системы образования. Прежде всего, реформирование по Болонскому образцу затронет не все вузы России. Из сферы реформирования выведены вузы МВД, ФСБ, Министерства обороны, технические вузы (например, готовящие специалистов для нефтяной или оборонной промышленности), медицинские вузы. Нынешний министр образования РФ Андрей Фурсенко объяснил это тем, что руководители этих вузов сумели объяснить (!) Министерству, что подготовка инженеров, работников спецслужб и медиков ведется моноблоком и не может быть разделена на два уровня.

Далее, академическая свобода российских студентов сильно ограничена: у них даже после введения Болонских принципов сохраняются обязательные посещения лекций и семинаров, обязательные,

назначаемые самим деканатом, а не студентами, экзамены. Они не могут выбирать сами, сколько оставить предметов по выбору и сколько — базовых (хотя из предложенных необязательных курсов выбор у них теперь есть). Они лишены возможности выбирать себе преподавателей, посещать занятия на других факультетах. Не исключено, что бакалавриат в российских вузах будет частично платным, а магистратура почти повсеместно платной (об этом много писали в прессе).

По мере того, как эксперименты по переходу на Болонскую систему расширялись, все острее становилась дискуссия по поводу этого нововведения. Общество раскололось на два неравноценных лагеря — сторонников вхождения России в Болонский процесс, каковых меньшинство, и противников этого, каковых большинство. Рассмотрим аргументы тех и других.

Сторонники вхождения России в Болонский процесс и реформирования российской высшей школы высказывают следующие доводы:

- реформа приведет к тому, что российские студенты смогут обучаться за границей, преподаватели станут стажироваться в зарубежных вузах, а наши вузы — принимать европейских педагогов, что положительно скажется как на качестве образования в РФ, так и на укреплении культурных связей между Европой и Россией;
- выпускники российских вузов смогут трудоустроиваться в странах Европы;
- подготовка специалистов станет более эффективной и менее дорогой. За счет исключения из учебных программ вводных и общих предметов можно будет сократить подготовку специалиста (бакалавра) на год, сделав при этом больший упор на обучение навыкам будущей профессии, что соответствует вызовам современного рынка труда;
- появление курсов по выбору увеличит свободу студента, даст ему возможность получать более разностороннее образование, даст возможность варьировать профессиональную подготовку, менять специальность;
- академические кредиты сделают оценку знаний и умений более прозрачной, объективной, а их накопительный характер делает возможным не пересдавать предметы после перерыва в учебе, а продолжать образование, суммируя новые кредиты с уже имеющимися.

Сторонники Болонской реформы делают отсюда вывод, что в целом эта реформа направлена на повышение эффективности высшего образования России, приближение его к европейским стандартам и соответствие новым условиям жизни.

Противники реформы выдвигают следующие аргументы:

- сближение нашего образования с евростандартами будет способствовать «утечке мозгов» из России в Европу (то есть эмиграции лучших выпускников), что негативно скажется на отечественной экономике и культуре;
- сокращение срока учебы в бакалавриате до четырех лет и упразднение общих и вводных дисциплин снизит уровень подготовленности выпускников, в результате чего большинство из них не будут востребованы на отечественном рынке труда;
- конкурсный отбор при поступлении в магистратуру и тем более введение платы за нее лишит большое количество студентов возможности получить полноценное образование;
- система кредитов приведет к тому, что студенты будут стремиться набрать баллы легкими способами (например, не работой в лаборатории, а самостоятельной работой, которую труднее проконтролировать), в итоге диплом бакалавра получают студенты, не обладающие должной квалификацией;
- в результате реформы российское высшее образование потеряет свое национальное лицо, произойдет разрыв с отечественной университетской традицией.

Противники реформирования российской высшей школы по Болонскому образцу делают отсюда вывод, что цель реформы — разрушение отечественной системы образования и ослабление России. Этот вывод вписывается в популярные среди оппозиционеров «теории заговора», представляющие политическое руководство РФ как марионетку в руках западных держав.

Однако мы считаем, что ни тот ни другой вывод не соответствует действительности. Сторонники реформы не правы в том, что она позволит нашим студентам обучаться на Западе. Выезд за рубеж и проживание там должны быть финансово обеспечены (не говоря уже о том, что в ряде зарубежных вузов, прежде всего в Германии и в Великобритании, существует пусть небольшая, но плата за обучение). Реформа российских вузов не предусматривает дополнительного финансирования пребывания студентов за рубежом, скорее, наоборот, пафос реформы состоит в том, чтоб сэкономить на образовании, сократить расходы государства на него. Поэтому оплата академической мобильности ляжет на плечи самих студентов и их родителей (за исключением разве что нескольких столичных вузов, которые имеют хорошие связи с зарубежными университетами).

ми и солидных спонсоров, а также отдельных наиболее талантливых студентов, учеба которых будет оплачиваться фирмами, заинтересованными в контрактах с ними). Таким образом, воспользоваться этой широко разрекламированной возможностью смогут единицы. Что же касается трудоустройства выпускников в Европе, то в странах Евросоюза констатируется стабильная (от пяти до десяти процентов) безработица, даже выпускники европейских вузов не могут найти себе место, вряд ли при этом работодатели будут отдавать предпочтение выпускникам из России, при том что россияне, очевидно, будут хуже знать язык, обычаи, традиции страны пребывания, чем коренные жители и даже жители других европейских стран. Далее, трудно не согласиться с утверждениями противников реформы о том, что переход на подготовку бакалавров, связанный с сокращением учебных программ и сроков обучения, приведет к понижению уровня подготовки выпускников. Бакалавр педагогики или агрономии, безусловно, будет уступать в профессиональной квалифицированности дипломированному специалисту, учившемуся пять лет по стандартной программе. Во всяком случае, опыт Запада показывает, что работодатели с недоверием относятся пока к выпускникам с дипломами бакалавров. Более того, мы убеждены, что сами архитекторы реформирования высшей школы из госаппарата не вполне искренни, когда убеждают всех, что бакалавриат эффективнее специалитета или, по крайней мере, не уступает ему. Если бакалавриат столь эффективен, то государство было бы заинтересовано в том, чтоб ввести его в вузах, которые готовят специалистов жизненно важных, приоритетных для государства областей — защиты от внешних врагов, поддержания внутреннего порядка. Однако, как мы уже замечали, Министерство образования и руководство в России не желали вводить «эффективный» бакалавриат в вузах Минобороны, ФСБ, МВД и сохранило в них «устаревший», «затратный» специалитет. Как известно, если слова расходятся с делами, то доверять следует делам. Под аккомпанемент красивых речей о модернизации образования по европейскому образцу Минобразования своими делами показало, что считает традиционный российский специалитет более эффективным.

Но отсюда же видно, что неправы те, кто считает, что наше руководство целенаправленно разрушает доставшуюся нам от СССР систему высшего образования, действуя в интересах наших геополитических оппонентов — стран Запада и прежде всего США. Если бы это было так, то логично, что разрушение надо начать со стратегических, необходимых для нормального функционирования государства

сфер — тех же вузов Минобороны, МВД, ФСБ. Однако они остались в целостности и сохранности: губительное прикосновение Болонского процесса их миновало. Это значит, что государство российское обладает в большой степени свободой и независимостью действий и всерьез заботится о самосохранении и укреплении. Но каковы тогда причины столь активного и непреклонного «реформирования» значительной части российских вузов, при том что застрельщики и проводники реформы прекрасно понимают, что результатом ее станет снижение квалификации выпускников значительного числа специальностей? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к специфике советской системы высшего образования и к ее судьбе в постсоветскую эпоху.

5. Советская система высшего образования и ее судьба в постсоветскую эпоху

Советская высшая школа в ее классическом виде была создана в начале 1930-х годов. После революции 1917 года высшая школа бывшей Российской империи была подвергнута целому ряду ультралиберальных экспериментов, во многом напоминающих современную Болонскую реформу. Срок обучения в вузах был сокращен до трех — трех с половиной лет, а для лиц, желающих заниматься после вуза научной работой, были созданы специальные курсы, подтягивающие будущих аспирантов до уровня дореволюционного выпускника, что напоминает бакалавриат и магистратуру. Лекционные занятия были сведены к минимуму и заменены семинарами, где использовались самые авангардные педагогические технологии («бригадный метод»), упор делался на самостоятельную работу студентов. Было произведено так называемое стержневание планов, то есть список общеобязательных дисциплин был сокращен с тем, чтоб студенты занимались их углубленным изучением (нечто подобное происходит сейчас с введением бакалавриата). Наконец, вместо экзаменов и зачетов была введена система баллов, начислявшихся за каждый изученный предмет и похожих на современные академические кредиты. Однако опыт показал, что эта реформа привела к плачевным результатам. Когда перед страной встала необходимость ускоренной индустриализации, выяснилось, что вузы не могут обеспечить промышленность и народное хозяйство в целом высококвалифицированными специалистами. Вузы оканчивали лишь около десяти процентов тех, кто поступил в них, но и эти выпускники были фактически полуграмотными, им нельзя было доверять серьезные технические и организационные задачи. В начале 1930-х годов партия и правительство выпускают

ряд документов, которые существенно изменили советскую высшую школу (Постановление ЦИК «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 1932 г., постановление ЦИК и СНК «Об образовании Всесоюзного комитета по высшей школе при СНК СССР от 1937 г.). Обучение было продлено до пяти лет и стало одноуровневым, были восстановлены ученые степени и звания, отмененные в пылу революции, введены лекции, семинары и экзамены, пятибалльная система оценок и зачетные книжки, приняты общесоюзные учебные планы и программы. Советская высшая школа начала приобретать тот вид, к которому мы привыкли. Конечно, изменения происходили не сразу, полностью советская высшая школа сформировалась в классическом виде лишь в 1960–1970-е годы.

Наиболее характерными чертами советской высшей школы, резко отличающимися ее от западного университета, были:

1. Общеизвестность высшего образования. В отличие от стран Запада и от дореволюционной России, для которых характерно существование «школы двух коридоров» (школы для элиты и школы для народа), в СССР была создана общая бессловная бесплатная средняя школа, после окончания которой каждый выпускник имел право сдавать экзамены в вуз. Система поступления строилась так, чтобы единственным критерием были соответствующие способности. Конечно, жизнь вносила свои коррективы, так, хотя Конституция 1937 года гарантировала всем равные права, фактически вплоть до 1960-х годов поступление в вузы было затруднено для выходцев из бывших буржуа и дворян, для детей жертв политических репрессий и детей раскулаченных крестьян. В 1960–1980-х годах существовала негласная квота для евреев. Нельзя не упомянуть и то, что в период стабилизации советского общества (1970-е — первая половина 1980-х) выходцы из семей партийной и государственной элиты стали иметь больше шансов на поступление, чем выходцы из простонародья, в силу личных связей своих родителей в системе образования и изначально лучшей довузовской подготовки. Но постепенно процесс нормализовывался. По мере того, как репрессии отходили в прошлое, ограничения для потомков репрессированных исчезали. К 1980-м годам и идеология стала приобретать ритуальные черты, идеологические квоты стали барьером, который научились легко обходить. Наконец, государство боролось и с тенденцией «элитаризации образования»: вводились квоты на прием большого числа рабочих, крестьян (например, создавались «рабочие факультеты», где получали довузовскую подготовку выходцы из среды рабочих, бесплатные подготови-

тельные курсы для всех желающих абитуриентов). Помимо этого система олимпиад, заочных школ при вузах позволяла обнаруживать юные таланты еще на школьной скамье, из каких бы социальных слоев они ни происходили, и способствовать их поступлению в вуз.

Общепризнанно, что индустриальный рывок, который СССР совершил дважды — в 1930-х и в 1950-х годах, во многом был обеспечен доступным бесплатным, углубленным и систематичным школьным и вузовским образованием.

2. Полное огосударствление высшей школы. Советская высшая школа, в отличие от университетской системы Запада, находилась полностью под контролем государства. В СССР не было и в принципе не могло быть частных вузов, все вузы принадлежали государству. Советское государство полностью контролировало всю жизнь и деятельность высшей школы. Вузы были лишены даже минимальной автономии. Во всех вузах — от Бреста до Владивостока — действовали одни и те же принятые органами государства учебные планы и программы, ученые степени и звания по всей стране утверждал общесоюзный государственный орган (ВАК СССР) независимо от того, где проходила защита диссертации. Даже должности в университетской иерархии (ректор, проректор, декан, заведующий кафедрой) назначались с согласия соответствующих партийных и государственных органов. Безусловно, это имело ряд негативных последствий (мало учитывались особенности того или иного региона или даже университета, на должности в руководстве университетов попадали случайные люди — карьеристы и бюрократы), вместе с тем, в полном согласии с законами диалектики, эти недостатки были связаны и с определенными достоинствами. Прежде всего, благодаря этому была осуществлена стандартизация высшего образования по всей территории страны. Выпускник сибирского вуза мог поехать работать на Украину, и там были уверены, что он получил тот же самый набор знаний и умений, что и выпускник украинского вуза, что сибирский диплом эквивалентен украинскому. То же самое касалось и научных работников: ученый-педагог, защитивший диссертацию в Тюмени, мог работать и преподавать в любом университете Советского Союза. Причем эта стандартизация была ориентирована не на низкую или среднюю, а на высшую планку. Благодаря системе распределения выпускник московского элитарного вуза преподавал в Комсомольске-на-Амуре, и уровень образования в маленьком дальневосточном городе был эквивалентен столичному. В этом состояло еще одно принципиальное отличие советской высшей школы от западной: ведь в Европе и США

М. А. Нестерова-Берзина. Плакат, 1948

в каждом университете (не говоря уже о разных странах) — различные учебные программы, ученый, защитивший диссертацию в одном вузе, получает степень, которая не признается в другом. В общем-то, Болонская система на Западе и направлена на то, чтоб ликвидировать этот хаос. Можно сказать, что в ходе сталинской реформы высшей школы 1930-х годов в СССР были уже выполнены те же задачи, на решение которых в рамках Евросоюза направлена Болонская реформа.

3. Авторитаризм учебного процесса. Для советской высшей школы был характерен авторитарный характер отношений между преподавателем и студентами и вообще — всего учебного процесса. Идеалом являлось искреннее уважение студента к преподавателю и добровольное послушание ему, то есть не отношения взаимовыгодного договора, как в модернистском обществе («общество — рынок»), а отношения сыновней (дочерней) почтительности, свойственные традиционному обществу («общество — семья»). Естественно, идеал почти никогда не встречался на практике, но он задавал определенную цель. Студенты называли преподавателя на вы, по имени и отчеству, приветствовали преподавателя

вставанием, когда он входил в аудиторию, во время занятий они должны были вести себя тихо, не переговариваться между собой, не есть и не пить, не вставать и не ходить по аудитории. Выйти из аудитории или зайти в нее они могли только с разрешения преподавателя. Более того, они не могли даже сидеть, как им удобно, преподаватель мог сделать замечание и заставить принять позу внимания и послушания. В советских вузах студента могли даже обязать не носить определенный вид одежды или определенную прическу. Фактически преподаватель советского вуза, в отличие от своего западного коллеги, играл роль не просто преподавателя, передающего знания желающим учиться, а воспитателя, который надзирал за выполнением определенных правил поведения и в случае нарушений применял репрессивные меры, выступая в данном случае как представитель администрации.

Администрация вуза также обязывала студентов подчиняться учебному плану и расписанию занятий, которые составлялись без учета мнения студентов (впрочем, как и преподавателей). Студенты не могли выбирать преподавателя, предметы и т. д., они были обязаны посещать все занятия под страхом наказания, сдавать экзамены в установленный вузом (а не в удобный самим студентам) срок, организовано, в составе студенческой группы.

Жизнь студентов в западном вузе строилась и строится по совершенно противоположным принципам. Студент западного вуза видит в преподавателе партнера, обращается к нему на ты, оценивает его занятия, общается с ним в неформальной обстановке. Студент обладает самостоятельностью и активностью в плане организации учебного процесса: он сам решает, какие занятия каких преподавателей ему посещать, не будучи при этом ограничен рамками факультета (конечно, некоторые базовые, «обязательные» курсы он освоить должен, но опять-таки когда ему этого захочется), он может сдавать экзамен, когда ему угодно, прерывать учебу и снова возобновлять и т. д. В европейских вузах не обязательно заканчивать учебу в определенный срок, никто не осуждает студентов, которые проходят курс вторично или в третий раз, более того, они делают это зачастую добровольно. Преподаватель, равно как и администрация вуза, не может ни к чему принудить студента, не может заставить посещать занятия в обязательном порядке, лишить статуса студента за несданный экзамен (исключение составляют случаи нарушения базовых университетских правил; например, эссе, лабораторная работа или диссертация, которая является плагиатом, — причина для отчисления).

Обычно критики советской системы обращают внимание на то, что, в отличие от студентов западного университета, студенты советских вузов (а зачастую и современных российских вузов) лишены элементарных либеральных прав, к ним относятся не как к полноправным гражданам, которые сами могут решать, как им организовать свое учебное время и учебный процесс, а как к детям, которые нуждаются в том, чтобы за них принимал решение «отец», некая авторитетная инстанция (преподаватели, администрация вуза, министерство, государство). Но не говоря уже о том, что такой авторитаризм органичен для обществ традиционного типа, каковым во многом оставался СССР, он оправдывал себя практически. *Благодаря авторитаризму учебного процесса и жесткой дисциплине советские вузы в короткий срок готовили в массовом количестве специалистов стандартного и выше стандартного уровня.* Работая по принципу «не хочешь — заставим, не можешь — отчислим», они выдавали более девяноста квалифицированных выпускников на каждые сто поступивших. Тогда как результатом академической свободы в западных университетах является то, что большинство студентов учатся гораздо больше срока, который отводится на получение определенной степени (например, вместо трех-четырех лет — от пяти до семи), и, кроме того, только около тридцати процентов получают итоговые академические степени, большинство бросает учебу на ранних стадиях. В сегодняшней Европе растет беспокойство этим фактом: ведь, с одной стороны, студенты требуют бесплатного высшего образования, с другой — они готовы учиться десятилетиями; расходы на их обучение ложатся на плечи налогоплательщиков. Современные европейские политики пытаются решить эту проблему, не нарушая принципов «священной» для них либеральной парадигмы — личных свобод, они вводят плату за образование, дабы финансовый фактор подталкивал студентов учиться побыстрее, но за это приходится расплачиваться еще большей элитаризацией образования. Согласимся, что в Советском Союзе эта проблема все же была решена — за счет того самого авторитаризма высшей школы, который теперь является предметом критики.

4. Связь советской высшей школы с народным хозяйством. Еще одна характерная черта советского вуза — его неразрывная связь с хозяйством. Он не давал образование свободным индивидам, которые потом сами решают, где им применить свои знания, и значит, сами несут ответственность за то, найдут они себе работу или нет. Это свойственно как раз западному вузу. Советский вуз давал образование гражданам, которые, став специалистами, были обязаны отдать свой труд и умения в той области хозяйства, на какую им укажет государство. В СССР суще-

В. И. Говорков. Плакат, 1956

ствовала система трудового распределения, согласно которой каждый выпускник вуза обязан был в течение некоторого времени (обычно три года) отработать на определенном производстве, в определенном городе или поселке и т. д., причем по месту работы молодому специалисту предоставлялись благоприятствующие условия (бесплатно давалось жилье, выплачивались деньги для устройства на новом месте), с тем, чтобы материально заинтересовать специалиста остаться здесь навсегда. Система распределения была оборотной стороной того, что образование в СССР было бесплатным для студента (государство оплачивало его образование, и он был обязан вернуть «долг» государству своим трудом в течение трех лет).

Опять-таки нельзя не указать на то, что в СССР по-своему была решена проблема, которая стоит сейчас перед европейской высшей школой. Недаром одно из требований Болонского процесса — забота университетов о трудоустройстве студентов. Безработица или работа не по специальности — обычное дело для современных европейских выпускников, а ведь образование во многих странах Европы субсидируется государством, так что большие средства налогоплательщиков «выбрасываются на ветер».

Итак, в СССР была создана и функционировала общедоступная, государственная, авторитарная, тесно связанная с народным хозяйством высшая школа, которая досталась в наследство РФ. Бесплезно сравнивать эту школу по эффективности с западной, это все равно что спрашивать, что лучше — комбайн или самолет? Комбайн хорош для того, чтобы убирать хлеб, самолет — чтобы быстро перемещаться на большие расстояния. Западная и советская высшая школа также имели различные предназначения. Западная высшая школа характерна для общества либерального, модернистского типа, которое современный российский политолог С. Г. Кара-Мурза определяет как «общество — рынок», так как все взаимоотношения в нем носят характер взаимовыгодного договора. *Цель этой школы — не производство такого количества специалистов, которое необходимо национальному хозяйству, системе образования, культуры и т. д., а предоставление выходцам из средних и высших классов возможностей для раскрытия индивидуальных способностей, досуга и т. д.* Заниматься или не заниматься ему потом работой по специальности и вообще работать или не работать и даже доучиваться или не доучиваться — дело индивидуального выбора, хотя система ценностей, во главу угла которой поставлена конкуренция, побуждает определенную часть молодых людей не просто учиться, а учиться хорошо, дабы затем повысить свой социальный статус. Результат такой системы образования — не просто специалист, а типаж социально активного индивидуалиста, готового к конкуренции и ориентированного на «успешность».

Цель советского вуза — производство большого количества специалистов как минимум среднего, а желательно и высокого качества для всех отраслей народного хозяйства. В отличие от западного или дореволюционного российского вуза для него норма — не десять процентов квалифицированных выпускников от общего количества поступивших, а более девяноста процентов. С этой целью связаны и его особенности: экзаменационная система отбирала пригодный для обучения «человеческий материал», принудительный характер обучения обеспечивал количественный фактор (по принципу «не хочешь — заставим»), обязательное трудоустройство переправляло этих специалистов в систему хозяйства, культуры, образования, здравоохранения и т. д.

Цель советского вуза была оправдана самими условиями его возникновения.

Во-первых, страна переживала ускоренную модернизацию и нуждалась во множестве специалистов самых разных отраслей.

Во-вторых, страна была ориентирована на автаркию, то есть на экономическую самодостаточ-

ность (СССР не был включен в «мировую экономику» на правах одной из ее специальных отраслей, а предпочитал всем обеспечивать себя сам), что также требовало постоянного воспроизводства большого количества специалистов.

В-третьих, в основе социальной политики советского государства лежал принцип уравнительного распределения необходимых жизненных благ на всех без исключения граждан. Этот принцип восходил не только к коммунистической идеологии, но и к традиционной ментальности русских. Отсюда, например, стремление охватить медицинским обслуживанием всю страну, что требовало огромной «выпускной способности» от медицинских вузов (в странах Запада медицинские вузы все же ориентируются на выпуск специалистов для элиты общества, большие части общества сознательно не охватываются полноценной медицинской помощью).

Кстати, ориентированность советской высшей школы на задачи модернизации определяла и ее недостатки. Так, слабым местом советского вузовского образования была подготовка специалистов-гуманитариев. Гуманитарные науки требуют большей свободы, возможности дискутировать, творить, отходить от канонов, все это вступало в противоречие с самим духом авторитаризма советской высшей школы, не говоря уже об официальной идеологии.

6. Советская высшая школа в постсоветскую эпоху: зачем реформируют российские вузы

В 1990-е годы в бывшей РСФСР произошли большие изменения. Ввиду отказа государства от поддержки целых отраслей хозяйства, открытия национального рынка для дешевых товаров (особенно из стран Азии — Турции, Вьетнама, Китая), непродуманной криминализированной приватизации, в результате которой многие предприятия были растащены и распроданы, произошла радикальная реструктуризация хозяйства. Резко снизилось количество предприятий оборонной промышленности, практически была разрушена отечественная легкая промышленность. Ввиду недофинансирования, демографического кризиса, реформ министерства, направленных на укрупнение системы образования, уменьшилось количество школ, учреждений дошкольного воспитания. То же самое касается и учреждений культуры (клубов, библиотек, дворцов пионеров, дворцов культуры, театров и т. д.) С упразднением колхозов пришла в упадок деревня, и значительная часть земли до сих пор остается необработанной, уменьшается поголовье скота. Таким образом, снизилась востребованность специалистов самых разных профилей — инженеров, агрономов, учителей, библиотекарей и т. п. Кро-

ме того, полуразвалившееся хозяйство не получает даже того минимума специалистов, которые еще требуются, в стране произошел настоящий культурно-идеологический переворот, СМИ навязывают общественному сознанию и особенно молодежи идеалы и ценности потребительства, легкого обогащения, в результате целый ряд профессий, ставших сегодня малооплачиваемыми (инженер, учитель и т. д.), потерял привлекательность в глазах молодежи.

Вместе с тем доставшиеся от СССР вузы, которые, как мы выяснили, по природе своей суть не что иное, как конвейеры специалистов, продолжают выпускать новых и новых выпускников, значительная часть которых не может, да и не хочет работать по специальности. Это напоминает ситуацию из сказки Андерсена, когда волшебный горшочек, которому было приказано «варить!», наварил столько каши, что ее никто уже не мог есть, а он все продолжал варить. В результате дипломированные инженеры и педагоги, окончившие российские вузы, занимаются посредничеством, торговлей, частным извозом и т. д. В сущности, учеба в вузе для многих современных студентов представляет собой лишь способ приобретения более высокого социального статуса, который дает диплом о высшем образовании; знания, которые можно получить на конкретном факультете, им не нужны, потому что они им в будущем не пригодятся. Соответственно, со стороны студентов наблюдается массовый саботаж учебы (не говоря уже о том, что они и приходят в вуз гораздо хуже подготовленные, чем их предшественники двадцать лет назад), преподаватели отвечают на это снижением критериев оценок, так как администрация не потерпит отчисления значительного числа студентов, особенно «платников». Снижается и качество подготовки преподавателей.

В то же время, по данным 2009 года, государство тратит на обучение одного среднестатистического студента вуза (содержание и оснащение зданий, лабораторий, библиотек, оплата труда профессорско-преподавательского состава и т. п.) около сорока пяти тысяч рублей в год, вместе с тем стоимость обучения на платных специальностях (не считая популярных юриспруденции и экономики) составляет около тридцати тысяч рублей. Итак, даже студенты, учащиеся на платной основе, не могут покрыть расходы государства на их обучение, государство доплачивает за них часть стоимости бюджетных студентов. И это при том, что от тридцати до семидесяти процентов этих студентов не будут работать по специальности, значит, деньги государства будут потрачены впустую. Содержать себя сами вузы могут лишь за счет увеличения приема экономистов и юристов, но их и так пере-

избыток на рынке труда, и это плата за сокращение госфинансирования вузов.

В этой ситуации необходимость реформы очевидна и вызвана она не злой волей чиновников от образования, а теми патовыми обстоятельствами, в которые загнало себя политическое руководство, осуществив шоковую реформу экономики. Система вузовского образования была тесно связана с промышленно-производственным и сельскохозяйственным комплексом, с советской системой здравоохранения, культуры и т. д., со всеми системами жизнеобеспечения страны. Разрушение их привело и к краху отечественной высшей школы. Вузовская система сверхдержавы также плохо вяжется с государством с полуразрушенной, включенной в периферию мирового капитализма экономикой, живущим за счет экспорта энергоносителей, как колесо от «мерседеса», приданное к телеге. Нашу высшую школу можно было бы сохранить, если бы политическое руководство взяло курс на восстановление промышленности, сельского хозяйства, военно-промышленного комплекса, общедоступной медицины, образования и т. д. Но поскольку руководство неоднократно заявляло об отказе от имперских амбиций и от патерналистского социалистического государства, то ясно, что систему высшего образования ждут большие перемены. Современной России как региональной державе и государству авторитарного типа с экономикой, ориентированной на экспорт энергоносителей, требуется иная высшая школа. Ей требуются хорошо подготовленные работники спецслужб, милиции и армейские офицеры для победы в региональных конфликтах и подавления внутренних мятежей, а также для контроля над преступностью и радикальной политической оппозицией. Поэтому в РФ в вузах МВД, ФСБ и Минобороны, даже невзирая на вхождение в Болонский процесс, сохраняется специалитет. Большинство остальных вузов в значительной мере работают на получение «образования ради диплома», поэтому бакалавриата для них вполне достаточно, тем более что расходы государства на него меньше, чем на специалитет. В идеале, конечно, постсоветское российское государство вообще избавится от такого количества специалистов, которые уже не востребованы реструктурированным национальным хозяйством, и на это и направлено будущее сокращение количества вузов, но пока ничего нельзя поделать со стремлением масс дать своим детям какое бы то ни было высшее образование. Поэтому им предлагают своеобразный суррогат — бакалавриат, тем более качество образования для абитуриентов значения не имеет.

Таков наш ответ на вопрос о причинах реформирования высшего образования в РФ.

Дмитрий ИГУМНОВ

Дмитрий Игумнов родился в памятном 1937 году в Москве (коренной москвич в пятом колене).

Служил на Балтийском флоте, в морской авиации. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. Имеет более трехсот научных работ и изобретений, ряд которых переведены на английский и другие иностранные языки.

Один из первых рассказов «Вся надежда на вас, товарищ Пробкин» был опубликован в журнале «Наш современник» в 2005 году. Вскоре состоялись публикации рассказов Игумнова и в журнале «Юность». А в 2008 году в издательстве журнала «Юность» вышла книга прозы Дмитрия Игумнова «Рыжий».

В настоящее время Дмитрий Васильевич работает в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики на кафедре технической электродинамики и электроники.

Рассказы и притчи Дмитрия Игумнова — это поучительные истории, полные иронии и драматизма.

ОДИНОКИЙ СЕЛЕЗЕНЬ

ПРИТЧА

Рисунок Елизаветы Горяченковой

Весна неодолимой силой увлекала стаи пернатых на север, в родные края. По небу с утра и до позднего вечера тянулись птичьи караваны, разнообразные по форме и численности, иногда сопровождаемые восторженными криками. Были среди небесных путешественников и сообщества диких уток, как правило, ведомые старыми и опытными селезнями.

В одном из таких вытянутых почти в прямую линию утиных порядков, равномерно хлопя крыльями, уверенно держался молодой селезень Дик. Это был его первый перелет с южной зимовки, это была его первая взрослая весна, расцветившая дивными красками юности. Вожаком в стае был одинокий пожилой селезень — дядя Дика по материнской линии.

Длительные дневные перелеты порой доводили странников до полного изнеможения. Приближался вечер, и усталая стая крякв ждала сигнала вожака о ночлеге.

Мудрый селезень предпочитал выбирать места отдыха в больших людских поселениях, что вызывало непонимание у молодого поколения. Зачем,

вместо того чтобы укрыться от своего злейшего врага — человека, нарочно представлять перед множеством людей?

— Рэб-рэб. Люди бывают разные! Запомните это, ребята, — назидательно крякая, наставлял молодежь старый селезень. — Плохие люди — это охотники, которые убивают наших братьев порой просто так, ради забавы. Творят они такое, когда мы пребываем на прудах и озерах в отдалении от населенных пунктов. Но когда охотники находятся в городах среди хороших людей-неохотников, то у них нет с собой ружей. Стало быть, в это время они нам совсем не опасны. Хорошие же люди иногда даже подкармливают нас как добрых странников, приносящих с собой радость весны. Так-то вот. Рэб-рэб. Намотайте это себе на клюв.

В тот апрельский вечер утиная стая никак не могла найти себе подходящее место для ночлега. Все немногочисленные озера небольшого средне-русского города были плотно заняты прилетевшими несколько ранее водоплавающими. Помыкавшись и даже поскандалив с более удачливыми пришель-

цами, стая Дика была вынуждена искать себе прибежище даже не на окраине города, а в заметном удалении от него. В конечном счете вожаку удалось найти полузросший бочажок у протекающей по опушке леса небольшой речушки.

Совершив посадку, уставшие утки слегка погалдели, а затем, подкрепившись ряской и кишашими кругом насекомыми, погрузились в состояние покоя, спрятав голову, а вернее клюв, под крыло. Установив порядок дежурств по охране отдыхающей колонии, в дремотное состояние ушел и старый селезень. Короткая весенняя ночь прошла спокойно, без каких-либо неприятностей. Забрезживший расцвет предвещал скорую побудку.

Предутренний сон часто бывает очень крепким. Дрема охватила и дежурного селезня. И вдруг тревожные звуки зазвучали рядом с ночной стоянкой крякв. Угроза, как всегда, пришла от людей с ружьями. Вожак мгновенно скинул с себя остатки сна и издал кряк тревоги, повелевающий срочно покинуть место ночлега.

Первыми старт взяли утки, а за ними и селезни с предельной скоростью устремились в затуманенное небо. С небольшой задержкой и как-то нестройно прозвучали ружейные выстрелы. Несколько членов утиной стаи упали, пораженные безжалостной дробью. Стрелявшие люди подняли восторженный гвалт и бросились подбирать добычу. Полупьяные браконьеры были без собаки и, наверное, поэтому не смогли подобрать всех подстреленных ими птиц. Так в камышовых зарослях остался лежать потерявший сознание раненый Дик.

Обморочное состояние молодого селезня рисовало ему разнообразные, порой противоположные, эмоциональные видения: то радостные, то откровенно страшные. Так продолжалось несколько часов. Уже солнце минуло свой полуденный экватор, стал накрапывать небольшой дождик. Может, небесная влага, а может, и голоса проходящих возле бочага людей вывели Дика из забытья, и он, встречая земную реальность, призывно закричал, чем и обнаружил свое местонахождение.

Раздвинув камыши, мужчины с некоторым удивлением стали обсуждать увиденное.

— Откуда здесь этот селезень? Да, похоже, подстрелили беднягу, — с долей участия рассуждал седенький старичок и, как бы советуясь со своим более молодым спутником, неопределенно покачал головой. — Может, еще очухается? Возьму, пожалуй, его в свой птичник.

— Да на кой нужно с ним возиться? Лучше сверни ему башку — и в суп, — смеясь, возразил ему тот.

— Это всегда успеется. А так все же интерес.

С этими словами старичок постарался поаккуратнее положить раненого селезня в большую полупустую сумку, висевшую у него за плечами.

Очутившись в сумке, Дик снова потерял сознание.

Небольшой птичий дворик личной крестьянской фермы встретил нового поселенца неоднозначно, но с явным интересом. Этот возникший в первое время интерес у кудахтающих кур и гагающих гусей вскоре сменился полным безразличием. А вот у одомашненных дальних родственников Дика — уток — появление дикого селезня стало самым обсуждаемым вопросом. Вокруг лежащего на соломе раненого пришельца постоянно находились представительницы утиной общности.

— Какой красавец! — вздыхали молоденькие уточки и в разных наклонениях обсуждали яркий наряд Дика. — Красив, красив, нечего сказать, но уж больно мелковат. С таким и не всегда поиграешь. Ненароком и задавить можно.

Такое мнение в основном звучало от дородных пекинских уток, которые были почти в два раза крупнее дикого селезня кряквы. Более сдержанно, но также негативно отзывались и другие, совсем не худенькие блондинки — утки московской породы. Были, однако, представительницы иных домашних пород, настроенные значительно доброжелательнее.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — участливо справлялась пожилая утка Джейн, принадлежащая к породе хаки-кембелл. — Вы еще так молоды, у вас еще много сил в запасе. Я уверена в вашем скором выздоровлении.

Самую большую расположенность к Дику открыто демонстрировали молоденькие уточки породы индийских бегунов. Эти небольшие и шустрые девушки были явно равнодушны к беспомощно лежащему кавалеру. Красочное оперение Дика доводило некоторых из них почти до обморочного состояния.

Среди этих непосед особо благожелательное отношение к дикому селезню проявляли три подружки — Кира, Сима и Аза. Они старались вызвать у него ответную симпатию не только своим постоянным дефилированием, но и вполне конкретной помощью. Прежде всего, подружки приносили в своих клювах пищу для Дика из стоящих поблизости долбленых корыт. Инстинкт жизни срабатывал безукоризненно: путь к сердцу селезня лежал через желудок.

Дик пока еще не начал заметно поправляться физически, но к нему уже стал возвращаться интерес к жизни. Он по-прежнему продолжал лежать, поскольку попытки прервать это состояние приводили к сильным болям в простреленном крыле. Его

новые подружки безуспешно пытались помочь ему подняться на ноги. И вот тогда самая игривая из них, Аза, попробовала своим тонким клювом вытащить дробинки, застрявшие в крыле Дика. Конечно, не с первой попытки, но все же ей удалось удачно провести такую операцию. Извлеченную дробь утка восторженно продемонстрировала своим подружкам, а затем проглотила эти свинцовые шарики:

— Пусть останутся во мне в память о первой любви.

Кира и Сима не желали отставать. Их попытки вытащить из крыла Дика дробинки имели меньший успех, но все же и они порой давали положительный результат. Причиняемая при этом боль доводила пациента до отчаяния. Но боль проходила, и постепенно стали проявляться явные признаки выздоровления.

Прошло еще несколько дней, и Дик, хотя и с трудом, смог доковылять до кормушки, волоча за собой подбитое крыло.

В большом сарае было достаточно уютно, но дикому селезню неодолимо хотелось побыть в воде, искупаться, скинуть с себя многодневную грязь. Умудренная жизненным опытом старушка Джейн предупреждала:

— Будьте осторожны, сэр. С такими грязными перьями вы не сможете ни летать, ни плавать.

Еще от своих родителей Дик слышал, что грязь на перьях есть страшное зло, делающее утку почти беспомощной. О полете, конечно, нужно было пока забыть, а вот поплавать жуть как хотелось.

Он поделился своими тревогами и желаниями с Азой и ее подругами. Те, слегка покрякав между собой, предложили ему зайти в угол двора, где раскинулась лужа весьма значительных размеров. Была эта купель мутной и мелкой, но выбирать не приходилось.

Первые водные процедуры продолжались не менее двух часов. Дик и дольше бы полоскался, но прозвучал сигнал, зовущий к обеду, и похорошевший селезень уже относительно уверенно смог составить трапезную компанию обитателям птичьего двора.

Время шло, и Дик перестал выглядеть жертвой пьяных браконьеров, хотя до возобновления полетов было еще далеко. Вместе с шустрými подружками он теперь каждодневно ходил купаться на речку, запруженная часть которой походила на вполне удобный для уток пруд с достаточно чистой водой.

Появились у Дика и друзья среди молодых домашних селезней. Несмотря на дух соперничества, клокочущий в юной плоти, отношения складывались вполне пристойно, особенно с соплеменниками Азы и ее игривых подруг. Но все же лучшим товарищем Дика стал не озорной Дзынь, не дамский

угодник Крас, а толстый и мечтательный Тюбик, принадлежащий к породе белых московских уток. Почему такие непохожие друг на друга самцы стали неразлучными друзьями, сказать сложно. Началась эта дружба с того, что в возникшей в утином сообществе из-за какого-то пустяка ссоре они оказались союзниками. Драки теперь в преддверии периода брачных игр вспыхивали часто.

Была у Тюбика сестра — томная красавица Тина. Нравилась эта блондинка всем селезням без исключения. Пытался ухаживать за ней и Дик, но без особого успеха. Сердце красавицы еще не выбрало себе кавалера. Даже сердцееда Краса держала она на внушительном расстоянии. Время любви в утиной колонии еще не настало. Аза принимала грубоватые ласки Дика только на предварительной стадии. Он с обидой переключался на Киру и Симу, но и здесь его ждал вежливый отказ.

Подобное происходило с притязаниями и других селезней к своим подружкам. Возбуждение самцов требовало выхода. Вот тогда любвеобильный Крас и сделал предложение:

— Друзья, ведь недалеко от нас есть настоящая большая утиная ферма. Там девочки на любой вкус. Мой дядя рассказывал, что в свою молодость он не раз навещался туда со своими приятелями.

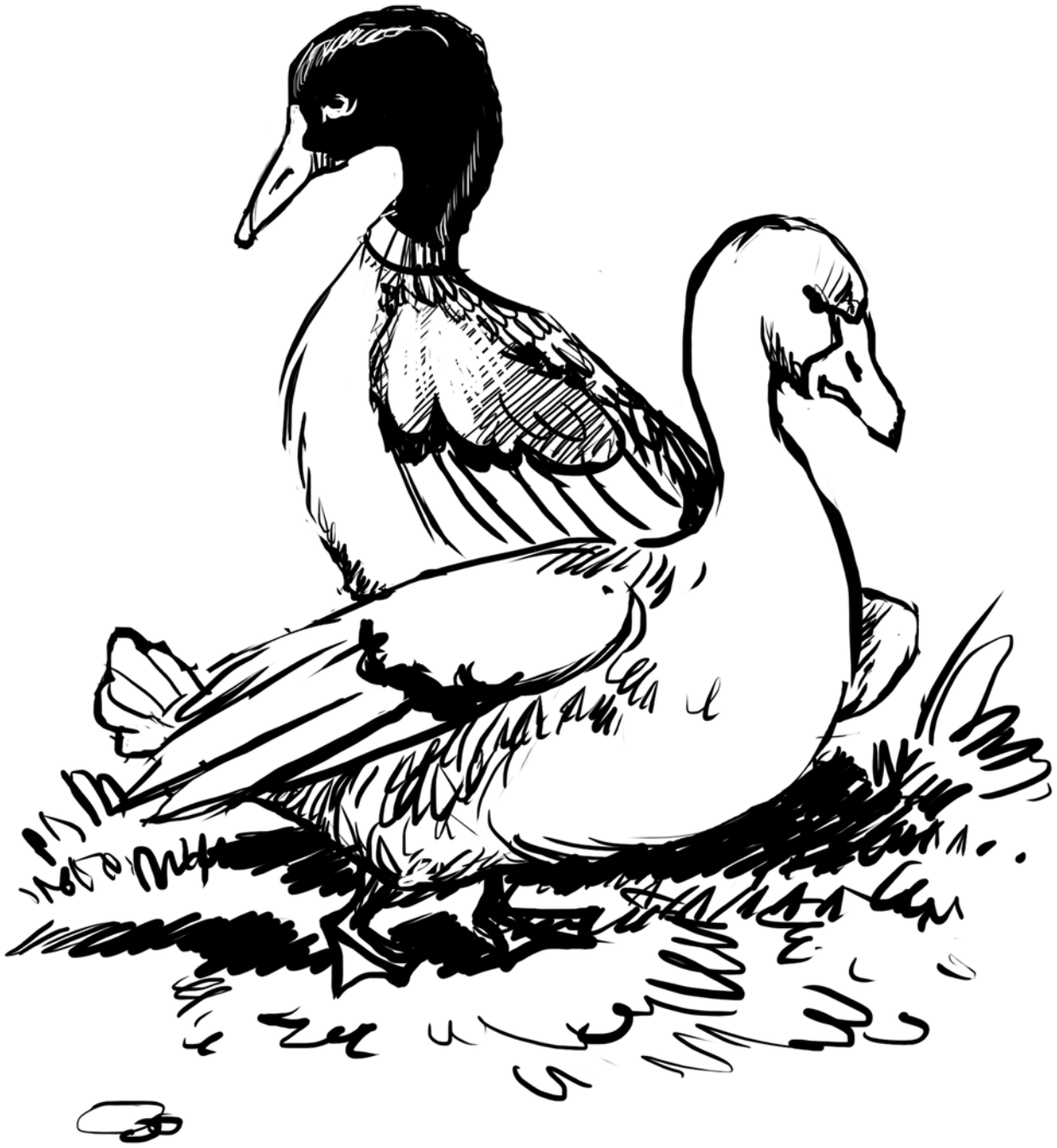
Действительно, не более чем в двух километрах вниз по течению реки от нынешнего места обитания Дика располагалась большая кооперативная ферма, на которой проживало не только обильное утиное сообщество, но и много другой домашней птицы. Со всех сторон ферма была огорожена сетчатым металлическим забором, так что пробраться на ее территорию было сложно. Приходилось надеяться только на брешь в защитном ограждении. Похоже, что Крас уже знал о нескольких лазах в поврежденной сетке и уверенно вел своих товарищей к желанной цели.

— Тихо, тихо, — командовал удалец. — Сейчас за бугром возле липы должна быть дыра в заборе. Только не лезьте все гурьбой. Я пойду первым, а вы за мной по одному.

Искомая брешь в заборе оказалась совсем небольших размеров. Рваные края в поврежденной металлической сетке создавали серьезную опасность. Однако страстное желание пообщаться с молоденькими уточками, так эмоционально разрекламированными Красом, понуждало спешить, легкомысленно пренебрегая опасностью.

В результате получилось все очень плохо. Если Крас и следующий за ним Дзынь пролезли вполне успешно, то толстый Тюбик застрял в дыре. Его отчаянные попытки освободиться привели только к тому, что острые края сетки впились в упитанное тело. Боль парализовала волю, и Тюбик громко за-

крякал. На ферме поднялась тревога: залаяли собаки, и появился вооруженный сторож. Это был конец. Пришельцев охватила паника, и их безумное кряканье разбудило ферму. От разных голосов, возбужденных и испуганных, уже сотрясалась вся округа.

Те из селезней, которые еще не успели пролезть сквозь дыру в заборе, пытаясь спастись, бросились врассыпную, а вот судьба Краса, Дзыня и Тюбика несколько дней оставалась неизвестной.

Вернувшиеся домой искатели любовных приключений были в шоке. Их рассказы о случившемся обрастали совершенно невероятным враньем. Впрочем, они и сами порой верили этим рассказам. Однако реакция оседлой части утиной общественности была явно не в пользу молодых селезней. Особенно переживали Азины подружки.

— Как после этого они могут смотреть нам в глаза? — возмущенно крякала Кира.

— А ведь с виду казались такими порядочными, — вторила ей Сима. — Даже увалень Тюбик и тот пошел в разгул.

Сестра Тюбика Тина ничего не говорила, а лишь грустно вздыхала. Молчала и убитая горем потенциальной измены своего избранника Аза.

Через пару дней, однако, появились на ферме полуободранные Крас и Дзынь. Они и поведали о горькой судьбе Тюбика, оказавшегося в пасти сторожевой собаки. Сами же рассказчики были заперты в каком-то щелястом сарае, откуда им невероятным образом удалось убежать.

— Все, баста, кря-кря. Зачем искать лучшего, когда есть хорошее. — Уже на следующий день Крас вновь принялся обхаживать своих прежних подружек.

Будни утиной фермы сменялись другими схожими буднями. Стремительно приближалось желанное время брачных игр, и вскоре забылись трагические события той страшной ночи. На зависть друзьям-соперникам особо красив в своем разноцветном наряде был Дик. Его одеяние засверкало цветами различных металлов. Черная голова засветилась синими и зелеными отблесками до самого узкого белого воротничка. Зоб и грудь стали ярко-каштановыми, а брюшко и бока — светло-серого цвета. На крыле заблестело синее зеркальце, обрамленное бархатисто-черной и белой каймой.

Бурлящая кровь блокировала остатки разумности, и зачарованные молодые уточки беспрестанно заливались крякающими призывами, на что селезни отвечали им свистящими и шипящими звуками, выделявая на воде разнообразные танцевальные движения. Особо привлекательные па были в арсенале сердцеда Краса. Он то опускал в воду клюв, то быстро выбрасывал хвост и поднимался над во-

дой почти вертикально, то распластывался по воде, взъерошивался и истомно изгибал шею.

Старая травма крыла не позволяла Дикуну соревноваться не только с Красом, но и с менее хореографичными селезнями. Однако плавные движения такого красавца не могли оставить равнодушными и Азу, и многих других уточек, включая очаровательную Тину. Вот уж у кого не было отбоя от ухажеров, так это у нее.

Обилие предложений обычно порождает неопределенность. Тина постоянно колебалась в выборе, кому из селезней отдать предпочтение. Не зная, как поступить, она решила обратиться за советом к умудренной жизненным опытом Джейн.

— Ситуация твоя не нова, и со мной в молодости случалось подобное, — грустно отвечала старушка. — Чтобы не ошибиться в выборе суженого, правильнее всего будет устроить соревновательный турнир для соискателей твоего крыла и сердца. Давай подумаем вместе, как это организовать.

У запруды речки было достаточно места для соревновательных заплывов, а недалеко от противоположного берега расцвела очень красивая водяная лилия. Посоветовавшись и даже поспорив, обе утки сошлись во мнении, что лучше всего следует устроить заплыв кавалеров к этому цветку. Кто первым достигнет лилии, сорвет ее и приплывет с ней обратно, тот и получит любовь красавицы.

Это предложение мигом облетело всю утиную ферму. Восторг ожидания предстоящего зрелища походил на сплошной крякающий гвалт. Среди молодых селезней нашлось с десяток охотников на обладание первой блондинкой утиного сообщества.

Утром следующего дня состоялся исторический заплыв. Зрителей было предостаточно. Пришли не только все утки, но и представители других соседних колоний: куры, гуси и даже два индюка. Главным рефери турнира была избрана мудрая Джейн. Она построила участников заплыва у береговой кромки, произнесла напутственную речь и приготовилась дать старт.

— На старт, внимание, кря!

Селезни бросились вперед, толкая друг друга и издавая призывные звуки победы:

— Фииб, кря, фииб!

Хотя проходимистый Крас и не постеснялся взять фальстарт, его стал быстро настигать проворный Дзынь. Симпатии болельщиков разделились. Одни подбадривали Дзыня, а другие кряканьем призывали Краса увеличить скорость.

На первых метрах дистанции Дик, не привлекая к себе внимания, держался в конце пелотона, но затем аккуратно поднырнул под него и появился на поверхности уже метрах в двух впереди лидеров гонки.

Еще один нырок — и перед ним появился куст водяных лилий с благоухающим прекрасным цветком. Дик громко крикнул и не мешкая перекусил стебель лилии. Затем он подхватил цветок клювом и нырнул в обратном направлении.

Восторженный гул поглотил все близлежащее пространство. Многие зрители просто потеряли контроль над своими чувствами. Такого возбужденного состояния еще никогда не испытывала птичья ферма.

Еще немного соревновательного времени, и Дик гордо выпрыгнул на берег с лилией в клюве. Тина томно изогнула шею и приготовилась покориться судьбе. Однако Дик не удостоил ее своим вниманием, а быстро проследовал в сторону небольшого поросшего травой бугорка, на котором располагалась Аза со своими подружками. Волнение зрителей при этом достигло предела. Постояв перед Азой несколько мгновений, Дик победоносно крикнул, а затем, плавно склонив голову, положил прекрасный цветок к ногам своей избранницы.

— Кря! — отозвалась Аза и лишилась чувств.

Вот так закончилось это не совсем обычное состязание молодых селезней.

Дни проходили за днями, а Дик и Аза оставались неразлучны. Пришедшее счастье кружило голову умненькой Азе, но она прекрасно понимала, что это не может длиться вечно. Да, она все прекрасно понимала и всячески старалась продлить прекрасные дни своей юности.

Неприятности начали приходиться со стороны бывших приятелей Дика. Уязвленные безоговорочной победой дикого селезня на том памятном для всех турнире, они постоянно подогревались агрессивностью мстительной красавицы Тины. Она никак не могла пережить унижения и побуждала своих почитателей компенсировать успехи Дика и Азы.

Силы были не равны. Дику с большим трудом удавалось отбивать атаки Краса и его подельников. Только вмешательство пожилых уток и селезней спасало его от рокового исхода. Что оставалось делать?

Выход был найден Азой и ее подружками-правозащитницами. За короткий срок они сумели сформировать общественное мнение в защиту селезня кряквы, обвинив Тину, Краса и их прихвостней в дремучем национализме. Результат оказался весьма положительным. Даже старая Джейн не переставала возбужденно крякать:

— Конец произволу! Наконец и у нас победила демократия.

Все вроде бы стабилизировалось в утином поселении, и жизнь вошла в свой обычный ритм. Однако

для Дика опять начались серьезные неприятности, да еще какие!

Наступило время линьки, и Дик, уже было начавший восстанавливать свою способность к полету, вновь полностью утратил ее. Перья стали выпадать пучками, и красавец селезень быстро превратился в общипанного недоросля. Перья, конечно, потом начали вырастать вновь, но неравномерно, и цвет их был уже каким-то сереньким, тусклым. Вот так Дик и стал непонятной птицей весьма неприглядного вида.

Еще какое-то время Аза отчаянно пыталась сохранить былые чувства, но вскоре облезлое серенькое существо, в которое превратился дикий селезень, перестало ее интересовать совсем.

Дик страшно переживал и злился. И вот именно тогда он принял очень важное решение покинуть утиную ферму, как только восстановит свою способность к полету. Ничем не обостряя ситуацию, дикий селезень незаметно существовал в колонии домашних уток и ждал. Он ждал того времени, когда вновь оденется в роскошный брачный наряд. Порой создавалось впечатление, что его просто нет. Незаметно и сверхскромно существовавший облезший селезень постоянно прятался от бесцеремонных насмешливых взглядов постоянных обитателей фермы. Даже кормился он исключительно в сумерках, не привлекая к себе лишнего внимания.

Минул закат лета, прошли тягучие дожди начала осени, и вот одинокий селезень снова приобрел свой роскошный яркий наряд. Как изменчив мир! Безразличные и даже презрительные взгляды коренных поселенцев фермы как по волшебству сменились крайним интересом, у одних граничащим с восторгом, а у других — со злобной ненавистью.

Возродившееся трепетание Азы походило порой на истерику. Она молила Дика о прощении, клялась ему в вечной любви и, предельно ласково крякая, звала к себе. Воскресший красавец не сопротивлялся, но общался с Азой без прежнего восторга. Он старался сохранять спокойствие, хотя бы внешне. Его ночные отлучки с фермы продолжались, но теперь селезень использовал их не для кормежки, а для улучшения своих летных показателей. Он каждый раз совершал перелеты в окрестностях фермы, причем с каждым разом дальность этих перелетов возрастала. Все вроде бы шло по плану. Немного беспокоило Дика лишь появляющаяся временами боль в простреленном еще весной крыле. Но боль проходила, и уверенность в своих силах все более утверждалась.

Несмотря на то, что Дик не мог простить Азе ее предательства во время своей линьки, он все же решил не улетать из приютившей его фермы, не по-

прощавшись со своей первой любовью. При одном уже прохладном вечернем закате селезень пригласил милых его сердцу уточек к запруде и там, у береговой кромки, сообщил им, что утром на рассвете решил покинуть ферму, присоединившись к одной из пролетающих на юг стай диких уток. Печальное кряканье Киры и Симы сопровождало рыдающее соло Азы:

— Я не перенесу разлуки с тобой! Ты хочешь погубить меня! Какая же я несчастная дура, что так глупо увлеклась тобой. За что, за что все это?

Нельзя утверждать, что стенания Азы сильно расстроили душу Дика, но желание не превращать ритуал прощания в скандал заставило его слухавить:

— Да поймите же, что не могу я просидеть всю зиму в темном сарае. Моя вольная кровь просто не даст мне покоя. Ведь нести яйца мне не дано, — селезень попытался потешить своих слушательниц. — Так что хозяин не станет кормить такого дармоеда до весны.

— А весной ты вновь прилетишь к нам? — спросила наивная Сима.

— Конечно, прилечу! — уже откровенно врал Дик. — Куда же я денусь.

Если Кира и Сима почти удовлетворились таким ответом, то горькие предчувствия Азы, что она больше не увидит своего красавца, доводили ее до полного отчаяния.

Однако делать было нечего, и ранним утром следующего дня три уточки прощально прокрякали вслед почти вертикально взлетевшему селезню.

Стая летевших на юг уток поначалу встретила Дика настороженно. Его буквально пронизывали вопросительные взгляды постоянно оборачивающих свои головы уток и селезней. Взгляды эти в основном были весьма недоброжелательными.

— Рэб-рэб. Ты кто такой? — задиристо крякнул летевший перед Диком селезень. — Чего тебе надо?

— Кря! Я такой же, как и вы, — с небольшими интервалами между словами, чтобы не сбить дыхание, ответил Дик.

— Прекратить болтовню! — громко приказал пожилой селезень, летевший во главе стаи. — Лучше держите строй.

«Вроде обошлось, — подумал Дик. — Ведь не гонят меня из стаи».

Вот так, с опасениями и надеждами, продолжался этот полет.

К вечеру, выбрав подходящее место для ночлега, стая крякв опустила на тихую заводь небольшой лесной речки. Настало время держать ответ примкнувшему к стае селезню. Уставший от непривычно длительного перелета, он сбивчиво поведал о своих

приключениях. Вожак внимательно слушал, пресекая попытки своих подчиненных комментировать такой необычный рассказ.

— Ну что же, — подводя итог сказанному, заключил старый селезень. — Ты не ошибся, избрав нашу стаю, но хватит ли у тебя сил для длительного перелета?

Дик не знал, что ответить, а вождь не стал больше задавать вопросов.

Волнения прошедшего дня да и заметно побаливавшее крыло никак не давали Дик унуть. Только к середине ночи пришла дремота, а затем наступил и настоящий сон. Селезень вновь ощущал себя поселенцем уютной утиной фермы. Ему снились друзья и подруги. Приятно было пообщаться с девочками-уточками, особенно с Азой. Временами Дик просыпался, вытаскивал голову из-под крыла, но наяву видел совсем иную картину: место ночлега стаи диких уток.

Спозаранку стройный отряд крякв поднялся в небо, продолжив свой многодневный перелет. Морально Дик чувствовал себя вполне уверенно, но проблемы со старой травмой крыла все больше и больше давали о себе знать. И все же пока удавалось четко держаться в утином строю. К вечеру окончательно принятый в стаю молодой селезень уже не подвергался ничьим нападкам и относительно спокойно совершал трапезу. Все выглядело вполне обнадеживающе, если бы только не боль в крыле. Она-то и стала причиной трагедии в столь необычной судьбе одинокого селезня.

Из-за того, что однажды Дик не смог следовать за стаей в надлежащем темпе, дневной перелет пришлось закончить раньше запланированного срока.

— Невезучий ты парень, Дик, — грустно заключил вождь. — Дальше ждать тебя мы не можем. Мой совет тебе: попытайся вернуться на свою ферму. Может, для этого у тебя хватит сил. А нас плохо не вспоминай. Прощай!

Едва забрезживший тусклый рассвет смог осветить только одиночество Дика. Стало нестерпимо грустно, но делать было нечего, и селезень начал свой трудный обратный путь.

Из-за болевшего крыла, которое временами стало совсем отказывать, удавалось совершать лишь небольшие перелеты. Боль уже наполняла все существо Дика, но еще страшнее оказалось полное одиночество.

Все же путь до ставшей теперь такой родной и желанной фермы постепенно сокращался. Оставалось уже совсем немного. Дик рассчитывал покрыть это расстояние за день, максимум за два. Засыпая на очередной ночевке, он с надеждой мечтал о своем возвращении. Ему рисовалась радостная встреча ге-

роя, такого яркого и необычного селезня, которым он, несомненно, являлся.

Следующим холодным утром разбудил одинокого селезня лай охотничьей собаки. Повинуясь инстинкту, он попытался мгновенно совершить вертикальный взлет. В какой-то мере это ему удалось, но полное осуществление спасительного маневра все же не получилось: его прервал мощный заряд дроби. Распластав крылья, Дик упал на поверхность водоема. Стекловыми глазами он еще видел, как, преодолевая колебание воды, к нему устремилась охотничья собака. Ее лихорадочный взгляд был последним, что ощутил одинокий селезень в своей короткой жизни.

Игорь МИХАЙЛОВ

Люди и утки

Утка в литературе — не редкость. Можно даже сказать, персонаж довольно популярный и примечательный. Мировая литература эксплуатирует птицу и в частности утку, наверное, с не меньшим рвением, чем кухни народов мира, подающие ее гурманам уже под несколько иным соусом. Стоит только начать перечислять произведения, где встречается эта пернатая тварь, и сразу страницы журнала затрепещут, словно крылья, воспоминаниями об образе удивительно мощном и жизнестойком, несмотря на видимую слабость и беззащитность.

Тут и русские народные сказки, под чтение которых качалась наша колыбелька, и произведения для детей: «Гадкий утенок» Андерсена, «Белая уточка», «Анюткина утка» Виталия Бианки и т. д. Ну а далее без остановок: драма Ибсена «Дикая утка», «Утиная охота» Вампилова, «Скотный двор» Оруэлла, замечательный рассказ «Утка» Варлама Шаламова...

Правда, гадкий утенок в финале превращается в прекрасного лебедя, а утка в пьесе Вампилова про человека, который томится по жизни и то ли отправляется на утиную охоту, то ли собирается свести счеты с жизнью, так и не появляется вовсе, но это не отменяет ее присутствия.

В замечательной детской сказке «Приключения Мюнхгаузена» Распе охоте на уток отведена целая глава.

Вообразите себе, что сюжетный хребет «Клана Сопрано» также держится на хрупких крыльях этой птицы. Ну а если прибавить к этому одно из самых изысканных блюд китайской кухни «пекинская утка», которому насчитывается без малого семьсот лет, и тот печальный факт, что за журналистское вранье тоже в ответе эта безобидная и гордая птица, а также то, что в довесок ко всему

По окраине небольшого дачного поселка шел пожилой человек с двустволкой на плече. Из его охотничьей сумки свешивалось то, что осталось от несчастного Дика. Возле одного из дачных домиков старый охотник увидел маленькую девочку, по пухленьким щечкам которой катились слезы:

— Ты что плачешь, моя хорошая?

— Уточку жалко, — ответила безгрешная душа.

— Это не уточка, а селезень, — старик как-то немело попытался утешить девочку. — Понимаешь, одинокий селезень. А он никому не нужен, и не стоит его жалеть.

P.S.

больничный горшок носит имя «утка», становится не до шуток.

Вот и Дмитрию Васильевичу Игумнову не до смеха. Его полный иронии рассказ, где утке отведена не эпизодическая роль, а роль главной героини, вернее, героя, селезня Дика, — это история триумфа, гордости, силы, низости и предательства. Разумеется, опытный читатель за внешней сюжетной канвой найдет аналогии с нашей жизнью. Собственно, этот рассказ о каждом из нас, кто еще способен на мыслительный процесс. Он довольно бесхитростный, как и любая притча, обреченная на различные интерпретации и домыслы. И поэтому правдивый. Правдивый, а потому — грустный.

Мой сосед по даче, человек довольно спокойный и не злой, однажды также в охотничьем раже подстрелил утку. Варил ее сутки, а потом выбросил. Мясо у дикой утки очень жесткое.

Вот и получается, что наша беззащитность, с одной стороны, — сила, мягкость, душевность, с другой — хороший объект для агрессии. Дик — это мы все, оказавшиеся не у дел. Маленькие человеки, лишние люди в этой жизни, у которой есть свои хозяева. И одним прекрасным утром у нас по теперешней жизни есть все шансы занять место селезня из рассказа Дмитрия Игумнова и надеяться лишь на то, что безжалостный охотник промахнется.

Автор не оставляет выбора своему пернатому герою. Стало быть, отчасти и себе...

Что спрятано в этой маленькой притче: драма, трагикомедия, сказка?

Каждый вправе по-своему ответить на этот вопрос, который ставит перед литературой наша непростая жизнь!

Сергей БЕЛОРУСЕЦ

Сергей Белорусец родился в 1959 году в Москве. Окончил ГЦОЛИФК (ныне РГУФКСиТ). Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Юность», «Арион», «Литературной газете» и многих других изданиях. Автор книги стихотворений «Магический квадрат» (2007 г.) и около десятка детских книжек, среди которых — «Парикмахеры травы» (2011 г.). Обладатель почетной грамоты и памятной медали Всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей и юношества «Алые паруса» (2006 г.), а также нескольких литературных премий, среди которых премия «Венец» Союза писателей Москвы (2008 г.). Председатель оргкомитета Фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского. Президент Фонда поддержки творчества разножанровых детских авторов «РАДА». Член Русского ПЕН-центра и Союза писателей Москвы.

СБОРНИК ВЕЩЕЙ ПОМЕХ, ИЛИ ЗАКОННОЕ ПРАВО

ФОРМУЛИРОВКИ ПОЭЗИИ

Поэзия — это преломление привычного взгляда.

Нечто бессознательное, подразумевающее вход в измененное сознание.

При наличии берущегося (порой с потолка) мастерского умения организовать одушевленную трансляцию.

Посредством невесть откуда взявшегося камертона...

Как когда-то сказал польский поэт Владислав Броневский, «поэтом нельзя быть. Можно лишь бывать...».

А формулировки поэзии способны выглядеть по-разному.

Скажем, так:

Стихи — вне времен и народов.

Они — сборник вещей помех.

На фоне земных оборотов

И всех исторических вех...

Или, например, иначе:

В приворотных словах —

Между дел растворяясь коряво, —

Жить на птичьих правах —

Вот оно — законное право...

Сергей Белорусец

Возвратное зрение

Стихи прошлого тысячелетия

* * *

Твой выход — играть ясновидца,

А также собой становиться.

Лицом к обезличенной школе —

Из новой реальности, что ли, —

С невнятной тоской мимолетней —
Сквозь фокусы толщи бесплотной —

Возвратное зрение кинув
На время и место акынов...

* * *

Полупрозрачная тоска
Пристанционного леска,
И рябь клубящихся небес,
Берущих землю под навес,
И лето — на краю своем —
Во весь оставшийся объем,
И жизнь, с которой по пути —
Лишь нужно — до конца дойти...

* * *

Ничего не изменилось за год
В этих обезличенных местах.
Разве что — побольше диких ягод
Вдоль путей железных, на кустах.

За год ничего не изменилось.
Опыт — глух. Окрестный говор — нем...
А ведь наяву привычно мнилось:
Что-то да изменится. Совсем.

Что-то да изменится...
Хотя бы
Для того, чтоб выбраться могли
Наши настоящие масштабы
В рамках (и за рамками) Земли...

* * *

Ты с полутьмой наедине
Следишь летучий день в окне.

Точнее, за окном — вблизи
Почти прозрачных жалюзи.

Там — только небо в головах, —
И не расскажешь в двух словах

О том, как жили мы вдвоем —
Одним — давно прошедшим днем...

* * *

Выгибая облачные створки,
Раздувая штормную чадру,
Форточки клокочут на ветру,
Точно суп на газовой конфорке.

Комнатно-погодный тарарам
Дышит окоемными дымами,
Вместе с фонарями и домами
Небо зажимая между рам...

* * *

Где-то здесь, на этапе своем —
Жизнь жонглирует адом и раем.
Ну а мы — как ни странно — живем,
Даже с голоду не умираем.

Лишь — проходим — сквозь меркнувший строй —
Дней и лет, подлежащих теченью,
Умудряясь кичиться порой
Безразличием к предназначенью...

* * *

Что-то среднее между строкой
И уроком,
Тихо жизнь шелестит под рукой,
Ненароком
Пустоту оставляя внутри
Трафарета,
Чтоб — даст Бог —
Расхотелось утри-
ровать это...

* * *

Что — время? Только — дембельский альбом.
Переплетенный набело лубок.
А взгляд — любой. И может быть глубок —
На раз — без пробиванья стенки лбом...

Теряются (находятся) в строю
Судьбой организованные так.
Дежурным небом взятый под колпак,
Я тоже где-то рядышком стою...

* * *

В бедных рамках чужих традиций,
Подотчетных твоей судьбе,
Остается одно: трудиться,
Чтоб очнуться могла в тебе —
Соразмерная здешним тратам,
Сопредельная, как страда, —
Непривязанность к результатам
Твоего — на износ — труда...

* * *

Через год, через два,
Через пять, через восемь
Незаметно исполнится
Все, что попросим, —
Из того, что должно было
Нас осчастливить.
(Хоть просить и просили —
Мечтать не могли ведь...)
Применительно к нам ли самим,
К нашим детям —
Все исполнится...
Жаль, только
Мы не заметим...

Лев АННИНСКИЙ

БАЛЕТНАЯ ЗАТОЧКА

Гостеприимству добрейшей Марии Бородиной я обязан посещением современного балета. В балете я вообще профан, вкусы мои сформировались в эпоху Галины Улановой, и новую версию этого искусства я пошел смотреть в полной уверенности, что мало что пойму и, естественно, не напишу ни строчки...

Пошел — в Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко на вечер одноактных балетов финского виртуоза Йормы Эло и испанского виртуоза Начо Дуато (оба учились и работали в России).

...И благословил я свое неведение. Ибо понял, что заикливаться на современной балетной специфике дело для меня не только безнадежное, но и ненужное, ибо со сцены обнаженно-телесным напором летит на меня сама современная реальность, очищенная от романтических и мифологических одежд, и воспринимать ее надо — как есть.

Никто никого не изображает. Ни белых лебедей, ни черных воронов. Ни рыцарей, ни принцесс. Никакого намека на социально-опознавательные

одежды. Бешеный темперамент тел! Под старинную европейскую гармоничную музыку — адская смесь атлетики и патетики.

Стальные ноги. Гибкие руки. Даже там, где эта гибкость прочитывается нежными эллипсами, — в кончиках пальцев остается сталь. Влюбленные пары не замирают в объятьях, а лихо уворачиваются друг от друга или взлетают в борьбе. Нынешняя сексуальная эротика и манекенная зачарованность лишь на мгновенья обозначаются в этом вихре, и вихрь опять наваливается: вроде бы сбитые вместе толпы, а если присмотреться — каждая фигурка сама по себе.

Из трех актов два последних — «В лесу» и «За вас приемлю смерть» — слегка откликнулись во мне полубылым с юности лиризмом, а ближе всего к ощущениям современности показался акт первый, самый жесткий и острый.

И озаглавлен он так, что лучше не придумаешь: «Затачивая до остроты».

Хелью РЕБАНЕ

Хелью Ребане — эстонский прозаик.

С 1982 года ее рассказы печатаются в разных журналах (Looming, Noogus, «Таллин», «Вокруг света», «Искатель», «Смена», «Юность»), включаются в сборники фантастики, в частности в антологию лучших рассказов года «Проба личности» (1991). В 1985 году в Таллине вышел сборник рассказов Vike kohvik (на эстонском), в 1988-м в Москве — «Выигрывают все», в 2007-м — сборник «Аристарх и ручная бабочка». Наибольшей известностью пользуется фантастическая повесть Хелью Ребане «Город на Альтрусе», опубликованная в России в 1989 году.

Идеи и сюжеты ее произведений неординарны, изложение разворачивается в стремительном темпе, приводя к неожиданной развязке.

Рисунок Анны Дудяковой

ОТДЫХ ПРОФЕССОРА НА ДАЧЕ

РАССКАЗ

Профессор встал, как обычно, в шесть утра и включил радиоприемник на кухне на полную мощность. Как всегда в этот ранний час, раздались торжественные звуки гимна. Радиостанция приступила к работе.

Его жена и дочь, спавшие на втором этаже прямо над кухней, из которой наверх вела простая деревянная лестница, вставленная в открытый сейчас люк, беспокойно заворочались во сне.

Налив в двухлитровый бидон воды, профессор опустил в него большой электрический кипятильник и закурил. Дым от сигареты медленно вился вверх и проник сквозь люк в маленькую спальню под косой крышей.

Жене профессора стал сниться пожар. Их дача горела. А пожарная команда, вместо того чтобы гасить бушующее пламя, выскочила из машины с духовыми инструментами в руках и принялась торжественно исполнять государственный гимн. Вырваться из кошмара супруге профессора помог звук льющейся из брандспойта воды. Она проснулась и поняла, что на кухне клокочет, почти переливаясь через край бидона, вскипевшая вода.

Жена спустилась вниз, выдернула кипятильник из розетки, заварила в кофейнике-термосе кофе и вернулась досыпать. Она уже давно подозревала, что мужу по утрам без нее скучно и он нарочно включает радио так громко. Мысленно отругав его, она снова заснула.

Профессор, совсем забыв про свое намерение выпить кофе, осторожно ступал между грядками клубники. Капельки росы серебрились крохотными жемчужинками на листочках в ранних, но уже теплых лучах летнего утра. Высокий, в шортах, с длинными загорелыми ногами, он гулял между грядками, напоминая задумчивого аиста. Но вдруг он потрясенно замер на месте. Этого просто не может быть! Наука движется гигантскими шагами вперед. По вечерам, если повезет, в звездном небе можно увидеть яркую точку, движущуюся между звездами. Но это вовсе не приближающаяся к Земле комета Галлея, как можно подумать, а великое достижение разума и рук человека — искусственный спутник Земли. И все-таки — оказывается, перед некоторыми вещами наука бессильна! И одна из этих ужасных вещей — серая гниль, поражающая клубнику. Вот и сейчас некоторые красные ягоды выглядят из серой слизистой массы. «Так... у меня где-то была марганцовка... Ах да, в уборной на полке».

В крохотной квадратной прихожей, откуда вела дверь в туалет, профессор, к своему вящему изумлению (так рано!), увидел дочь.

С течением времени он начал смутно осознавать, что выбрал для зеркала не лучшее место, повесив его на белоснежной крашеной двери уборной. Перед зеркалом, казалось, никогда не сходя с этого места, стояла его дочь, мешая желающим посетить укромный уголок.

Над чем-то напряженно размышляя, дочь стояла сейчас там босиком, в ночной рубашке и внимательно изучала свое свежее, с нежным румянцем лицо, где на щеке после сна осталась полоска.

— Доброе утро! — заулыбался профессор. — Ну как, тебя ночью не подменили?

Ответа не последовало, и он попытался подойти по-другому.

— Молодец, ты встала сегодня так рано.

— Попробуй сам разочек поспать под звуки гимна, — сердито ответила дочь, освобождая ему дорогу в уборную.

— Я забыл выключить радио? — испугался профессор.

— Радио и кипятильник.

И дочь удалилась с недовольным видом. На террасу. Курить и пить кофе.

Опрыскав грядки клубники раствором марганцовки, профессор начал колоть дрова. Через полчаса он сделал небольшой перерыв. Налил себе кружку кофе и, прихватив пачку сигарет, вышел на террасу, где обнаружил, что его длинноногая красавица дочь, все еще в короткой ночной сорочке, сидит нога на ногу в деревянном дачном кресле, пьет невесть которую чашку кофе и курит невесть которую сигарету. «До сих пор в ночной рубашке!» — с осуждением подумал профессор.

— Ты не могла бы помочь матери приготовить завтрак? — спросил он очень деликатным, сдержанным тоном, усевшись напротив нее и прикуривая сигарету.

— Распоряжений не было, — спокойно ответила дочь, выдыхая голубоватое облако дыма. Ее лицо почти исчезло в нем.

— Могла бы сама поискать, чем заняться.

— Я делаю ровно то, что скажут. Инициатива здесь наказуема.

Дочь сладко потянулась и сощурила глаза.

— Леня родилась раньше нас, — добродушно сказал профессор, но дочь не улыбнулась. Вид у нее был мечтательно-отсутствующий.

Попивая кофе и с наслаждением затягиваясь сигаретой, профессор мысленно перебирал все, что предстояло сегодня сделать. Он предвкушал несколько часов серьезной работы. Конечно, у него был отпуск, но он прихватил с собой статьи аспирантов. Их надо было прочитать и прокомментировать. А свою статью отредактировать. И еще — срочный перевод, готовый только наполовину. Начатая рецензия на докторскую диссертацию одного коллеги... В три часа приедет аспирант, отставший от графика. Хочет летом наверстать упущенное.

Докурив сигарету и забыв пустую кружку на столе, профессор начал снова колоть дрова. Физи-

ческая нагрузка тонизирует и в итоге продлевает жизнь, думал он. «Какое счастье, что у меня есть такая возможность!»

Через час, сложив дрова аккуратно в поленницу, он расположился с очередной кружкой кофе на валуне под березой. День только начался, но как много уже сделано!

Закончив передышку, он пошел в комнату, которая на даче служила ему кабинетом.

Только он успел погрузиться в работу, как дверь открылась и на пороге появилась жена, явно чем-то недовольная.

— Почему ты оставил чашку под березой? — спросила она.

Несколько секунд у него ушло на то, чтобы вернуться из реалий логики, пособие по которой он сейчас переводил, в реалии домашнего быта. Он понял, что каким-то образом провинился и попытался пошутить.

— Видишь ли, дорогая... Эммануил Кант говорил по этому поводу следующее... — Он нахмурил лоб, пытаясь поточнее вспомнить цитату. Но жена не дала ему продолжить. Ее слова подействовали на него почти как нокдаун. Ее не интересует, что сказал Кант. Она хочет знать, почему он опять оставил кружку в саду под березой. Дверь за женой закрылась, прежде чем он успел ответить.

Профессор вздохнул. Почему оставил? По рассеянности, почему же еще... Ну хорошо. Если вопрос хотят ставить именно в такой плоскости и задают именно в такой форме, то постараемся на него ответственно и ответить. «Почему я оставил кружку под березой. Существуют следующие варианты.

Во-первых. Тут может скрываться какой-то мотив, который остается в той темной неосознанной области, которую человек сам и не может видеть. Например... Желание вывести жену из себя и получить садистское удовольствие от ее страданий? Или же, напротив, — мазохистское желание, чтобы тебя обругали? Но может быть и другое. Наследственность. Фактор наследственности у нас недооценивают, но на самом деле им ни в коем случае не следует пренебрегать. Во-вторых...»

— Мар-тин! — послышался бодрый голос жены с террасы. — Зав-тра-кать!

Этот зов заметно повысил настроение профессора. Он поспешил на кухню, где его ждал красиво накрытый стол. Восхитительные запахи еды заполнили маленькую кухню.

Еда была просто отменная. Профессор не произнес ни слова, пока не были съедены большая порция свежего салата со сметаной, обильно посыпанный укропом омлет с помидорами и три куска яблочного пирога.

— У тебя что же — какая-то блицдиета, что ли? — спросил он у дочери, заметив наконец, что на тарелке перед ней грустно лежит ломтик поджаренной брюквы.

— Да. — Дочь была полна оптимизма. — Десять кило за десять дней.

— По-видимому, кто-то отменил законы природы, — улыбнулся профессор. — А что за умопомрачительный праздник ожидается через десять дней?

— Свадьба девочки, с которой они в школе сидели за одной партой, — пояснила жена.

— Дорогая, — сказал профессор жене, весело подмигнув дочери. — Ты спрашивала, почему я оставил кружку под деревом. Я подумал над этим и вот что хочу сказать...

— Я? Я ничего не спрашивала, — преспокойно сказала жена, завязывая фартук. Она повернулась к мужу спиной и принялась мыть посуду.

Вот как... Это же ничем не лучше, чем стащить с шахматной доски фигуру и засунуть себе в карман! Вот они какие, эти женщины... Сколько дерзости! Сколько надменного высокомерия! И куриные мозги в придачу... Возьмем хотя бы мытье посуды. Зачем каждый раз из-за пары чашек или тарелок разогревать воду кипятильником, если вечером можно помыть все сразу? Это сэкономило бы воду, электроэнергию и время... Время! За это время можно было бы прочитать какую-нибудь книжку...

— Иди собери все кружки, которые ты оставил в саду, и принеси их мне, — прервал его размышления голос жены.

Профессор послушно поднялся с табуретки.

В саду, собирая кружки, он невольно отмечал: вот здесь предстоит еще поработать — вскопать землю за сауной и сделать грядки. И вспотеешь, и есть надежда, что намечающийся животик, по которому жenuшка имеет обыкновение на пляже весело, но с намеком похлопывать, растает к концу лета, как весенний снег.

Он глубоко выдохнул и попытался втянуть живот. Да-да, над этим надо еще потрудиться. Пять кило уже ушли с начала весенних работ в саду. Сколько чудесных дел еще впереди! Какое изумительное летнее утро!

Солнце пригревало, птички пели что было мочи, газон с подстриженной травой еще не превратился в английский газон, но если за ним двести лет подряд хорошо ухаживать...

Когда устроили садовый кооператив, здесь было почти болото. Какие были заросли!.. Сколько ужей здесь ползало после того, как выкорчевали кустарники!

Он отнес четыре найденные кружки на кухню и вернулся в сад. Вместо перевода он решил еще пол-

часика покопать. С удовольствием вонзая лопату в землю, он переворачивал куски дерна. Вскоре пришлось снять белую майку, остаться только в шортах.

Он не заметил, когда дочь появилась рядом с ним.

— Какое чудесное утро, — сказал он весело, увидев ее. — Вот, бери пример с меня — и ни на какой диете сидеть не надо. Калории надо сжигать физическим трудом — и тогда можешь есть сколько захочешь.

— Папа... Ты можешь дать мне денег? Немного? — нерешительно спросила дочь, постукивая носом туфли по перевернутому куску дерна.

— Продай лень, будут деньги, — благодушно посоветовал отец, не прекращая вонзать острую лопату в землю и вырезать куски дерна, внимательно следя, не появится ли в каком-нибудь куске красный извивающийся дождевой червяк. Червей он собирал в пустую консервную банку, чтобы в случае дождливой погоды, когда в саду работать будет невозможно, поехать на рыбалку.

— Мне срочно нужно тридцать пять рублей¹, — сказала дочь. По ее лицу было видно, что вообще-то кланчить деньги — выше ее сил, но сейчас это вопрос жизни или смерти. — Ты можешь дать?

— Мог бы, наверно, если бы знал, зачем они тебе.

— Я видела вчера в Доме торговли импортную кофточку... Финскую!

Очевидно, дочь считала, что привела такой веский аргумент, что профессор должен сразу же, сломя голову, броситься в дом за кошельком.

— Значит, ее привезли сюда из Финляндии, раз ты ее видела, — сказал отец, не переставая копать.

— Но...

Лицо дочери выдавало разочарование и обиду.

— Подожди-ка... — профессор остановился, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и оперся на лопату. — У тебя же, по-моему, есть кофточка, совсем новая.

— Она не новая, и вообще... Разве ее можно сравнить с финской? Это же — наша... И стоила-то всего шестнадцать рублей.

Это была ошибка. Дочь не поняла, почему отец вдруг нахмурился.

— Что за разговор такой! Кофта есть кофта. Главное, чтобы было тепло! Чем, например, плохи мои ботинки — тоже наши, фабрика «Коммунар», очень удобные. Финские в два раза дороже!

— Но папа... Они же такие страшные.

Это была вторая ошибка.

Профессор рассердился. Лицо его покраснело.

— Невозможно быть и интеллектуалкой, и... курхаркой — одновременно! А ты хочешь быть и той и другой!

¹ В советское время в Эстонии тоже были рубли.

После этих слов дочь молча удалилась. В дом, плакать.

Профессор воткнул лопату в землю, сел на валун под березой и нервно закурил.

Типичный менталитет кухарки, мрачно думал он. Чем глупее птица, тем ярче должны быть перья...

Ему вдруг ни с того ни с сего вспомнилась лаборантка его кафедры, мать троих детей. Трое сыновей, один еще в коляске. Перед отпуском она заходила, чтобы оформить пособие. Длинные волосы до пояса, загорелая... Стройная, хотя недавно родила. В коляске сидел очаровательный упитанный малыш со свисающими на слюнявчик щечками.

«Вот такими были женщины раньше, в моей молодости... — печально думал он. — Вот если бы у меня был сын. Сын...»

— Мартин, почему Сильви плачет? — раздался вдруг рядом с ним голос жены, прервав поток его мыслей.

Вот как! Неужели такое возможно — плакать из-за какой-то кофточки? И это после всех его многолетних усилий! Развить интеллект дочери, научить самой справляться в жизни...

— Плачет? — озабоченно спросил он.

— Сидит на кухне и плачет.

Жена держала в руках тарелку с куском пирога. Она протянула ее мужу:

— Вот. Если хочешь, принесу тебе еще кофе.

— Не добилась своего. Какой-то финской кофточки, — ответил профессор, машинально поставив тарелку рядом с собой на валун. — У нее же есть новая кофта, синяя, по-моему... Как ты считаешь?

— Не синяя, а серая. Она уже заштопана в нескольких местах. Мы с Сильви купили ее в комиссионке.

Профессор раздавил окурок о камень и поспешил в дом.

Дочь сидела на маленькой скамеечке перед открытой дверцей плиты и курила.

«Если бы он меня любил, он бы с радостью дал мне денег... — думала она, глотая слезы. — Я лучше сквозь землю провалюсь, но в этой жуткой старой кофте на свидание не пойду... Ужасно, когда родители тебя не любят».

Дверь хлопнула. Перед убитой горем дочерью появился отец. Мысленно он уже сдался, но хотел несколько оттянуть признание своего поражения. Из педагогических соображений.

— Почему ты плачешь? — спросил он и положил руку на ее плечико.

Но дочь не отвечала. Она лишь съежилась и героически глотала слезы, чтобы не выдать свои душевные переживания обидчику.

— А я тебе случайно не говорил, что пишет Марк Твен в своих мемуарах?

Так как ответа не последовало, профессор продолжал:

— Когда ему было шестнадцать лет, он сожалел о том, какой у него глупый отец. А через двадцать лет изумлялся, как такой старый человек смог так поумнеть!

— Говорил. Раз сто, — соизволила наконец ответить дочь и упрямо дернула плечом, пытаясь стряхнуть его руку.

— Так что тебе надо всего лишь лет пятнадцать подождать. И ты поймешь, какой у тебя все-таки умный отец, — весело сказал профессор, в знак примирения похлопав ее по плечу.

Но дочь провалилась в болото самосожаления и никак не отреагировала.

Ничего не поделаешь, подумал профессор. Уступает тот, кто умнее.

Он принес из комнаты кошелек.

— Что ж, поезжай, купи эту импортную кофточку.

Заплаканное лицо дочери просияло. «Вот как! Он вовсе не такой плохой, как я думала!» Не прошло и десяти минут, как профессор увидел ее, одетую, чтобы ехать в город, выходящей из калитки и исчезающей за живой изгородью.

Изумленный отец провожал ее взглядом. Оказывается, может, когда захочет! Очень даже может быстро действовать.

Вскоре приехал аспирант, с которым профессор два часа просидел на согретом солнцем валуне, покуривая, попивая кофе и обсуждая будущую кандидатскую диссертацию.

Аспирант привез ему из города газету, где был некролог, посвященный академику Аро, которого профессор знал. Когда ученик уехал, профессор смог подумать об этом печальном известии. «Со всем еще не старый человек, всего-навсего пятьдесят пять лет...» — думал он, развернув газету и глядя на знакомое лицо в траурной рамке.

Всего месяц назад профессор был на юбилее академика, который отмечали в торжественной обстановке в актовом зале университета. И вдруг... После короткой тяжелой болезни... Инсульт, наверное...

Он поделился печальной новостью с женой.

— Да, что делать, — вздохнула она. — Ты кофе допил?

— Допил.

— А кружка где? Опять оставил где попало?

— Я все-таки хочу тебе сказать, что почти по этому же поводу говорил Кант...

Но жена и не подумала вступать в борьбу с профессором на его игровой площадке. Она совершила молниеносный маневр, благодаря которому игра перешла на ее территорию.

— А почему ты не выключил телевизор? — спросила она.

— Неужели? — испугался профессор и хотел поспешить в комнату.

— Не надо, — сказала она, — я его уже выключила. Почему ты вечно оставляешь все приборы включенными?

«Почему да почему», — думал профессор обиженно. Он уже забыл, что собирался только что сказать жене.

Потом приехали сестра жены с приятельницей, и женщины долго пили чай на террасе и рассматривали журналы мод.

Профессор продолжал перекапывать начатую утром грядку, время от времени поглядывая в сторону террасы, откуда доносились обрывки разговора.

Было слышно, как гости оживленно обмениваются мнениями. Три часа кряду. О фасоне платья! Сидят там, вся эта компашка... Глупые женщины... ни крупницы ума или хотя бы благодарности... Денег попросить — вот этому их учить не надо...

Профессор почувствовал себя вдруг таким одиноким. Чтобы избавиться от этого тоскливого чувства, он принялся еще упорнее копать и разрыхлять землю.

Вдруг с террасы раздались испуганные возгласы.

Он остановился и крикнул:

— Что случилось?

— На помощь! — кричала жена. — Ай!!!

Встревоженный профессор быстрым шагом направился к ним.

Женщины повскакивали со своих мест, размахивали взбудораженно руками и кричали.

— В чем дело? — испуганно спросил профессор.

— Мышь!!!

Профессор рассмеялся.

— Она кого-нибудь укусила? — спросил он. — А я думал, на вас напали львы...

Наступил вечер.

Выйдя из уборной и зайдя на кухню помыть руки, профессор спросил:

— А что, Сильви еще не вернулась из города?

— Вернулась. Кофточку купила.

— И что, так рано легла спать?

— Нет. Почему ты так решил?

— Перед зеркалом ее не было видно.

Профессор заулыбался, очень довольный своей шуткой.

Но супруга посчитала шутку неудачной. Она отнеслась к ней как к булыжнику, брошенному в ее огород. Как к упреку в адрес ее плодов воспитания. И нахмурилась.

— Сильви! — громко позвала она.

Но ответа не последовало.

— Иди разыщи ее, — велела она.

Профессор послушно пошел искать дочь, которую нашел спящей в кабинете. Настольная лампа горела. На диване рядом с ровно дышащей дочерью валялись открытый журнал мод и какая-то книжка.

Он осторожно взял книгу и закрыл ее. Бросил взгляд на обложку. К его величайшему изумлению, это был том сочинений Канта, взятый с его письменного стола. «Надо же, — подумал он. — Может быть, все вовсе не так безнадежно, как мне кажется...»

Он накрыл дочь пледом, прихватил сигареты и спички, вышел на террасу, сел в кресло и включил портативный радиоприемник, стоявший здесь же на полу.

Был тихий вечер. Вдали над морем солнце уже приближалось к горизонту.

«Как много в природе разных оттенков зеленого», — в очередной раз подумалось ему. Синевато-зеленые верхушки сосен, светло-зеленые кустарники, сочная зелень травы в саду.

Ему хотелось поделиться своими мыслями. Он хотел бы быть художником и нарисовать все это. Наверно, все искусство и возникло от того, что человеку хотелось поделиться с другими своими мыслями и чувствами...

Профессор принес из кабинета лист белой бумаги и сделал набросок сосен и моря — так, просто для себя.

Где-то неподалеку куковала кукушка. «Кто знает, сколько мне осталось», — подумал он, невольно вспомнив умершего академика. Вот человек — работал как проклятый... иначе академиком не станешь, можно — только самозабвенным трудом. А если подумать, звание тот получил незадолго до смерти. Вот и все. Дети быстро пустят дом и имущество на ветер... Он что-то слышал про непутевого сына академика.

В восемь часов вечера по радио началось, как всегда, продолжение детективной истории. Это была последняя серия, а он отгадал уже в начале второй серии, кто убийца. Так что ему было уже не так интересно. Но он хотел убедиться, что прав. И он был прав!

Но этой радостью ему тоже не с кем было поделиться. Вдруг на его лице появилась улыбка. А что с них взять. Они ведь всего-навсего... женщины. Они боятся мышей. Нельзя же серьезно относиться к кому-то, кто боится мышей...

Профессор еще долго сидел на террасе, глядя, как пылающий диск проваливается за горизонт, как постепенно угасает красновато-фиолетовая пламенеющая вуаль облаков, сменяя оттенки на все более бледные, как постепенно тает дорожка, бегущая по морю от горизонта в сторону берега.

«Да, — думал он. — Человек смертен. И ничего ты с этим не поделаешь. Sic transit gloria mundi...¹»

¹ Так проходит мирская слава (лат.).

Наталья СТРУЧКОВА

Наталья Стручкова родилась в 1975 году в деревне Опалиха Кстовского района Горьковской области (ныне — Нижегородская область).

Наташина мама, Елена Александровна, преподавала русский язык и литературу в обычной сельской школе и сумела привить дочери любовь к родной словесности. Поэтому и свои первые стихи девочка написала в девять лет. А книги Толстого, Достоевского, Блока, Цветаевой, Есенина, Пастернака наполнили детство и юность Наташи особым светом, подтолкнули к ясному пониманию добра и пронзительному неприятию зла.

Книга подлинной русской прозы и поэзии помогает не только жить, но делать выбор, влиять на судьбу. Поэтому, окончив Нижегородское медицинское училище № 2 (зубоврачебное отделение), Наталья Стручкова резко меняет профессию и долгое время работает ведущим специалистом в библиотеке им. Пушкина городка Кстово Нижегородской области.

В 2007 году состоялась первая публикация стихов Стручковой, а через год ее приняли в Союз писателей. Тогда же, в 2008-м, на книжных прилавках Нижегородчины появились тоненькие книги стихотворений с простыми, доступными и естественными названиями «Первый снег» и «Полетом одержимая». Это были первые поэтические сборники Натальи Стручковой. Вдумчивый читатель с радостью отметил, что жива тихая лирика российской глубинки.

Кстати, сегодня Наталья Стручкова воспитывает двух дочерей, которые тоже много читают...

О ПОЭЗИИ

Поэзия — стихия. Ей можно подчиняться, а можно подчинять ее себе. Выбор за поэтом. При определенном умении будешь кататься на волнах, при неудаче — тебя волной накроет.

Поэзия наполняет душу мира иррациональным, живым, человеческим, что спасает от равнодушия, что вообще — спасает.

Наталья Стручкова

* * *

Страсть особого рода
 Вектор в небо направила.
 Я дышала свободой,
 Ненавидела правила.
 Только музыка слова!
 Только слово и музыка!
 Как костяк, как основа,
 Как работают мускулы.

Так мятежное чувство
Побеждает бесчувственность,
Доводя до искусства,
Презирая искусственность.

Ритм

Я не хочу спать,
Я не хочу есть —
Это не мысль — спазм:
Я для чего здесь?

Если вся жизнь — миг,
Если живем — раз...
Это же — час пик —
Мой — золотой — час.

Нас поведет пусть
Бог или злой рок,
Станет теперь пульс
Ритмом

моих
строк.

* * *

Валерию Шамиурину

Безоглядно в рассветную даль
Я спешу, доверяясь туману.
Даже там, где тоска и печаль,
Верить в лучшее не перестану.

Если жизнь позвала за порог,
Так зачем же выкручивать жилы?
Нет, не мы рождены для дорог,
А дороги для нас проложили.

Гжель и хохлома

Хохлома — это лето и осень,
Россыпь ягод и лист золотой.
Гжель — январская дивная просинь
Над снегами морозной зимой.

Завиток к завитку ярко-красным,
Чтобы стало душе веселей.
Хохлома — это радость и праздник,
Это щедрость России моей!

Чистота да изысканность линий —
Холодна бледноликая гжель —
Это синий безудержный ливень,
Голубая, шальная метель.

Красота и тиха, и печальна,
Недоступна, как женский каприз.
Вот она — нераскрытая тайна —
Для Снегурочки чайный сервиз.

У природы заимствуя краски,
Бесконечно талантлив народ,
И поскольку Россия контрастна,
Хохлома рядом с гжелью живет.

* * *

Ты отвези меня домой.
Пойду по травостоя
И смою лоск свой городской
Колодезной водою.
Душа бревенчатой избы
Близка мне и понятна.
Я здесь останусь,
Ну а ты — ты поезжай обратно.
Потертой половицы скрип —
Как это все знакомо.
Почувствую под сенью лип,
Что только здесь я дома.
Ты, жить привыкший по уму,
Тебе давно все ясно.
А время — деньги, потому
Не трать его напрасно.
К чему ненужные слова?
Их было слишком много.
И, может быть, я не права,
Скорей всего, я не права,
Но...
    Скатертью дорога!

Ненужный

Крестами звезд все небо вышито,
Размечено крестами звезд.
Они всю ночь торчат над крышами,
Напоминая мне погост.

Бродил, не ощущая голода,
Не понимая, что к чему,

Ненужный человек по городу,
Себе не нужный самому.
Ночная тьма густая, плотная.
Тепла отметка — на нуле.
Земля нагая и холодная...
А он стал лишним на земле.
Все было понято и пройдено,
Когда сжимал землицы горсть.
Он уносил частицу родины
Туда, где сам — неожиданный гость.

* * *

Пойду я тоненькой и гибкою
По облегающим аллеям.
Осенний воздух пахнет гибелью,
А я нисколько не жалею!
Назло сезонным изменениям
Под мелкий дождик сиротливый
Ищу другое измерение,
В котором можно быть счастливой.

Нижегородская область

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА

Светлана Кайдаш-Лакшина родилась в семье авиационного инженера, окончила филологический факультет МГУ. Много лет работала редактором в издательстве, преподавала в вузе древнерусскую литературу. Давно начала заниматься судьбами и характерами русских женщин, которые часто незримо играли огромную роль в жизни и истории России.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЖЕНСКИЙ РОМАН НАПИСАН В ЯПОНИИ

Когда мне было двенадцать-тринадцать лет, моими любимыми романами были «Овод» Этель Лилиан Войнич и «Дворянское гнездо» Тургенева. Сколько слез было пролито над несчастной любовью Джеммы и Овода, Лизы и Лаврецкого! А финальная сцена в монастыре, куда приезжает Лаврецкий, чтобы взглянуть на Лизу, ставшую монахиней, потому что у Лаврецкого была жена, с которой они давно расстались... Мы уже прочитали «Анну Каренину», и нам было непонятно, почему Лиза ушла в монастырь, когда можно было спокойно выйти замуж за Лаврецкого.

И что мешает любящим соединиться? Эта проблема занимала всех девочек моего класса. Тем более что мы делились на две партии: партию Пушкина и партию Лермонтова — кто лучше изображал любовь, а главное, кто сильнее любил. Я была страстной «лермонтовкой», зачитывалась его письмами к Вареньке Лопухиной и спорила с «пушкинистками». В это трудно теперь поверить — ведь мы были в шестом классе!

Спустя годы, когда я прочитала рассказ Ивана Алексеевича Бунина «Чистый понедельник», то поняла, что и он очень любил «Дворянское гнездо»: ведь это парафраз романа — возлюбленная героя также покидает его и уходит в монастырь, а он приезжает туда взглянуть на нее в последний раз. Бунин чудесно нарисовал крестный ход в Марфо-Мариинской обители, которая, собственно, была не монастырем, а общиной, но это дела не меняет.

Уже после этих двух романов появился еще один любимый — «Граф Монте-Кристо». Потом романов стало так много, все были интересные, все нужно было прочитать — я училась на филологическом факультете МГУ.

Однако спустя годы я испытала подлинное потрясение, когда прочитала книгу японской писательницы Сэй-Сёнагон (966-1037). Она родилась, когда Русь еще была языческой, до ее Крещения оставалось свыше двух десятилетий, еще была жива княгиня Ольга (умерла в 969 году). Сэй-Сёнагон была придворной дамой и стала создательницей и родоначальницей многих литературных жанров, в том числе литературного дневника — по-японски «дзуйхицу». «Записки у изголовья» — так назывался этот дневник-роман — меня потрясли: это была (и есть!) женская проза, тонко и поэтично передающая мир женской души... Того времени? Да нет, иначе почему это оказалось так близко мне спустя девять веков. Я вновь и вновь перечитывала «Записки у изголовья». Меня в них поразило и странное сходство с Древней Русью. Ведь в Японии был расцвет синтоизма — а это и есть наше язычество, то есть поклонение природе и всем ее проявлениям, всему богатству — небу, солнцу, земле, воде, деревьям, рекам, ручьям, камням, животным, рыбам, птицам, цветам, траве, облакам, огню, ветру...

Поразило и сходство обрядов: например, Праздник молодых трав, когда петрушку, пастушьью сумку,

полевой хвощ и другие травы, которые растут у нас повсюду, варили и ели, чтобы отгонять злых духов. Праздник шествия белых коней имел в Японии такой же защитительный смысл, как и у нас на Руси. Белый конь как символ победы дошел и до наших дней — на Параде 1945 года на Красной площади под Маршалом Георгием Жуковым был белый конь.

Вот в «Записках у изголовья» главка «Цветы»: «Из луговых цветов первой назову гвоздику... Колокольчик с крупными цветами. Вьюнок “утренний лик”... Цветущий тростник... Фиалка. У горечавки препротивные листья, но когда все другие осенние цветы поникнут, убитые холодом, лишь ее венчики все еще высятся в поле, сверкая яркими красками, это чудесно. Куст цветущей сирени. Цветы камыша».

Удивительно, как почти одни и те же цветы радовали и древнерусских, и древнеяпонских женщин.

Каждая порода дерева для Сэй-Сёнагон — слово характер яркого человека, но то, что она написала о дубе, чувствовал в X–XI веках почти каждый славянин или литовец — словом, тот, кто поклонялся верховному богу Перуну и его священным дубам: «Очень красив дуб-касвага с вырезными листьями. Это священное дерево: в нем обитает бог — хранитель листьев». А вот автор любит травы: «Аир... Мальва очень красива. С самого “века богов” листья мальвы служат украшением на празднике Камо, великая честь для них! Да и сами по себе они прелестны... Придорожный дерн замечательно красив. Белый тростник тоже. Чернобыльник необыкновенно хорош... Пастушья сумка... Мелкий тростник очень красив. Полынь. Подмаренник».

Южная часть Украины — ведь это скифские степи, и, пожалуй, нет ни одного дома, около которого хозяева не посадили бы мальву. Значит, со скифских времен...

Сэй-Сёнагон описывает горы, которые она видела в своей жизни, равнины, переправы, красивые здания, перечисляет моря, императорские гробницы, рынки. И некоторые ее описания вызывают в памяти киевские, южные пейзажи: «В воздухе плывут ароматы аира и чернобыльника. Все кровли устланы аиром, начиная с высочайших чертогов и до скромных хижин простонародья. Каждый старается украсить свою кровлю как можно лучше. Изумительное зрелище! В какое другое время увидишь что-либо подобное?.. В пятый день пятой луны ставят подносы с праздничными лакомствами. У молодых придворных дам прически украшены аиром... Они привязывают многоцветными шнурами красивые ветки и длинные корневища аира к своим нарядным накидкам. Необыкновенно? Да нет, пожалуй, но очень красиво. Неужели хоть один человек скажет, что

цветы вишни ему примелькались, потому что они распускаются каждый год?»

Заставы, леса, равнины, дворцы, хижины, темные безлунные ночи и светлые солнечные дни, празднества и похороны, служанки и знатные люди, сады и заросшие бурьяном овраги, тонкие дымки костров и печальный звук флейты, придворные интриги и мужество воинов, состязания в стихах и праздничные сладости, охота и детские игрушки, тяжелое чувство от следов пожаров и набегов враждебных всадников, беспокойство о здоровье родителей, ребенка, страх при виде звезды Копье — вот мир чувств и надежд женщины X века в далекой Японии. А в русских летописях эта звезда Копье также была отмечена в год смерти князя Олега Вещего в 912 году. Это комета Галлея, которую видели в России и перед войной 1812 года, что описано Львом Толстым в романе «Война и мир». Восклицание же автора: «Я завидую тем, у кого хорошие дети: сыновья или дочери, все равно!» — понятно каждой женщине и сейчас, спустя почти тысячу лет. Видимо, ей не повезло с детьми... Человеческие чувства почти неизменны, как бы быстро ни бежало время: любовь, ненависть, месть, гордость, борьба за власть, самоотверженность, нежность, тщеславие, отвращение, презрение, смирение...

Книга кончается горькими словами: «Самое печальное на свете — знать, что люди не любят тебя. Не найдешь безумца, который бы пожелал себе такую судьбу». Тайну этих признаний автор навеки унесла с собой.

В Японии любили и преклонялись перед цветущей вишней, и в Древней Руси также ее почитали и считали сакральным, то есть священным деревом. На Украине и в южных областях России до сих пор существует народный обычай, идущий с незапамятных времен: в день святой Екатерины и мученика скифа Меркурия, убившего копьем на персидской войне римского императора Юлиана Отступника, попытавшегося отменить христианство как государственную религию (363 г. н. э.), срезали вишневые ветки и ставили их в воду. Делали это 24 ноября по старому стилю (7 декабря — по новому). К Рождеству (25 декабря по старому стилю, 7 января — по новому) ветки покрывались белыми цветами, и в этом состояла тайна гадания: если вишня зацвела, гадание было благоприятным, если же нет — то впереди не ожидалось ничего хорошего. Гадание с вишневой веткой делали и в северных русских областях за двенадцать дней до Рождества. Если она к Рождеству зацвела, то девушку ожидало скорое замужество.

На главный языческий праздник — Ивана Купалу — купальское дерево часто было вишневым. На кладбищах сажали в основном вишневые деревья,

и в повести «Степь» Чехов описывает, как мальчик Егорушка, покидая родной город на возу с тюками шерсти, оглядывается на родные места, на «уютное» зеленое кладбище, где «за оградой под вишнями день и ночь спали Егорушкин отец и бабушка Зинаида Даниловна». Древние славяне особо почитали вишню, так как с помощью вишневых веток они и гадали о будущем, и соединялись с душами ушедших предков. В пьесе «Вишневый сад» герои словно бродят под вишневыми деревьями на кладбище своих погубленных жизней. И потом в «Степи» Егорушка будет не раз думать о «бабушке, которая спит теперь на кладбище, под вишневыми деревьями».

В Японии в 905 году была составлена знаменитая антология «Кокинсю», известен и ее автор Ки-но Цураюки.

О, вишни цветы
На склонах горы Ахояма...
Сегодня, быть может,
Они опадут, разлетятся.
Ах, если б тебе их увидеть...

Однако любование цветущей вишней только в наше время превратилось в занятие эстетическое. В древности сакуру сажали только при храмах, и она считалась обителью душ покойных предков, и любование цветами имело оздоровительный смысл, укрощало дух болезни. Любуясь цветущей вишней, японцы и соединяются с прошлым, миром предков, и гадают о будущем, и прозревают прошлое. Вот как пишет Сэй-Сёнагон в главе «Новогодние празднества»: «До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе! А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может, старший брат самой императрицы в кафтане цвета вишни». Совсем как гадание девушек на Руси о своем будущем замужестве с помощью вишневых веток, которые должны распуститься к Рождеству... Во дворце императрицы была поставлена «ваза из зеленоватого китайского фарфора, наполненная ветками вишни».

«Когда кончалась вторая луна и начиналась третья, в самую пору цветения вишен, я еще раз гостила в храме... Стройный юноша блистал нарядом, словно ветка цветущей вишни». Интересно, что речь идет именно о ветках *цветущей* вишни, как и на Руси в обрядах.

Многие жизненные и повседневные привычки и установления Древней Руси и Древней Японии удивительно совпадают. На Новый год ставили цветущие или вечнозеленые ветви деревьев. Лепили из снега человечков. Делали из теста колобки. Перед Новым годом убирали и выметали жилища, шили

новые одежды, и на женских кимоно «с летящими рукавами» (как в Древней Руси!) вышивали узоры с цветущей вишней-сакурой. Водили хороводы у костров. Пекли круглые хлебы-караваи. Плели ивовые корзины. В домах зажигали лучины. Поминали души усопших предков. Вкушали ритуально сваренными семь трав — петрушку, мокричник, глухую крапиву, редьку, сушеницу... Сэй-Сёнагон описывает японский пейзаж, который удивительно напоминает древнерусский южный: «В воздухе плывут ароматы аира и чернобыльника. Все кровли устланы аиром, начиная с высочайших чертогов и до скромных хижин простонародья». Священные дубы. Мальвы около каждого дома. Тростник. Польша. Подмаренник. Одно из новогодних празднеств — Шествие белых коней. «Пусть валит снег, пусть дороги окованы льдом».

На Руси таким праздником был день бога Святывита, воплощением и символом которого был белый конь. Его в языческие времена отмечали 25 декабря (по старому стилю). К этому дню распускались вишневые ветки. Начинались Святки.

Несколько лет назад я выразила японскому профессору русской литературы свое восхищение «Записками у изголовья» Сэй-Сёнагон и сказала, что я поражена сходством культур, растений, обихода домашнего и общественного между Древней Русью и Древней Японией. Профессор лукаво улыбнулся:

— Среди прочих гипотез о том, откуда пришли японцы на эти острова, есть и такая: японцы — это древние скифы, которые добрались до Японских островов, но навсегда сохранили память о своей родине... А вы ведь тоже скифы?

— Конечно, мы скифы, — вскричала я. И, конечно же, процитировала строчку Блока «Да, скифы мы, да, азиаты мы». А потом спросила: — Вы поэтому так любите Чехова и Чайковского? И вишню, которая и нам дорога?

— Конечно, поэтому, — ответил серьезно профессор. — Мы близки! А вы напишите о своей любви к Сэй-Сёнагон.

Вот я и выполняю его просьбу, хотя и с большим опозданием.

После этой беседы я уже не могла жить без Японии и стала искать в ней следы скифов. Однако историю скифов скрывают прежде всего от нас. В Послании к Колоссянам апостол Павел упоминает скифов, призывая всех стать новыми людьми: «...где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (3:11). Апостол Павел обозначил три великих народа, три великих цивилизации древности: эллинскую, иудейскую и скифскую.

Идея о том, что славяне происходят непосредственно от скифов и родственных им сарматов, существует с давних пор. Ее разделял М. В. Ломоносов в его «Древней российской истории» и «Кратком российском летописце». Он писал: «Единородство славян с сарматами, чуди со скифами для многих ясных доказательств не споримо». С ним были согласны И. В. Забелин, Д. И. Иловайский, наш современник Б. А. Рыбаков. О скифах все знали от «отца истории Геродота» (485–425 до н. э.), все зачитывались его «Скифским логосом». Он подробно рассказал о войне персидского царя Дария против скифов около 512 г. до н. э. Скифия на берегах Черного и Азовского морей (Меотида) и в Крыму (Таврида) была сказочно богата рыбой, хлебом, медом, а курганы скифских царей были полны золотыми украшениями. По описанию Геродота, Дарий начал войну против скифов якобы потому, что они за сто лет до Дария вторглись в Малую Азию и опустошили ее, проведя там несколько десятков лет. Так что Дарий учинил акцию возмездия. В войске персов было семьсот тысяч воинов и шестьсот кораблей. Дарий не сомневался в победе и для переправы через пролив Босфор, а потом реку Истр (Дунай) навел мосты. Путь от Персии к берегам Черного моря был не близким.

Скифы начали отступать вдоль морского побережья, заманивая персов к реке Танаис (Дон). За собой они сжигали пшеничные поля, угоняли скот, так что персидское войско шло не по цветущей плодородной стране, какой слыла Скифия, а по выжженной пустыне. Царь Дарий попытался вступить в переговоры со скифскими вождями, мечтая о сражении, но те ответили, что у них свои святыни — это отеческие могилы, до которых врагам никогда не добраться, а еще они прислали непонятные дары — лягушку, мышшь, птицу и пять стрел. Дарий решил, что скифы ему вручили свои земли и воды, так как лягушка живет в воде и земле, мышшь питается тем же зерном, что и люди, стрелы же означают военную мощь, птицы летают и над землей, и над водой. Однако царь ошибся.

Видимо, со скифских времен живут у нас русские сказки о Царевне-лягушке, в которую выпускает стрелу добрый молодец и превращает лягушку в царевну. Лягушка и стрела. Или сказка о могущественных птицах — «Гуси-лебеди», птицы на посылках у волшебства. Сказка о мышке, которая бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось... Мышка же помогла деду и бабке вытащить репку, которую не могли вытянуть дед с бабкой, внучкой и Жучкой.

Войско царя Дария дотянулось до Танаиса, но обратно вернулась лишь небольшая часть воинов. Большинство осталось в скифских степях, умерло от голода и холода.

Победа скифов над персами была в Древнем мире столь ошеломляющей, что на долгие столетия скифы получили славу непобедимых воинов. Поэтому неудивительно, что для сокрушения римского императора Юлиана Отступника, который решил вернуть язычество как государственную религию, был послан Богородицей по молитвам святых римский воин, по рождению скиф Меркурий. В 363 году н. э. на персидской войне он незримо сразил Юлиана своим копьем.

Д. С. Мережковский не знал тайны убийства Юлиана Отступника и в своем романе о нем не пишет об этом. Память скифа Меркурия отмечалась в Руси издавна: именно в этот день ставили в воду срезаемые ветки вишен — 7 декабря по новому стилю.

Передо мной японская летопись 712 года, и автор известен, вернее, составитель — О-но Ясумаро: «Записи о деяниях древности. Свиток 1. Кодзики». В главе 18 миф о героической мышке, которая принесла стрелу герою, когда бог выпустил ее и запалил огнем равнину. Мышь же тут как тут — и «гудящую стрелу в зубах принесла, и стрелу поднесла. Перья на той стреле детки мышши все объели». Скифская сказка! Когда бог явился на лодочке и никто не знал его имени, то тут же «проквала жаба», назвав имя того, кто должен был это знать. Жаба как хранительница знаний. Кстати, в древности лягушку звали в Японии «куку». А вот еще скифская сказка в «Кодзики»: дева увидела плывущую вниз по течению реки стрелу, окрашенную в красный цвет. Она выловила эту стрелу из воды и положила ее себе в постель, забеременела, родила сына. Чем не вариант нашей «Василисы Прекрасной»? И Премудрой одновременно.

Один из священных предметов в «Кодзики» — меч Кусанаги-но ТАТИ. Выделяю часть названия этого слова, потому что «тать» — по-древнерусски «вор, хищник, похититель». Как ни странно, таких слов довольно много: например, остров Садо, Кана-яма — Бимэ-но Ками — Дева-Богиня Рудной горы, Кана-яма — рудник. В Японии в январе отмечается День зайца, который у скифов был священным животным, о чем пишет Геродот. Во время войны с персами скифы построились для сражения, но вдруг в середину строя их забежал заяц. Скифы оставили строй и бросились за зайцем. Дарий, когда узнал причину, воскликнул: «Да они нас презирают!» — и велел сворачивать лагерь. В День зайца прогоняют злых духов. «Муро» — пещера, вспоминается наше слово замуровать...

Главная богиня солнца Аматаэрасу находится далеко в своем святилище на берегу Тихого океана в глухом лесном местечке Исэ, в храме, построенном из японского кипариса, а двускатная крыша крыта

камышом. Храм, постоянно возобновляясь, стоит с середины VII века. Паломники поднимаются к нему по крутой скалистой дороге, обсаженной кипарисами. Юрген Берндт в своей книге «Лики Японии» (1988) выражает недоумение, почему храм так далеко. А мне пришло на ум воспоминание о том, что государство поздних скифов существовало у нас в Крыму с III века до н. э. по III век н. э. Развалины столицы Неаполя Скифского уцелели на окраине Симферополя. Нашествие гуннов и готов в III–IV веках сокрушило государство. В главном городе Тавриды (Крыма) Херсонесе находился храм и статуя главной богини — Девы, на мысе Парфенион — ее святилище. Туда, конечно, вела дорога, обсаженная кипарисами... Как к богине Аматаэрасу...

Да простятся мне столь вольные фантазии, но слова японского профессора русской литературы слишком глубоко запали: возможно, японцы — скифы, и, следовательно, наши родственники...

В третьей главе «Кодзики» рассказано, как был создан первый японский остров Оногородзима — Сам собой ступившийся остров. В этом названии два русских слова — город и зима. Боги приказали двум богам — Идзинаги-но Микото и Идзанами-но Микото «закончить дело с этой носящейся по морским волнам землей и превратить ее в твердь» и отдали «драгоценное копье». Этим копьем два бога стали «месить морскую воду, и когда вытащили его, вода, капавшая с кончика копья, ступившись, стала островом». Не говорит ли этот миф о том, что действительно до острова плыли морем и со скифским копьем? Вспомним, что скиф Меркурий убил императора Юлиана Отступника не мечом и не стрелой, а копьем...

Японцы почему-то пьют свою водку саке из маленьких чашечек. Скифы же носили на поясе свою чашу — говорят, что часто она была золотой. Греки упрекали скифов в том, что они пьют вино не разбавленным водой, сложилась поговорка «Пьет, как скиф».

Местечко около Токио в горах называется Гора. Боги религии синто носят имя Ками. Не означает ли это, что скифы доходили до реки Кама у нас, в Поволжье?

Занятие это увлекательное, и примеров множество, но, читая «Кодзики», я поняла еще другое. В шестнадцатой главе рассказывается, как семьдесят богов решили взять в жены одну Деву Ягами-химэ. Взять в жены — по-японски «ебаму». По дороге боги обманули Зайца (он считался у скифов символом плодородия) и потерпели поражение, так как Заяц обещал богам, что они никогда не

получат в жены эту Деву. («Кодзики». СПб., 2000, с. 297). В восемнадцатой главе «Кодзики» Ярая Дева Сусэри-бимэ увидела бога и «супружески с ним соединилась» — «ебау», вступила в брак (еще значение этого слова — «иметь связь с женщиной»). «Убуя» назывался домик для роженицы, куда помещали рожавшую женщину, считавшуюся нечистой.

Все эти слова в русском языке носят название «мат», так полюбившийся нашим современным литераторам. Но тогда можно предположить, что мат — это остаток скифского языка, элементы которого сохранились в японском языке. Говорим по-скифски и пьем неразбавленное вино, как скифы делали, по словам греков.

Меня восхищает подвиг японских писательниц, которые в века раннего Средневековья по существу создали японский литературный язык. В IX веке методом сокращения определенных китайских иероглифов была создана слоговая азбука (кана) для каждого из основных в японском языке слогов, а их насчитывается 96, был утвержден письменный знак. Это письменность называлась «оннадэ» — «женская рука» и отличалась весьма плавными очертаниями. Ею вначале, вероятно, пользовались исключительно жены аристократов. Сегодня такая форма письма называется «хирагана»... В течение нескольких веков китайское и японское письмо оставались разъединенными. Первый значительный роман, появившийся в японской литературе в начале XI века, был написан хираганой на основе чисто японского словарного состава придворной дамой Мурасаки Сикибу и назывался «Повесть о Гэндзе» (Ю. Берндт, «Лики Японии»).

Со второй половины X века в японской литературе происходило разделение прозы на «мужскую» и «женскую». Мужчины писали, как правило, по-китайски, а женщины, как правило, — на чистом японском языке. Выделился так называемый женский поток, который длился почти сто пятьдесят лет. Мурасаки Сикибу была моложе Сей-Сёнагон и умерла в 1016 году. В какой еще стране мира был совершен женщинами-писательницами такой подвиг?

В Японии почитают природу, предков и стихи. Там отмечается День культуры (3 ноября), а государство существует, как уверяют японцы, непрерывно с VII века до н. э. Японский ребенок зовет свою маму «мамма».

У скифов изображением бога войны был меч, самураи носили мечи. Сакура — саке — скифы? Этот список сравнений можно продолжать до бесконечности — очень увлекательно.

БОНАПАРТ В ЕГИПТЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Верность и измена

В девять часов вечера в дом Мурад-бея вошел Бонапарт.

Резиденция была пуста — даже слуги покинули ее. Наполеон по достоинству оценил роскошь ее убранства и прекрасный сад.

По армии распространилось известие о том, что сад Мурад-бея богат виноградом, и сбор урожая был произведен с удивительной быстротой.

В лагере Эмбабы были найдены богатые вещи беев и кишифов (офицеров), буфеты, полные варенья и сладостей, ковры, фарфор и серебряная посуда.

Но самая богатая добыча находилась на телах погибших мамелюков. Под предлогом поиска раненых солдаты покидали расположение частей и вылавливали трупы, на которых находили двести, триста, а где-то и пятьсот золотых монет. Приказ Бонапарта заставлял их сдавать золото в казну под страхом сурового наказания.

Флотилия мамелюков догорала, а в Каире начались грабежи богатых горожан. Дворец Ибрагим-бея был ограблен и сожжен одним из первых. Состоятельные граждане нагрузили ослов, верблюдов и мулов своим добром и устремились к восточным воротам Каира. Едва покинув пределы города, они попадали в руки бедуинов, которые дочиста грабили несчастных.

Бонапарт быстро навел порядок на улицах и в управлении городскими делами. Он пригласил в Гизу Бардѳа и Магаллона, которые помогли ему составить список каирских нотаблей. Когда вся знать города явилась к нему на поклон, он проверил по списку, кто из знатных людей остался, а кто сбежал.

Но ведь бежать нет никакой нужды! Он пришел как освободитель египтян и друг ислама.

Переводчиком выступил дипломат Вантюр де Пароди, долго живший на Востоке и знавший обычаи мусульманских стран. Он не только легко переводил речи, но и делал нужные интонации, что очень понравилось Бонапарту.

Правитель Египта не мог называться «генералом», «главнокомандующим» или как-нибудь на европейский манер. Он должен был внушать страх, поклонение и уважение. Поэтому Бонапарт принял титул Султана Кебира, или Великого Султана.

Генерал Дююи, гасконец, был назначен комендантом города. Был созван диван, состоявший из девяти шейхов. На заседаниях дивана постоянно присутствовал французский представитель. Им стал Посселгуэ, финансовый администратор и шпион Бонапарта. Переводы делали двое французских ученых, знавших арабский язык.

Бонапарт поселился во дворце Эльфи-бея, на площади Эзбекия. Хотя дом был расположен не в центре города, он был самым богатым, а его интерьер был вполне европейским. Хозяин дома сбежал в Верхний Египет вместе с Мурад-беем.

Генералы поселились во дворцах мамелюков, Монж и Бертолле — в хорошем доме на площади Эзбекия, а офицеры, молодые ученые и инженеры — в более скромных домах. Многие солдаты жили во дворах.

Денон оказался первым членом экспедиции, вкусившим прелести Востока. Он наблюдал танец живота в исполнении женщин, которым аккомпанировали двое мужчин, игравших на аккордеоне и барабане, а также певцы, игравшие на тарелках (кимвалах).

«Способ, которым они вращали своими телами, придавал неописуемую грацию движениям их ло-

дыжек и пальцев. Поначалу их танец выражал прекрасное сладострастие, затем опустился до похотливости и стал не более чем выражением грубой и вульгарной чувственности. Наиболее отвратительным в этом показе было то, что, даже когда танцовщицы были изысканны и сдержанны, один из музыкантов вождельно смотрел на них, словно грубый паяц. Представление терпело фиаско».

Денон заметил, что танцовщицы «пили местную огненную воду большими стаканами, будто это был лимонад, поэтому, хотя они и были молодыми и хорошенькими, скоро устали и ослабели, за исключением двух, чьи прелесть и манеры были столь же поразительны, как у любых известных парижских чаровниц. Их чистая естественная грация обещала ласки и сладострастие тем, для кого они берегли свои интимные прелести».

В таких центрах ислама, как Каир, алкоголь был запрещен в течение многих веков. Однако Денон отмечает, что в ночных притонах, где наслаждались танцем живота, алкоголь всегда был в наличии. Христиане, большинство мамелюков и даже некоторые шейхи тайно употребляли спиртные напитки.

Каир, великолепный издали, на многих произвел отвратительное впечатление. Узкие улочки, немощные и грязные, много полуразвалившихся домов. Все время чем-то закупоренные окна. Общественные здания — словно темницы, и магазины, похожие на конюшни. Ветхие балконы, готовые рассыпаться и рухнуть на головы прохожих. Воздух пропитан пылью, всюду вонь. Мусор, который никто не убирал, и лишь очередной разлив Нила уносил залежи хлама и нечистот. Там и здесь французы встречали слепых и нищих в лохмотьях. Малопривлекательные женщины прятали свои изможденные лица под паранджой. Их дети были желтыми, худыми, в болячках, облепленных мухами.

Французы улучшали быт горожан. В целях общественной безопасности были разрушены ворота в кварталах, а улицы города теперь освещались всю ночь. Новые власти потребовали собирать и сортировать хозяйственные отходы, проветривать постельное белье, подметать и поливать улицы.

Для патрулирования города Бонапарт, по совету Магаллона, выбрал грека Бартелеми. Это был человек живописной внешности, носивший на голове большой белый тюрбан, традиционный греческий костюм, украшенный золотом, мешковатые штаны и алый пояс. Он начал усердно исполнять свои обязанности, назначив офицерами полиции сотню греков низкого социального положения и своих друзей-мавров. Один из мамелюкских дворцов был превращен в штаб-квартиру полиции, а Бартелеми присвоил себе гарем и рабов прежнего хозяина.

Он объезжал Каир верхом на осле, с симитаром, висевшим на боку. Сабля служила не только для устрашения, но и для немедленных экзекуций на месте преступления. Бартелеми был одновременно судьей и палачом.

Когда Ситти-Нафиза вернулась во дворец в Гизе, Бонапарт направил к ней капитана Евгения Богарне. Ситти-Нафиза отлично приняла юношу, накормила его прекрасным ужином и подарила дорогое кольцо. Ее сераль состоял из полусотни женщин, и все они проявляли огромное любопытство к Евгению.

Бонапарт послал своего пасынка не только ради обмена любезностями. Он знал, что жены мамелюков скитаются по равнинам и становятся добычей бедуинов. Между тем все они где-то спрятали свои богатства. Поэтому Бонапарт предложил им спокойствие и безопасность в обмен на контрибуции в пользу казны французской армии. Авторитетная Ситти-Нафиза должна была помочь ему договориться с женами храбрецов.

Евгений передал Ситти-Нафизе почтение нового правителя, а также фирман, закреплявший за нею владение всеми ее деревнями. Султан Кебир тем самым продемонстрировал свое уважение к правам собственности, что явилось хорошим знаком для всех состоятельных людей.

Гостеприимная Ситти-Нафиза должна была внести в казну сумму, равную шестистам тысячам франков. Другие жены мамелюков обязаны были выплатить контрибуцию в соответствии с размерами состояния их мужей.

Бонапарт отправил донесение Директории об одержанной великой победе. С высоты этого достижения он мог попросить свое правительство о некоторых важных вещах. В первую очередь необходимо было усилить армию, которая уже начала численно уменьшаться. Пока надежды Наполеона на то, что он сможет укрепить войско за счет местных, не оправдывались. Особенно болезненным было почти полное отсутствие кавалерии.

Французское правительство имело расстроенные финансы, поэтому нечего было ждать от него денежной помощи. Но оно вполне способно было исполнить другие желания, список которых Бонапарт не замедлил представить: послать в Египет труппу комедиантов, балетную труппу, по меньшей мере двух или трех кукольников, сто французских женщин, а также жен всех участников Египетской экспедиции, двадцать хирургов, тридцать фармацевтов, десять врачей-терапевтов, металлургов, производителей ликеров и винокуров, пятьдесят садовников вместе с их семьями, семена всех типов овощей; каждый конвой должен привозить из Франции двести тысяч пинт eau-de-vie (водки) и миллион пинт вина; кроме

того, необходимо направить в Египет много синей и красной материи для флагов, а также мыла и растительного масла.

Колонии создаются для того, чтобы выкачивать из них богатства и ресурсы. Бонапарт планировал регулярно посылать во Францию дорогой кофе, сахар, хлопок, рис, бобы. Он намерен был организовать торговые пути, по которым из восточных стран будут поступать специи и другие экзотические продукты.

Бонапарту хватило трех недель, чтобы взять Каир и захватить Нижний Египет. Он и его соратники попали в загадочный мир Востока. Они уже видели одно из семи чудес света, но пока только издали.

Наполеон предложил членам своего штаба и ряду ученых посетить великие пирамиды. Когда участники экспедиции достигли верхом подножия памятников, Бонапарт бросил новый вызов:

— А теперь кто из вас первым взберется на вершину?

— Да он с ума сошел, — тихо сказал Бертолле Монжу. — В эту жару?

Однако Монж думал иначе. Он снял с петлицы фляжку, наполненную eau-de-vie, сделал несколько глотков и решительно направился к пирамиде.

Бонапарт остался внизу и, потешаясь, смотрел на то, как его друзья взбираются все выше, карабкаясь с одного крупного камня на другой, иногда делая остановки. Во время этих пауз они сидели на камнях, переводя дух. Затем покорители вершины продолжали свой путь. Молодые адъютанты взбирались каждый по отдельности, другие участники восхождения иногда подавали друг другу руки.

На удивление многих, Монж первым достиг вершины. Он сделал это за неполных сорок минут. Сорокапятилетний Бертье добрался только до половины высоты пирамиды, после чего начал медленно спускаться вниз, проклиная все на свете.

Достигшие цели получали приз — по глотку eau-de-vie от Гаспара Монжа.

— Каково? — вопрошал Монж. — Друзья мои, такое бывает один раз в жизни! Любуйтесь этой бескрайней пустыней, уходящей за горизонт. Этой великой рекой, дающей людям жизнь. Этой горной цепью, простирающейся, наверное, до самого Красного моря. Однако где наш Бонапарт?

Все посмотрели вниз и увидели Наполеона, одиноко стоявшего и погруженного в свои мысли.

— О чем думает этот молодой человек, который в двадцать девять лет успел столько совершить? — продолжал Монж. — Кто из вас три месяца назад мог себе представить, что будет стоять на вершине грандиозной пирамиды и взирать на великий континент, населенный неизвестными нам племенами

и народами? Разве это не чудо? Франция, ты такого еще не видела! И разве мы сделали бы это без него? Нет, не зря наши герои сложили свои головы. Умолкните, маловеры! И да здравствует Бонапарт!

— Да здравствует Бонапарт! — подхватили адъютанты.

— Где ты, Бонапарт? Ты слышишь нас? О-го-го-го!!! — заголосил Монж, по щекам которого текли то ли капли пота, то ли слезы.

— Ура! Да здравствует Франция! Да здравствует победитель! — кричали молодые люди. Капитан Майи запел «Марсельезу», и все дружно подхватили.

Бонапарт стоял неподвижно и, кажется, никого не слышал. Монж еще раз пустил фляжку по кругу и, когда в ней ничего не осталось, возглавил обратное движение.

Когда он оказался внизу, Бонапарт встретил ученого неожиданным заявлением:

— Bravo, Монж, bravo, мой дорогой друг! Однако прошу вас из скалолаза вновь стать математиком. Итак, вот о чем я подумал: материала этих каменных блоков, из которых сложена великая пирамида, хватило бы для того, чтобы окружить всю Францию внушительной стеной. По моим расчетам, высота этой стены могла бы быть три метра, а толщина один метр.

— Генерал, это потрясающе! А мы не могли понять, о чем это вы так сосредоточенно думаете, — ответил Монж. — Оказывается, вовсе не о восточной метафизике. Сейчас, погодите, сейчас, я постараюсь сконцентрироваться. Поверьте, это непросто после подвигов и расслабляющих порций eau-de-vie.

Говоря это, Монж вытирал носовым платком пот со лба.

— Высота три метра, а толщина один метр... Похоже, вы правы. Нет, вы точно правы, — заключил Монж.

— Не может быть, — возразил Бертье. — Я не верю.

— Генерал, это не вопрос веры, а результат точного расчета, — сказал Монж. — Вот, извольте проверить.

В конце концов Бертье согласился с вычислениями и еще долго приговаривал, что «это какая-то мистика».

Ночь провели у подножия пирамиды, как и было задумано. Когда все растянули свои палатки, то обратили внимание на то, что Бертье установил две.

— Интересно, что там у вас во второй палатке? — просто спросил Сулковский, палатка которого находилась рядом с тентами начальника штаба.

— Не твое дело, — ответил Бертье, всем видом показывая, что вход в палатку воспрещен.

— Похоже, простым смертным туда нельзя, — сказал Бонапарт. — Бертье, а мне, по секрету, можно?

Бертье колебался, но все же разрешил Наполеону войти при одном условии — если тот снимет сапоги.

Бонапарт хотел было подчиниться, но потом сказал:

— Бертье, я хорошо протру подошвы и удалю пыль с моих сапог.

Стоя на коврике перед входом в палатку, он немало поухаживал за обувью и вошел.

Палатка была местом поклонения графине Висконти, возлюбленной Бертье. Он познакомился с ней в Милане, где она станет «фрейлиной двора» Жозефины. Генерал и графиня поклялись в вечной любви, а их расставание было мучительным.

Когда Бертье собирался в Египет, он договорился с возлюбленной, что оба будут смотреть на луну в определенные часы. Луна связывала их. Свет любви, посылаемый мужчиной или женщиной, достигает луны и, отражаясь от нее, озаряет любимого человека.

В углу палатки стоял большой портрет графини Висконти. По всей видимости, Бертье не закончил устройство святилища. Вещи, предназначенные для внутреннего убранства палатки, он привез на трех мулах. Было заметно, что он очень недоволен тем, что Бонапарт вошел в сапогах. Это было осквернением святилища.

— Бертье, ты обязательно вернешься к своей возлюбленной, — сказал Бонапарт. — Но вначале мы создадим великую империю.

— К черту империю! — в сердцах ответил Бертье. — Отпустите меня к ней!

Это прозвучало по-детски. Бертье был ростом ниже Наполеона, а его голова была непропорционально большой. Он чаще бывал нервным, чем спокойным, порой проявлял неуверенность, говорил гнусавым голосом и заикался.

Выпалив необычные слова «к черту империю», он заволновался, и заикание усилилось.

— Ты хочешь бросить меня, Бертье? В самом начале пути? Ты хочешь бросить меня сейчас?

Когда Наполеон произносил слово «сейчас», его лицо выразило страдание, а голубые глаза на мгновение закрылись. Когда он снова открыл их, Бертье показалось, что он увидел слезу.

Оба понимали, в чем дело. Возникла неловкость, которую Бонапарт попробовал снять шуткой.

Приближалась холодная пустынная ночь. Все собрались вокруг костра, и Бонапарт обнародовал тайну генерала Бертье. Хотя рано или поздно все узнали бы ее, но Бертье был очень расстроен поведением Бонапарта. Тот якобы шутливо вопрошал, существует ли вообще основа для того, что женщин приравнивают к божествам или святым, в то время как Отец, Сын и Святой Дух мужского рода. Затем

он пытался разговорить Евгения Богарне, спрашивая о пятидесяти женщинах Мурад-бея.

— Нубийки особенно хороши, — говорил Наполеон, — у них строгие и правильные черты лица, стройный стан, тонкая талия и маленькая грудь.

Было заметно, что с Бонапартом что-то происходит.

За несколько дней до Битвы у пирамид Наполеон говорил, обращаясь к штабным офицерам:

— У юношей часто глаза разбегаются, когда они видят много женщин. Заводить интрижки с одной, другой, третьей — это все равно что рубить себя на много частей. Человек цельный понимает, что нужно отдавать себя без остатка другому человеку, и любимая женщина является воплощением всех возможных женщин. К чему гоняться за призраками, если мы имеем любовь? Любящий человек — счастливый человек. Жить ради любимой женщины, все делать для нее, доставлять ей радость. Что наша слава и трофеи, если мы не можем осчастливить ближнего? Моя жена — опытная женщина, отлично разбирающаяся в людях. Недаром у нее столько друзей, и она со всеми умеет ладить. Хороший человек творит добро и не станет причинять боль дорогим ему людям. Как же я счастлив тем, что удостоен любви такой женщины. До нее у меня не было любовниц, и я полюбил ее всем сердцем. Не знаю, что бы я стал делать, если бы она меня разлюбила.

Это слышал Андош Жюно, который затаил обиду против супруги Бонапарта. Он был свидетелем ее неверности, поскольку сопровождал Жозефину в Италию на встречу с Бонапартом, а та взяла с собой гусара-любовника, лейтенанта Ипполита Шарля.

Любвеобильный Жюно вступил в связь с Луизой, служанкой Жозефины. Когда жена Наполеона вернулась из Италии, она в тот же день уволила Луизу.

О ее связи с Ипполитом Шарлем были осведомлены и другие офицеры штаба. Знал о ней и Бертье, который был доверенным лицом Жозефины.

Когда Бонапарт произносил свою речь, Жюно наблюдал за офицерами и заметил, что они обмениваются насмешливыми взглядами.

То ли из давней обиды, то ли из желания оградить друга от новых насмешек Жюно решил рассказать правду и ждал подходящего случая.

Во второй день пребывания в Каире, оказавшись наедине с Бонапартом, Жюно понял, что лучшего момента для разговора может и не быть.

Чуть поодаль стояли Бурьенн и офицеры штаба.

— Бонапарт, невозможно не восхищаться той искренностью, той страстью, с которой ты говоришь о жене. Но приготовься узнать горькую правду, — начал Жюно.

— Что ты имеешь в виду? Может быть, ты желаешь рассказать мне очередную сплетню? — спросил Бонапарт. — Я уже сделал достаточно дел, чтобы не верить словам. Я привык верить тому, что вижу сам. Но если ты думаешь лишить меня покоя... что ж, попробуй!

В его голосе прозвучал вызов. Собеседник понял, что взять слово назад уже невозможно и надо продолжать разговор. Жюно начал испытывать сильное беспокойство.

— Бонапарт, это не сплетня, — продолжал Жюно, и его голос задрожал. — Ведь ты слышал об Ипполите Шарле?

— Да, я слышал об этом франте и имел разговоры с разными людьми, в том числе с моей женой. Если ты хотел удивить меня, то тебе это не удалось, — быстро произнес Бонапарт.

Жюно почувствовал, что друг гораздо лучше осведомлен о деле, чем он мог думать, и надо говорить обо всем, чему он был свидетелем. И он заговорил, вспоминая поездку в Италию в компании с Жозефиной, Николя Клари (сводным братом Жозефа Бонапарта), герцогом Сербеллони, знакомым Жозефины Антуаном Гамеленом, который ждал, что она представит его Бонапарту, Луизой, еще тремя слугами, псом Фортюне и... Ипполитом Шарлем.

То, что Ипполит был поставлен в очередь после любимого пса Жозефины, уже не могло смягчить ситуацию. Слишком много деталей совпадало. Жюно выложил все, в подробностях. Он утверждал, что о деле знает весь Париж, и даже предъявил письмо в подтверждение своих слов.

Бонапарт слушал, более не прерывая собеседника. Его тонкое лицо сильно побледнело и было искажено нервной судорогой, глаза блуждали. Бурьенн видел, как он несколько раз ударил себя рукой по лбу.

Поговорив с Жюно, Бонапарт подошел к Бурьенну.

— У вас нет ко мне ни малейшего чувства преданности, — строгим, резким тоном сказал он. — Женщины!.. Жозефина!.. Если бы вы чувствовали преданность ко мне, то сообщили бы мне все то, что я узнал от Жюно. Он, по крайней мере, мне друг... Жозефина!.. А я в шестистах лье от нее!.. Вы должны были мне сказать... Жозефина!.. Она, она могла меня обмануть!.. Она!.. Ну, берегитесь! Я уничтожу весь этот выводок молокососов и франтов... А с ней я разведусь! Да, разведусь!.. Устрою публичный, скандальный развод! Я сейчас же напишу Жозефу... Я знаю теперь все!

Он все же решил проверить слова Жюно и найти подтверждение им у других. Бонапарт обратился к Бертье, и тот также рассказал все, что знал.

Луи-Антуан Фовеле де Бурьенн

«Эти — одного поля ягода, — думал Бонапарт. — Штабисты, адъютанты, что и говорить! Кто еще может об этом знать, кому бы я поверил? Кто еще был в Италии и находился в непосредственной близости от меня и от всего происходившего там?»

Вдруг он вспомнил о Марке-Антуане Жюльене. Яркий публицист, чистая душа.

Бонапарт извлек из нужных ячеек своей необъятной памяти все, что было связано с Жюльеном. Июнь 1796 года. Двадцатилетний Жюльен, сторонник Робеспьера и редактор якобинских журналов, написал наивное письмо, выражая желание быть принятым в итальянскую армию, которая виделась ему «школой добродетели, храмом дружбы, святилищем славы». Он приветствовал Бонапарта как «победоносного вождя героев итальянской армии», как «освободителя угнетенных наций, чьи лавры испачканы лишь кровью врагов человечности».

Попав в проскрипционные списки за связь с бабуристами, Жюльен приехал в Италию, вступил в Легион Ломбардии и отличился тем, что помешал захвату австрийцами крупной суммы в полмиллиона золотых дукатов. В апреле 1797 года Бонапарт назначил его редактором своего издания *Courrier*. Их сотрудничество продолжалось всего три месяца, и они разошлись из-за различия политических взглядов.

Жюльен приехал в Египет благодаря Каффарелли, который убедил его в благородных целях предприятия.

Важно то, что Жюльен достаточно вращался в кругах, близких к Бонапарту, и, что называется, держал нос по ветру.

Султан Кебир пригласил публициста в свою штаб-квартиру на площади Эзбекия. Он обнял соратника.

— Кажется, мы вместе делаем неплохую карьеру, не так ли, молодой человек? — начал Бонапарт.

— Да, генерал, все идет хорошо. Но, насколько я понимаю, враг не разбит окончательно.

— Ты верно все понимаешь, мой друг. И я намерен в ближайшее время направить силы против беев, которые разбежались в разные стороны. Но моя цель — не уничтожение врага, а мир на египетской земле. Я хочу договориться с вождями мамелюков и предложить им поступить ко мне на службу на очень хороших условиях, — поделился Бонапарт своими планами.

— Ой ли? — парировал Жюльен. — Вы думаете, они согласятся? Посмотрите на карту Египта. У них огромная территория, где мы будем их искать? Пока мы контролируем Каир, Александрию, Розетту, еще несколько пунктов, и все. Я бы на их месте, пожалуй, не смирился с поражением. К тому же они не могут согласиться с потерей собственности. Что вы будете делать с землей мамелюков?

— Мы пришли сюда, чтобы освободить Египет от тирании мамелюков. Они будут лишены собственности.

— То есть вы делаете революцию. Тогда я на вашей стороне. Но я вижу противоречие в том, что, с одной стороны, вы хотите помириться с беями, а с другой — лишить их собственности. Как это можно совместить? Или оставляйте все как есть — и это плохое решение, — или устанавливайте новый общественный строй. Но тогда надо не мириться с беями, а гнать их к чертовой матери! — продолжал Жюльен. Он был в своей стихии, ему нравилось разрабатывать радикальные планы.

— Ты попал в точку! Все не так просто, как кажется. Для этого я и взял с собой экономистов, финансистов, администраторов, юристов, чтобы мы вместе создали новые законы и новый порядок. Для этого мы учредим Институт, который будет центром всех начинаний, — заявил Бонапарт. — Египет станет процветающей страной. Справедливые налоги помогут развитию сельского хозяйства. Долина Нила удивительно плодородна, земля здесь дает по два урожая в год. Там, где мамелюки только грабили, мы установим справедливый порядок распределения. Скоро в Египте появится своя промышленность, и мы будем иметь все, что нужно для человеческой жизни. Перед нами — чистый лист бумаги. Когда-то здесь находилась великая цивилизация, о существовании которой говорят пирамиды. Она была разрушена дикостью, глупостью и жадностью.

Он быстро ходил по кабинету, размахивая руками.

— Тебе будет о чем писать, Жюльен! — продолжал Бонапарт. — Какой публицист не мечтал бы о такой

доле? Ты молодец, что согласился сюда поехать. Вот что я хотел бы у тебя спросить...

Наполеон подошел к Жюльену, взял соратника под локоть и заговорил о том, что его мучило.

Собеседник несколько не удивился вопросам Бонапарта и рассказал все, что видел сам и слышал от разных людей, в первую очередь от герцога Сербелони, делегата Ломбардии в Париже.

У Бонапарта более не осталось ни малейших сомнений в измене Жозефины. Жюно, Бертье и Жюльен сказали ему все.

«О Жозефина, как ты могла так обойтись со мной? Ты унижала меня во время итальянской кампании, когда я просил тебя приехать, а ты водила меня за нос. И ты не поехала в Египет, также обманув меня».

Он вспоминал, как это было. Жозефина приехала в Тулон, чтобы отплыть вместе с ним в Египет. Она говорила, что хочет этого, и он поверил ей. Они мечтали о будущем, а Бонапарт и думать не хотел о том, чтобы долгое время жить без нее.

Но в Тулоне она сказалась больной, и он поменял план. Понимая реальную опасность, исходившую от флота адмирала Нельсона, он решил, что пусть она подлечится и переедет в Неаполь, где он ее заберет.

Для выполнения этой ответственной миссии он выбрал фрегат «Помона». Через четыре дня плавания он направил фрегат в Неаполь, с замираньем сердца ожидая возвращения корабля. Стоя на палубе «Ориента», он смотрел в бинокль за тем, как «Помона» приближается к нему, и пытался отыскать Жозефину на борту фрегата.

Ее там не было. Почему? Как это можно объяснить?

Он смог убедить себя в том, что у нее, наверное, были на то причины.

Он пришел в Африку, он одержал несколько побед. Каждый день он вспоминал о ней, делясь своими чувствами с окружающими. Он вошел в Каир, чтобы узнать горькую правду. И теперь он, самый сильный человек на свете, уничтожен.

Его пасынок заметил большую перемену в настроении генерала и написал матери во Францию: «В течение пяти дней Бонапарт переживает крайнюю печаль после бесед с Жюльеном, Жюно и Бертье. Эти разговоры повлияли на него больше, чем я мог бы поверить... Ты же понимаешь, мамочка, — сокрушался юноша, — что я не верю всему этому, но факт тот, что генерал очень переживает. Но ко мне он стал еще добрее. Поведение его, по-видимому, отражает мысль, что дети не отвечают за родителей. Я же уверен, что все это выдумали твои враги. Он по-прежнему любит тебя и все так же мечтает обнять. Надеюсь, что когда ты приедешь, все это позабудется».

Сын верил в то, что мать приедет.

«Мне тягостно общение с людьми. Мне нужно побыть одному, в изоляции. Почести мне надоели. Чувства зачерствели. Слава потеряла прелесть. В двадцать девять лет я иссяк, остается стать закоренелым эгоистом», — написал Наполеон брату Жозефу.

Закончил писать и задумался. Закоренелый эгоист? Это о нем, призванном служить обществу и помогать ближнему? О нем, любившем родину со всей страстью влюбленного? О юноше-офицере, который голодал, но подписывался на все книги по истории Корсики и создал эту историю, сидя в душной каморке? В этой комнатке, которую он делил с братом Луи, учил его наукам, поскольку семейству Буонапарте не хватало денег на образование детей. Эгоист — это он, помогавший всем членам семьи, хлопотавший за них перед начальством и устроивший их на хорошие должности? Он, многократно рисковавший жизнью?

Нет, наверное, она совсем слепая, если не видит того, что он все делает ради нее. Как можно было быть такой жестокой? Он взывал к небесам, обращался ко всем друзьям и знакомым по очереди, страстно моля о том, чтобы она наконец приехала к нему в Италию. И теперь выяснилось, что она приехала туда с любовником, отдав предпочтение жалкому лейтенанту перед кумиром всей Европы! Можно ли вообще верить людям?

А эти? Молчали два года! Бертье, Бурьенн, кто еще там? Все знали, и все себе на уме. Трусцы!

Один Жюно донес. Хотя тоже непонятно почему. Что ж, и на том спасибо, друг! Но тебе досталась плохая доля — сыграть роль гонца, который принес дурную весть.

Как жить, чем спастись?

Бонапарт знал ответ на этот вопрос, но все же ему было невыносимо горько. Ничем не заслуженное унижение, глубочайшая обида, рана, которая никогда не заживет, — все это не могло не сказаться на делах каждого дня, которые не отпускали его ни на минуту.

Он хорошо понимал, что принятый им титул Великого Султана — пустой звук для египтян. Те воспринимали французов как временное стихийное бедствие. И пока у Мурад-бея и Ибрагим-бея сохранялись значительные военные силы, не могло быть покоя и стабильности.

Воды Нила начали подниматься. Луи Дезэ, авангард восточной армии, докладывал из Гизы, что затопление настолько сильное, что он не может организовать немедленное и эффективное преследование Мурад-бея.

Тогда Наполеон вернулся к идее приручения мамелюкских лидеров. Для этого он пригласил Карло Розетти, венецианского консула в Каире.

Бонапарт и Розетти сидели в беседке, расположенной в саду дворца Эльфи-бея. Пальма, разнообразные деревья и кусты, множество цветов и оранжерея украшали сад. Гостю были предложены фрукты и шербет.

— Кажется, вы здесь великолепно устроились! — заговорил Розетти, который оказался подвижным и энергичным человеком небольшого роста со смуглой кожей и тонкими чертами лица. — За несколько дней вы вполне освоили восточные обычаи. Поздравляю, вы сделали отличный выбор, дворец просто великолепен.

— Со мной приехали лучшие архитекторы Франции, — ответил Бонапарт. — Мебель мне дали европейцы, живущие в Каире. Я уже сказал Лепэру, чтобы он подумал над улучшением самого здания и его внутреннего убранства.

— Смотрите, генерал, лучшее — враг хорошего. Но предлагаю перейти к делу. Чем могу быть полезен освободителю Италии и Египта?

— У вас крупная репутация друга Мурад-бея и человека, умеющего ладить с мамелюками, — продолжал Султан Кебир. — В этом-то качестве вы мне и интересны. Хватит проливать кровь, ей достаточно окрашены воды Нила. Пора уже помириться. Где теперь Мурад-бей?

— Почти два месяца у меня не было с ним никакой связи. Вы предлагаете помириться. И каковы условия примирения? — спросил Розетти.

— Думаю, что надо предложить ему сохранение его владений, — ответил Бонапарт. — Главное для меня, чтобы он перешел под мое начало. Ломать его жизнь я не хочу.

Розетти задумался на несколько мгновений:

— Для разговора с ним надо иметь конкретный план. Зная Мурад-бея, рискну предположить, чем он мог бы поступиться. Его вотчина — Верхний Египет. Думаю, что он не прочь был бы взять под начало одну из провинций и иметь при этом хороший доход.

— Я предложу ему стать губернатором провинции Джирга, — определил Бонапарт. — А доход он будет иметь со своих владений. Или вы полагаете, что мамелюкам надо платить жалованье?

Стали обсуждать детали возможного соглашения, и Розетти вскоре вполне проникся идеями Бонапарта. На следующее утро он направился на встречу с Мурад-беем.

Бонапарту доложили, что Ибрагим-бей остановил свой бег в сторону Синая. В Бельбейсе, расположенном в тридцати милях к северо-востоку от Каира, он перехватил ежегодный караван паломников, возвращавшихся из Мекки, и присвоил верблюдов вместе с провизией.

Наполеон послал дивизию Ренье, усиленную тремястами пятьюдесятью кавалеристами, вслед Ибрагим-бею. Лошади, одна лучше другой, были взяты в Каире.

Пехота Ренье двигалась по зыбучим пескам слишком медленно, и Бонапарт потерял терпение. Он принял командование на себя и устремился вперед вместе со штабом. Он настиг Ибрагим-бея на окраинах Салихии, где тот расположился лагерем в тени пальмовых деревьев.

Довольный тем, что у него есть, наконец, кавалерия, Бонапарт бросился в атаку, однако французы получили жесткий отпор со стороны пятисот мамелюков и примерно такого же количества арабов. Завязалась стычка, в ходе которой Наполеон оказался в опасном положении.

Наконец прибыл Ренье, что решило исход дела. Бонапарт благодарил своих адъютантов за проявленное мужество. Сулковский был тяжело ранен, и Наполеон посчитал его погибшим.

— Не могу, — сказал он Бурьенну, — довольно похвалить характер, отличную храбрость и непоколебимое хладнокровие моего бедного Сулковского. Он пошел бы далеко; это был бы драгоценный человек для того, кто бы вознамерился воскресить польское государство.

Однако организовать преследование врага не удалось. Полковник Лассаль пытался прорвать арьергард противника, потерял человек тридцать убитыми и ранеными и не достиг цели. Расстроенный Бонапарт наблюдал за тем, как удаляется кавалерия, а с ней и караван Ибрагим-бея с женами и богатствами мамелюков.

Один из арабских дезертиров сообщил, что при Ибрагим-бее все еще находится паша Абу Бакр. Бонапарт немедленно продиктовал письмо Ибрагим-бею, предлагая условия мира: «Вы оттеснены на окраины Египта и теперь столкнулись с перспективой пересечения пустыни. В моем великом благородстве вы найдете добрую удачу и счастье, которое изменит обстоятельства, в которых вы теперь оказались. Сообщите мне о ваших намерениях как можно быстрее. Паша турецкого Султана с вами: пошлите его ко мне с вашим ответом. Я охотно встречу с ним как с посредником».

Ибрагим-бей не дал себя обмануть.

— Какой хитрец! — воскликнул опытный политик. — Он думает, что я пошлю к нему пашу, чтобы он взял его в заложники и использовал как козырь в своих играх!

Наполеон послал патрули для поиска рассеянно-го каравана паломников. Всех, кого удалось собрать, он направил в Каир под охраной. Это произвело благоприятное впечатление на людей.

Бонапарт провел два дня в Салихии, организуя администрацию дельты Нила. Ренье был назначен губернатором региона восточной дельты в Бельбейсе, Мюрат стал губернатором Калйуба, Виаль — в Дамьетте. Каждый из губернаторов, включая Клебера в Александрии и Мену в Розетте, должен был созвать диван из местных шейхов и улемов.

Власть Султана Кебира приобретала реальные очертания. В стране, где произвол был нормой в течение столетий, зарождалась стройная государственная система, включавшая местное самоуправление.

Тринадцатого августа Бонапарт отправился в Каир. Перед Бельбейсом он встретил курьера из Александрии. Офицеры видели, как Наполеон читал письмо. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он узнал о катастрофе — полном разгроме республиканского флота при Абукире.

Труд и печаль

Главнокомандующий должен был восстановить дух армии, которая была шокирована известием о гибели флота — единственного средства, с помощью которого можно было вернуться во Францию.

Он сказал приближенным: «Ну что ж, теперь мы вынуждены совершать великие подвиги, и мы их совершим, основать великую империю — и она будет нами основана. Моря, на которых мы не господствуем, отделяют нас от родины; но никакие моря не отделяют нас ни от Африки, ни от Азии. Нас много, у нас не будет недостатка в людях для пополнения наших рядов. Не будет у нас и недостатка в боеприпасах, их мы имеем много; а если потребуются, Шальпи и Конте изготовят новые».

Армия продолжала верить своему главнокомандующему. А Наполеон убеждал людей в том, что абукирская катастрофа не повлияла на планы экспедиции. Французы утратили контроль над морем, но их ждут великие дела на суше.

Хотя Бонапарт не был моряком и не нес прямой ответственности за потерю флота, он уже не мог считаться всепобеждающим. Во время кампании в Италии некоторые из его сражений имели неудачный исход. Но локальные неудачи забывались после громких побед. Здесь же он потерпел поражение, которое не забудется. Поражение полное и катастрофическое. Известие о нем быстро распространилось по большой территории Египта и Леванта, мгновенно передаваясь из уст в уста бедуинами и посланцами местных вождей.

Наполеон был далеко не первым, кто узнал о трагедии. Он продолжал попытки привлечь на свою сторону лидеров мусульманского мира и на-

правил послания бею Триполи, паше Дамаска и шерифу Мекки. Эти трое вождей были ответственными за организацию и проведение паломничества в Мекку, а потому Бонапарт напомнил им, как он спас паломников, подвергшихся нападению Ибрагим-бея.

«Путешествие паломников в Мекку и Медину через Египет было и будет под защитой, — писал Султан Кебир. — Мы друзья ислама и Пророка, и мы хотим делать все, что можем, чтобы доставлять вам радость и быть доброжелательными по отношению к вашей религии».

Из Триполи и Дамаска ответов не последовало, и это вызывало мучительное беспокойство Наполеона.

Между тем консул Розетти достиг штаб-квартиры Мурад-бея и был тепло встречен вождем мамелюков. После совместного обеда, во время которого говорили о прошлых делах, Мурад-бей предложил сыграть партию в шахматы. Слуги удалились, и Розетти понял, что надо начинать разговор о политике.

— Опытный игрок всегда имеет преимущество, — сказал консул. — Шахматы чем-то похожи на жизнь — здесь есть начало и конец. Жизненный опыт помогает принятию решений, а интуиция бывает выше торопливых расчетов.

— Старее я, — ответил Мурад-бей. — А вот лучше ли от этого работает голова? Не знаю, дорогой Розетти, не знаю.

— Мы сыграем, по доброй традиции, но вначале я хочу обсудить... как бы это сказать, новые возможности, — говорил Розетти.

— Возможности? Что ты понимаешь под возможностями? — насторожился Мурад-бей.

— Меня вызвал к себе главнокомандующий французской армией и любезно просил передать вам предложение сотрудничества и пост губернатора провинции Джирга, — произнес Розетти, чувствуя по движениям Мурад-бея, что разговора может не получиться.

— Любезно просил? Я не могу не уважать этого воина, армия которого проявила в бою мастерство и мужество. Но после того как английская эскадра потопила его флот, он обречен, — спокойно ответил Мурад-бей.

Прочитав послание Бонапарта, Мурад-бей составил свое.

— Говоришь, они жалованье нам платить будут? — спросил Мурад-бей с ехидной усмешкой. — Скажи главнокомандующему, чтобы он собирал свою армию и возвращался в Александрию. Я заплачу ему десять тысяч золотых монет, чтобы покрыть расходы его армии. Сделав это, он сохранит жизни своих солдат и уберезет меня от нужды воевать с ним.

Когда Бонапарт прочитал письмо Мурад-бея, он немедленно приказал Дезэ готовиться к походу в Верхний Египет, чтобы окончательно уничтожить мамелюков. В конце августа дивизия Дезэ выступила в южном направлении. Началась удивительная эпопея по сути дела, отдельная кампания по завоеванию Верхнего Египта.

Ибрагим-бей, быстро узнавший о победе Нельсона при Абукире, также отверг все предложения Бонапарта. Поначалу он соблазнился возможностью быть возведенным в сан государя с соответствующими почестями, причем Султан Кебир обещал сохранить за ним и его мамелюками право собственности на все их деревни, а также на дома, платить им жалованье за счет республики: беям — как генералам, а кишифам — как полковникам, но затем прислал отказное письмо: уничтожение эскадры изменило положение вещей; не имея более возможности получать подкрепления, будучи со всех сторон окруженными врагами, французы кончат тем, что будут побеждены.

Ибрагим-бей удалился в Левант и нашел защиту в городе-крепости Акра (или Сен-Жан-д'Акр, как его называли крестоносцы, в XII веке сделавшие его своей столицей), резиденции паши Ахмеда, или Джеззара (Мясника).

Губернатор Акра и окружающей провинции Ахмед был на отличном счету у турецкого Султана, поскольку всегда платил налоги (мири) в положенный срок и в полном объеме. Он был страшно жесток, жаден и не расположен к сотрудничеству с кем-либо, кроме своего хозяина.

Джеззар был губернатором уже двадцать пять лет. Уроженец Боснии, западной окраины Османской империи, он покинул родину в раннем возрасте, оказавшись вовлеченным в убийство.

Ахмед поступил на морскую службу, но скоро понял, что непригоден к ней. После одного из конфликтов на корабле он сбежал и затерялся на улицах Константинополя. Там он бедствовал, голодал и в конце концов оказался без гроша в кармане. Тогда он принял решение продать себя в рабы, и был доставлен в Египет, чтобы стать мамелюком.

Он служил Али-бею, и в ходе борьбы за власть, которую вел хозяин, проявлял такую жестокость к врагам, что заслужил прозвище Мясник. Эту кличку он с гордостью прибавил к своему имени.

Когда Али-бей умер и развернулась драматическая борьба за наследие Египта, в которой участвовали Мурад и Ибрагим, Джеззар покинул страну мамелюков и поступил на службу бедуинского шейха Дар-эль-Омара, эмира Сирии. Дар-эль-Омар назначил Джеззара губернатором Бейрута, за что Мясник отплатил убийством хозяина. Далее он стал мстить сторонни-

кам Дар-эль-Омара и творил страшные зверства: евреев, друзьям и грекам он резал носы, уши и ступни, выкалывал глаза, прибывал к ногам подковы.

Когда барон де Тотт посетил Левант в 1777 году, он стал свидетелем зверств Джеззара. «Он живьем замуrowал в стены нескольких православных греческих христиан, когда перестраивал стены Бейрута, чтобы защитить город от нашествия русских. До сих пор можно видеть головы этих несчастных жертв, которые Мясник выставил на обозрение, чтобы лучше было наслаждаться их мучениями».

Один англичанин, рискнувший стать гостем Джеззар-паши, вспоминал: «Джеззар был в одно и то же время своим собственным главным министром, канцлером, казначеем и секретарем, часто даже собственным поваром и садовником... В его прихожей можно встретить слуг, искалеченных всеми способами: один потерял ухо, другой лишился руки, третий остался без глаза. Мы, англичане, были представлены ему евреем, его бывшим секретарем, который заплатил за свою опрометчивость потерей уха и глаза. После возвращения из Мекки Джеззар убил собственными руками семь женщин своего гарема, которых он подозревал в неверности. Ему было шестьдесят лет, но его энергия соответствовала энергии мужчины в расцвете сил. Мы нашли его сидящим на мате в комнате без мебели; он носил одежды простого араба, а его белая борода ниспадала на грудь; на боку висел кинжал, инкрустированный бриллиантами... Мы имели долгий разговор с ним, во время которого он вырезал ножницами из бумаги всевозможные формы; это было его занятие все то время, в течение которого ему представляли иностранцев. Он показал капитану Калверхаусу пушку, вырезанную им из бумаги, говоря: “Это символ вашей профессии”. Весь его разговор состоял из аллегорий, символов и образов».

Джеззар-паша особенно ненавидел французов. Когда он услышал о приходе армии Бонапарта, он воспринял это событие как новый крестовый поход неверных против мусульман.

И именно к этому человеку обратился Наполеон, уже потерпевший несколько обидных и чувствительных поражений на политическом поле Востока. Направив генерала Дезэ против Мурад-бея, Бонапарт хотел обезопасить себя со стороны Леванта. Для этой ответственной миссии он выбрал майора Бевозена, который должен был доставить следующее письмо Джеззар-паше. «С тех пор, как я прибыл в Египет, я успокаивал людей и защищал муфтиев, имамов и мечети. Я проявил к паломникам в Мекку такую заботу и дружбу, какую они никогда не встречали, и Фестиваль Пророка только что был отпразднован с большим блеском, чем когда-либо.

Я посылаю вам это письмо с офицером, который выразит вам своими словами мое желание достичь доброго взаимопонимания между нами... поскольку мусульмане не имеют лучших друзей, чем французы».

Майор Бевозен проскакал большое расстояние вдоль моря и, наконец, увидел зубчатые стены Сен-Жан-д'Акра.

Он не был допущен к Джеззар-паше. Когда переводчик прочитал губернатору письмо Бонапарта, Джеззар-паша начал кричать в страшном гневе:

— Верните эту бумажку неверному, и пусть он убирается ко всем чертям! Если он хоть на минуту задержится в этой стране, я брошу его в огонь!

Возвращаясь той же дорогой, майор Бевозен видел страну, которая пришла в состояние возбуждения. Приход французов в Египет вызвал у мусульман Сирии состояние страха.

Бевозен привез Бонапарту не только отказ Джеззара сотрудничать, но и другую новость — Султан значительно расширил полномочия паши и назначил его губернатором Сирии. Оттоманская Порта готовилась к войне, но Бонапарт продолжал использовать все возможности дипломатии.

В донесении Директории от 19 августа он спрашивает: «Талейран в Константинополе?»

Прямой вопрос, в котором звучит нетерпение. Бонапарт по-прежнему верит своему коллеге Талейрану, который был главным сторонником идеи экспедиции.

«Я представляю, что Талейран в Константинополе», — пишет Бонапарт 30 августа.

Он видит картины: Талейран торжественно прибыл в столицу Оттоманской империи, Султан Селим, друг Франции, тепло его встречает, и все устраивается к обоюдной выгоде. Султан не любит мамелюков и их беев, а потому побежденные Мурад и Ибрагим более не играют политических ролей. Начинается новая эпоха — Египет находится под французским управлением и дружит с Оттоманской Портой, которая соглашается участвовать в общих проектах. Армия Султана Кебира усиливается за счет местных войск и обученных ополченцев и отправляется в поход, чтобы нанести Англии страшный удар. Бонапарт идет по стопам Александра Македонского и основывает великую империю, идеологию которой сам же и создаст. Он отбросит древнюю метафизическую мишуру и станет автором нового рационального учения, которое синтезирует выдержавшие испытание временем идеи существующих религий и мысли французских просветителей и революционеров. Это будет почти бескровная революция на Востоке — правители и народы признают его первенство, власть человека, ведомого судьбой.

Однако проходят дни, и они не приносят добрых вестей. Тогда он объявляет Директории, что события, которых он ждет с нетерпением, уже свершились. Он знает, что будет так!

«Я ожидаю новостей из Константинополя», — пишет он правительству 8 сентября и не ведает о том, что несколько дней назад рухнули его надежды на мир с Султаном — Селим III объявил войну Франции. Не знает того, что французский дипломат Рюффен и его коллеги арестованы и брошены в тюрьму Семибашенного замка в Константинополе. Не может знать того, что французы, находившиеся на территории Оттоманской империи — мужчины, женщины, дети, — берутся под стражу.

Большое влияние на ход событий оказал Чарльз Спенсер Смит, носивший дипломатический титул «уполномоченный министр». Он настойчиво убеждал правительство Оттоманской империи порвать с Францией и вступить в альянс с Англией и Россией — многолетним врагом Турции. Это и было сделано. Вскоре русский флот прошел через Босфор, чтобы соединиться с турецким флотом.

Не получив положительных ответов от военных и политических вождей, Бонапарт уделил большое внимание организации местного самоуправления и религиозным делам. Однако ведущие шейхи состояли в переписке с беглыми вождями мамелюков и передавали известия своим приближенным. Активное население знало о том, что Ибрагим-бей находится в Сирии у Джебззар-паши, а Мурад-бей все еще располагает значительными силами.

И Бонапарт в Каире, и Клебер в Александрии, и другие генерал-губернаторы почувствовали нежелание шейхов участвовать в управлении, поскольку местные лидеры боялись возвращения мамелюков и не хотели себя компрометировать. Они вели двойную игру, о чем Бонапарт писал Клеберу из столицы: «Привлекая на свою сторону ведущих шейхов Каира, можно получить поддержку всего народа Египта и любых вождей, которых эти люди могут иметь. Никто так не опасен для нас, как шейхи, которые напуганы, не знают, как бороться, и, как все священники, разжигают фанатизм, сами фанатиками не являясь».

В другой раз он пишет: «Мы должны временно успокоить этот фанатизм, до того как сможем искоренить его».

Рана Клебера постепенно заживала. Он вернулся к активной деятельности и встал в оппозицию Бонапарту.

Новый правитель Египта должен был платить жалованье солдатам. Месячная сумма выплат оценивалась в миллион франков. Пытаясь изыскать эти средства всеми возможными методами, Бонапарт послал срочную записку Клеберу. Он приказал за-

Мурад-бей. Из книги «Описания Египта». Гравюра Николая Понса по рисунку Андре Дютертра

брать золото в обмен на векселя — способ изъятия наличности, широко применявшийся французами. Клебер изымал золото, которое переправлялось в Каир и шло на изготовление монет.

Кроме фискальных дел, Клеберу пришлось выполнять столь же несвойственные ему функции поддержания порядка в среде французских моряков. Он был недоволен. Его заставляли выполнять полицейские функции, заниматься тем, что противно натуре воина.

Еще большее раздражение генерала вызвал приказ Бонапарта организовать празднование Дня рождения Пророка. Главнокомандующий провел фестиваль в Каире, Клебер — в Александрии, а Мену — в Розетте.

Клебер, по описанию одного офицера, был «мрачным и расстроенным и лишь нехотя принимал участие в этом религиозном фарсе».

На званом обеде вместе с членами местного дивана он был заметно разочарован тем фактом, что предложенный рис был окрашен в цвета французского флага — красный, белый и синий.

Позднее, когда местные сановники в свою очередь были приняты в штаб-квартире, Клебер позаботился о том, чтобы он и его офицеры сидели за отдельным столом, где им подавали вино.

Для сравнения, Мену проявил гораздо больше усердия. Главная улица Розетты превратилась в большой зал приемов, украшенный шатрами, коврами и фонарями, где танцоры и музыканты развлекали гостей до самого рассвета.

Бонапарт считал, что фестиваль в Каире имел успех. Отчет о событии был напечатан в первом номере институтского издания *La Courier*.

Главнокомандующий писал Клеберу в Александрию: «Вы найдете в приложении к этому письму первый выпуск *La Courier*, который только что напечатан в Каире. Если у вас все еще есть печатная машина с арабским алфавитом в рабочем состоянии, напечатайте статью о Фестивале Пророка на арабском языке и распространите по Леванту. Пошлите мне четыреста экземпляров».

Клебер был не в восторге от прочитанного в *La Courier*, что видно из его письма Бертье: «Уровень редактирования вашего журнала в Каире недостаточно высок для того, чтобы надеяться на привлечение большого количества подписчиков. По меньшей мере, вы должны быть уверены в том, что он составляется на правильном французском».

Примерно в это же время Бонапарт приказал Клеберу направить в Каир в сопровождении вооруженной охраны тех членов экспедиции, которые не нашли работу в Александрии. В их число, помимо ученых и гражданских администраторов, вошли предприимчивые люди, проникшие на суда перед самым отплытием из Европы.

Клебер обрадовался возможности избавиться «от этих бесчисленных подонков, которые последовали за нашими армиями, как акулы за кораблями, и не хватает слов, чтобы их описать».

Здесь же оказались освобожденные на Мальте рабы разных национальностей, решившие не возвращаться в родные страны, от жителей Марокко до армян, а также группа уволенных воздухоплателей.

Прибыв в Каир, упомянутые люди весьма оживили столичную жизнь. Наиболее предприимчивые открыли кафе, рестораны, ателье, изготавливали и продавали мебель, кожу, обувь и седла. Освобожденные на Мальте рабы открывали кафе и бары. Благодаря иноземным предпринимателям египтяне узнали новую форму отношений покупателей и продавцов — фиксированные цены, без торга.

Клеберу не нравилась роль полицейского, но ему пришлось им быть — он обнаружил доказательство неверности Эль-Кораима. Последний написал Мурад-бею, прося его прибыть в Александрию. В этом случае он обещал сдать город мамелюкам. Клебер перехватил письмо, направил его Бонапарту, а самого Эль-Кораима арестовал и поместил на борт военного корабля, стоявшего в городской гавани.

Следом Эль-Кораим был препровожден под охраной в Каир. Его обвинили в измене и приговорили к смертной казни.

По обычаю, ему предложили откупиться. При этом была названа сумма, равная тремстам тысячам франков. Секретарь Бонапарта Бурьенн имел беседу с Эль-Кораимом, которая велась через переводчика. Он сказал бывшему александрийскому коменданту:

— Вы богаты, сделайте пожертвование.

Эль-Кораим усмехнулся и ответил:

— Если я должен сейчас умереть, ничто не может предотвратить этого, и я отдам мои деньги без пользы. Если я не должен умереть, зачем их давать?

Как понимать ответ Эль-Кораима? Что это — гордость? Презрение к врагу? Наконец, презрение к смерти?

В данном случае важно не то, как понял бы этот ответ чужестранец, а то, какой смысл вкладывал в свои слова сам Эль-Кораим. Образ мышления, принятый на Востоке, предполагает следующую трактовку: Эль-Кораим считал предложенный Бонапартом размер выкупа первым шагом в обязательном процессе торга. И раз арестованный отказался платить, то Наполеон должен уменьшить сумму. В Египте существовало понятие *faradin* — способ урегулирования конфликта, при котором обе стороны сохраняют лицо. Таким образом, Эль-Кораим шел по известному ему пути. Можно сказать, единственному пути.

Бурьенн и Бонапарт не знали, что такое *faradin*, и 6 сентября 1798 года Эль-Кораим был расстрелян в Каирской цитадели. Его отрубленную голову пронесли по улицам города вместе с надписью: «Эль-Кораим, шериф Александрии, приговорен к смерти за то, что нарушил клятву верности, данную Французской Республике, и за то, что продолжал связи с мамелюками, которым он служил как шпион. Таким образом будут наказаны все предатели и клятвопреступники».

Египтяне осуждали эту казнь. Она явно накалила общественную атмосферу.

Клебер изнывал на своем посту коменданта. Он вновь и вновь писал Бонапарту: «Я не перестану, гражданин генерал, просить вас дать мне приказ на воссоединение с моей дивизией. Я ничего не знаю об администрировании».

В самом деле, Бонапарт часто критиковал Клебера за его действия, в особенности в области финансов: «Я не одобряю, гражданин генерал, те меры, которые вы приняли, чтобы утаить 15 000 ливров, предназначенных мной для [адмирала] Гантома...», «Администрация Александрии стоит вдвое дороже, чем управление остальной армией», «Все меры,

принятые мною для флота, были сведены на нет тем, что вы направили деньги на другие нужды...»

Наполеон выделил средства для 3000 французских моряков, попавших в английский плен во время битвы при Абукире и отпущенных на свободу под честное слово — клятвенное обязательство не поднимать оружия против англичан. Они стали источником беспорядка в городе, начали дезертировать. Тогда Наполеон сформировал из них «военно-морскую бригаду», которая была направлена в крепость на мысе Абукир. Там они должны были ждать того момента, когда для них найдутся корабли.

По меньшей мере трое из этих людей были задержаны как члены экипажа корвета, пытавшегося прорваться сквозь английскую блокаду. Их личности были установлены. Действуя по законам войны, коммодор Худ приговорил их к расстрелу.

Когда Клебер стал подвергаться сомнению некоторые из приказов Бонапарта, он получил строгий выговор от главнокомандующего. «Будьте добры, не подвергайте сомнению распоряжения, которые я делаю. Они основаны на факторах, которые вы не можете знать, поскольку вы находитесь не в центре событий».

Клебер написал в своей книжке: «Никогда не имеет четкого плана. Все определяется настроением и порывами. Делает дела исходя из сиюминутных потребностей. Он заявляет, что верит в судьбу». «Любим ли он? Как он может существовать? Он не любит никого. Но думает, что может компенсировать это, продвигая по службе и делая подарки». Но здесь же добавил: «Всегда бесстрашный... исключительный человек».

Клебер, как и некоторые видные члены экспедиции (Бертье, Мену, Дюма), переживал тяжелый кризис. Он был чужд политике, но видел, как Бонапарт из генерала и главнокомандующего превращался в правителя с чертами будущего императора. Клебер не в силах был этого выносить. Он подал в отставку. Недавно он рвался в бой, теперь же не желает играть никакой роли: «Мое здоровье более не позволяет мне, с этого момента, оставаться при делах». Генерал просит Бонапарта разрешить ему вернуться во Францию.

Наполеон не хочет терять одного из способнейших военачальников и пускает в ход весь свой авторитет, все свое обаяние с тем, чтобы удержать Клебера в рядах восточной армии. «Я крайне недоволен вашим нездоровьем, я надеюсь, что воздух Нила будет хорош для вас и, оставив позади пески Александрии, вы, возможно, найдете, что Египет не так плох, как вы представляли это в начале... Поверьте, я хочу видеть, что вы быстро восстановились, я высоко ценю ваше уважение и дружбу. Я знаю, что

Жан Батист Клебер. С картины Антуана Жана Жозефа Ансио

между нами были небольшие разногласия, но вы будете несправедливы, если усомнитесь в том, что они причиняли мне боль. Чувство уважения, которое я испытываю к вам, по меньшей мере равно тому чувству, которое вы иногда проявляли ко мне. Я приветствую вас и люблю вас».

Необычное письмо. Главнокомандующий заканчивает его не привычной подписью «Бонапарт», а именно так: «Я приветствую вас и люблю вас».

Когда Клебер приблизился к Каиру, он и все, кто его сопровождал, услышали звуки выстрелов. Более того, они увидели белый дым гаубиц, установленных в цитадели. Орудия стреляли по столичным зданиям и в направлении мечети Аль-Азхар, центра мусульманского богословия.

У городских ворот не было стражи. По улицам Каира бегали люди и строили баррикады.

Рано утром 21 октября Бонапарт, члены его штаба и генерал Каффарелли выехали инспектировать фортификационные сооружения, которые возводились на острове Рода. В десять часов гонец привез неожиданные и шокирующие известия: начался бунт, комендант Каира генерал Дюпой убит.

— Я не могу поверить в то, что Дюпой дал себя зарезать каким-то голодранцем! — воскликнул Бонапарт. — Как это случилось?

— Эти негодяи уже имели припрятанное оружие и только ждали сигнала, чтобы его применить, — ответил юный офицер. — Дюною устремился к месту сборища вместе с пятью кавалеристами. Вдруг какой-то янычар выскочил из-за угла и нанес удар пикой. Генерал упал с лошади, его подхватили, понесли в направлении старого французского квартала, но он скончался по дороге.

— Немедленно в город! — скомандовал Бонапарт и галопом поскакал к городским воротам.

Здесь его ждал новый сюрприз — ворота оказались запертыми, а на французов обрушился град камней.

— К Булакским воротам! — мгновенно решил главнокомандующий.

Они въехали в город и быстро достигли штаб-квартиры на площади Эзбекия. К тому времени город был охвачен бунтом. Мусульманские фанатики ворвались в христианский квартал, где они грабили дома и насиловали женщин. Затем они атаковали конвой с ранеными, возвращавшийся из Бельбейса, и убили беззащитных солдат.

Дом Каффарелли был полностью разграблен, а находившиеся там ценные научные приборы подверглись варварскому уничтожению. Три инженера, четверо ученых и все слуги, которые удерживали оборону внутри дома, в конце концов были растерзаны толпой.

Фанатики были воодушевлены фирманом — обращением Султана, зачитанным в мечетях, а также слухами о том, что Джеззар-паша идет на Каир во главе большой армии и уже достиг Бельбейса.

— Немедленно установить связь между штаб-квартирой и опорными пунктами — цитаделью (там у нас достаточно артиллерии), площадью Биркет-эль-Фил, где сконцентрировано большинство наших войск, — командовал Бонапарт. — Здесь, у штаб-квартиры, у нас пятнадцать орудий. Доммартен, передвиньте гаубицы и мортиры на высоты Мокаттам!

Пока выполнялись приказы, день подошел к концу. Обе стороны готовились к бою. Повстанцы перекрыли баррикадами все подходы к мечети Аль-Азхар. Ее внутренний двор заполнился сотнями вооруженных людей.

Генерал Бон, назначенный комендантом Каира и укрепившийся в цитадели, готовился овладеть мечетью. Бонапарт дал приказ: «Уничтожьте всех, кто находится в мечети». Его инструкции Бону гласили: «В течение ночи разрушите мечеть, снеся несколько опор, если это возможно».

Наполеон готов был действовать с той же решительностью, с какой он подавил восстание парижских секций в октябре 1795 года. В то же время он

понимал, что не должен становиться врагом египтян. Поэтому он послал письмо шейхам и улемам мечети Аль-Азхар, предлагая им сдаться во избежание большого кровопролития. В этом случае он обещал проявить милосердие.

Ученые оказались запертыми во дворце Касим-бея, резиденции Института. Дворец находился в двух милях от площади Эзбекия, где располагалась штаб-квартира главнокомандующего. Военные забили об ученых, и тем пришлось полагаться на свои силы.

Двадцать первого октября у стен дворца начала собираться толпа. Ситуация становилась опасной, тем более что ученые не были вооружены.

Два инженера оседлали лошадей и помчались в направлении площади Эзбекия. К вечеру явились гренадеры, которые принесли сорок ружей. Их распределили среди ученых, многие из которых никогда не держали в руках оружия. Утром гренадеры получили новый приказ и покинули дворец.

Бонапарт, не получив никакого ответа на свои предложения, начал бомбардировку мечети Аль-Азхар, в которой засели повстанцы.

Артиллерийский обстрел был настолько ужасен, что многие жители Каира просто оглохли. Они покинули дома и улицы и попрятались в норах. Пушки стреляли по домам, дворцам, магазинам, тавернам, производя страшные разрушения.

Шейхи попросили о помиловании, и Бонапарт приказал прекратить огонь. Он сказал победленным:

— Вы отказались, когда я предлагал вам помилование. Теперь настало время мести. Вы должны были сдаться раньше, когда имели шанс. Что начали вы, закончу я!

Было далеко за полдень, когда наступил следующий акт драмы. Три колонны пехоты под командованием генерала Бона атаковали мечеть. Бонапарт приказал Бону: «Те дома на улице, из которых в вас бросают камни, должны быть полностью сожжены, в то время как другие должны быть помилованы».

Бона поддержал отряд из трехсот кавалеристов, которыми командовал генерал Дюма. Они прорвались во внутренний двор мечети, где почти не встретили сопротивления.

Группы вооруженных лиц бежали из центра города и вскоре появились перед дворцом Касим-бея. Они готовились к захвату здания Института.

Многие ученые высказывались за эвакуацию, пока она была возможной. Президент Института Монж и неразлучный с ним Бертолле проявили стойкость и мужество. Первый заявил, что нельзя бросать ценные инструменты.

Генерал Александр Дюма

— Черт побери, французы вы или нет? — воскликнул Монж.

Во дворце были также лаборатории, библиотека, драгоценные коллекции ранее неизвестных растений. Монж взял ружье и приготовился занять опасный пост.

— Приглашаю тех, кто не прочь вести со мной стимулирующую интеллектуальную беседу и тем самым развеять скуку! — заявил он.

В другом здании комплекса Института находились Денон, геолог Доломье, биолог Жоффруа Сент-Илер. Они также защищались в характерной для интеллектуалов манере.

«Мы получили ружья, назначили командиров, но каждый из нас имел собственный план и не видел смысла в том, чтобы подчиняться кому-то другому», — говорит Денон.

Ученые беспорядочно, наугад стреляли по толпе. Штурм вот-вот должен был начаться. Бунтовщики слышали звуки французской канонады, и вдруг им показалось, что раздался гром с небес. Они поддались панике и разбежались. Затем они стали вновь собираться, но подоспевшие солдаты разогнали толпу. К ночи 22 октября мятеж был подавлен.

Денон отмечает, что хотя представители низших классов египетского общества «фанатичны и жестоки», люди средних классов «гуманны и добры, несмотря на их привычки, религию и язык, которые делают нас чужестранцами по отношению к другим».

Мусульмане давали приют французам, чтобы не позволить толпе растерзать их. Среди них была пожилая дама, предложившая Денону и ряду ученых убежище в гареме.

Клеберу не пришлось участвовать в подавлении мятежа, но он стал свидетелем того, как Бонапарт принял одного из вождей восстания. Увидев, как шейх Сада, еще недавно председатель дивана мя-

тежников, целовал руку Бонапарту, Клебер спросил главнокомандующего:

— Кто этот старик с таким смущенным видом, на лице которого написано такое сильное волнение?

— Это вождь восстания, — ответил Наполеон.

— Как?! И вы не прикажете его расстрелять? — воскликнул пораженный Клебер.

— Нет, — ответил Наполеон, — этот народ слишком чужд нам и нашим обычаям; я предпочитаю, чтоб у него были вожди вроде этого, который не может ни сесть на коня, ни действовать саблей, чем видеть во главе его таких людей, как Мурад-бей и Осман-бей. Смерть этого бессильного старца не принесет никакой пользы и будет иметь для нас более губительные последствия, чем вы предполагаете.

Мечеть Аль-Азхар пострадала немного, поскольку Бон не выполнил в точности приказы Бонапарта, но была осквернена. Солдаты взяли священные книги, но затем Наполеон вернул их в храм.

Бонапарт помиловал шейхов и имамов, что было важным публичным жестом, но в тот же день приказал казнить многих мятежников. Бертье получил такую записку: «Пожалуйста, гражданин генерал, дайте приказ губернатору отрезать головы тем арестованным, которые были взяты с оружием в руках... Принесите их ночью на берег Нила и бросьте их обезглавленные тела в реку».

Он уделил особое внимание поиску зачинщиков и подстрекателей к мятежу: тех, кто направлял фанатиков-студентов возбуждать толпу, тех, кто приносил мятежные речи, тех, кто вдохновлял бунтовщиков продолжать сопротивление.

Бонапарт узнал, что некоторые шейхи находятся во дворце шейха Эль-Бекри, и среди них — главные лидеры. Он приказал переместить их в цитадель, провести расследование и казнить виновных. Шесть лидеров восстания были обезглавлены в начале ноября.

Бартеlemi разоружал жителей Каира. Он ходил по городу со своими людьми и производил аресты, часто по доносам. Он налагал большие штрафы на горожан, отнимал деньги, связывал людей и отправлял их в тюрьму. Там он пытал их, чтобы добиться признаний, отыскать тайники со спрятанным оружием и добром. Он перерезал глотки и бросал тела в реку.

Бонапарт назвал фирман турецкого Султана, объявлявший войну французам, фальшивым документом, выпущенным Джеззар-пашой. Он до сих пор не мог поверить в то, что Султан объявил ему войну.

Подавив мятеж, Бонапарт решил изменить облик Каира. Программа модернизации, согласованная с

генералом Каффарелли и его инженерами, включая строительство широких бульваров и понтонного моста через Нил.

Бонапарт требовал от Клебера, чтобы тот участвовал в важнейших встречах и инспекциях. В то же время Наполеон дал возможность подчиненному немного отдохнуть и расслабиться: посетить пирамиды, поучаствовать в деятельности Института.

Однако Клебер был холоден и даже апатичен. Он видел Бонапарта за работой, и это лишь увеличивало его неприязнь: «Неспособен к организации и администрированию чего бы то ни было; но поскольку он хочет делать все, он организует и администрирует. Поэтому везде хаос и потери. Отсюда наша нужда во всем и бедность посреди изобилия».

Далее он снова взялся анализировать личные качества Бонапарта: «Злой ли он? Нет, но это потому, что пороки порождаются глупостью, а он не глуп».

Клебера особенно раздражали претензии Наполеона на историческое величие. Он отметил в своих записях одну из реплик Бонапарта: «Что касается меня, то я играю с историей...»

Отправляясь в короткую экспедицию по следам древнего канала, который должен был соединять Красное и Средиземное моря, Наполеон доверил управление Клеберу — впрочем, всего на несколько дней.

В конце декабря главнокомандующий выехал из Каира вместе с академиками Монжем и Бертолле, инженером Лепэром, генералами Бертье, Каффарелли и другими. Группу сопровождали двести конников и четыреста дромадеров (одногорбых верблюдов).

Наполеон не взял с собой ни тентов, ни матрасов. Зато он решил взять старомодную коляску, которой, впрочем, не пользовался. Из еды были только жареные цыплята, завернутые в бумагу. Солдаты несли хлеб на концах штыков и фляжки с водой на своих шеях.

Бонапарт изучал возможности построения нового канала. Он интересовался этой проблемой еще в школьные годы: в его ученической тетради нашли цитаты из трудов Диодора Сицилийского о древнем канале, который строил египетский фараон Нехо II, а завершил персидский царь Дарий. Он также прочитал об этом в книге Вольнея.

Однако именно *завершенность* вызывает сомнения. Канал соединял два моря не напрямую. Корабли проходили его за четыре дня. Предположительно, «канал Дария» был вырыт восточнее Нила и, как и сегодняшний, построенный в девятнадцатом веке, пересекал озеро. При римлянах он был усовершенствован, но потом обмелел.

Бонапарт скакал без устали, а Монж, не будучи хорошим наездником, попросил о том, чтобы ему разрешили часть пути ехать в коляске.

К группе военных и исследователей присоединились купцы, направлявшиеся в Суэц по делам. Зимнее солнце не было жарким, а арабы-проводники легко ориентировались на местности, не ища следов. Прибыв ночью в Суэц, которого путники достигли за три дня, Бонапарт разместился в палатке, отказавшись от предложенного дома.

Он потратил день на осмотр города, где нашел «прекрасный базар, несколько красивых мечетей, остатки красивых набережных, около тридцати магазинов и дома для населения в 2000–3000 душ», и отдал приказы о сооружении батареи для защиты фарватера и порта.

Затем Бонапарт сел на коня, чтобы посетить «Моисеевы источники» (ключи, бывшие из холмиков), и пробыл в пустыне до поздней ночи. Он видел остатки венецианских складов, следы былого величия.

В девять часов вечера егеря вдруг стали кричать, что они погружаются в воду, — начался прилив! К тому же группа сбилась с пути.

В десять часов «эскадрон стоял в боевом порядке посреди впадины — лошади по брюхо в воде; ночь была темной, луна должна была взойти только в полночь, на море замечалось легкое волнение, и ветер как будто свежел, продолжался прилив, идти вперед было столь же опасно, как и отходить назад».

— Неужели мы пришли сюда, чтобы погибнуть, как фараон? — воскликнул Бонапарт.

Он имел в виду фараона, который, согласно Библии, преследовал израильтян, но был унесен водами вместе со своей армией.

К счастью, солдаты нашли выход: отличились квартирмейстер Луи и бригадир Карбонель. Пережив тяготы и тревоги, путешественники через несколько часов достигли суши, будучи по пояс в воде. Они уже не видели друг друга в темноте и громко перекликались.

В самый опасный момент Каффарелли, замедлявший движение из-за деревянной ноги, умолял бросить его. Но двое унтер-офицеров, прекрасных пловцов, взявшихся спасти генерала, продолжали тащить его.

Бонапарт, посчитавший, что Каффарелли в надежных руках, двигался в направлении суши. Оказавшись под ветром, он услышал позади себя крики горячо споривших между собой людей. Он предположил, что унтер-офицеры бросили Каффарелли. Но все было иначе — это генерал приказывал унтер-офицерам оставить его.

— Я не хочу, — говорил Каффарелли, — стать причиной гибели двух смельчаков; невероятно, чтобы

мне удалось спастись, вы находитесь позади всех, раз уж я должен умереть, то пусть я умру один!

Появился Бонапарт и прекратил эту ссору:

— Друзья, мы уже почти выбрались!

«Каффарелли отделался тем, что потерял свою деревянную ногу, — заметил Наполеон, — но это и так случалось с ним каждую неделю. Потери были невелики и ограничились несколькими карабинами и плащами».

Затем монахи горы Синай показали Бонапарту книгу с надписями, сделанными великими мусульманскими вождями Мухаммедом, Саладином и Селимом. Султан Кебир рекомендовал этот монастырь отрядам своих армий — ведь так же поступали воины ислама (надпись служила охранной грамотой).

Тридцатого декабря Бонапарт покинул Суэц верхом на лошади и в сопровождении академиков, генералов и офицеров поехал по берегу Красного моря. Наполеон объехал впадину, а затем достиг трассы древнего канала. Его следы были хорошо заметны.

Сгустились сумерки, и члены экспедиции рисковали быть захваченными бедуинами. Назначив место общего сбора, Наполеон пустил коня галопом и первым достиг лагеря. С ним были лишь четверо всадников, все остальные отстали.

Чтобы члены экспедиции не потерялись в пустыне, были зажжены огни на холме и на минарете мечети, расположенной в маленьком форте Аджеруд, построенном на небольшом возвышении. Через каждые четверть часа стреляла пушка. К одиннадцати часам вечера все собрались вместе. Никто не потерялся, хотя многие смертельно устали.

Под руководством Жака-Мари Лепэра скоро были начаты подготовительные работы по обследованию и выравниванию уровней грунта на Суэцком перешейке для соединения двух морей.

Из-за неточностей измерения Лепэр определил различие уровней двух морей почти в десять метров,

что оказалось неверным. Канал должен был начинаться севернее Суэца и двигаться по прямой линии, пересечь озеро Тимсах и Горькие озера и выйти к Средиземному морю. Проект предусматривал возведение многочисленных шлюзов. Лепэр рекомендовал строительство второго канала стоимостью в тридцать миллионов франков (для этого понадобились бы десять тысяч рабочих и четыре года).

Заключения Лепэра были самым авторитетным мнением по данному вопросу в течение пятидесяти лет. И все наброски, чертежи и зарисовки, сделанные учеными под его руководством, полвека спустя будут в целом подтверждены работами Фердинанда Лессепа, строителя Суэцкого канала.

Бонапарт продолжал свой путь. Наступил новый 1799 год.

Члены экспедиции ночевали в оазисе, среди рощи. Было холодно, выли шакалы. Их голоса, как заметил Наполеон, напоминали человеческие.

Солдаты поймали вражеского курьера, ехавшего верхом на верблюде. Он вез в Верхний Египет депеши от Ибрагим-бея и Джеззар-паши.

Бонапарт прочел сообщения. На сирийской границе началась война. Войско Джеззар-паши двинулось в Египет, его авангард занял оазис Эль-Ариш и укреплял форт. Мирная передышка закончилась.

Бонапарт вернулся в Каир, посмотрел вблизи и замерил великие пирамиды. Он провел в этом районе несколько дней и совершил поездки по пустыне в направлении Малого оазиса.

Члены экспедиции спустились в подземелья пирамид и предлагали Наполеону последовать их примеру.

— Вы предлагаете мне встать на колени и ползти на четвереньках? — спросил Бонапарт. — Я никогда в жизни не сделаю этого.

Продолжение следует.

*Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г.,
№ 1–12 за 2010 г., № 1–6, 7–8 за 2011 г.*

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

Искушение творчеством

В сущности, я взял заказную работу, сам же ее и выдумав. Вот, уговаривал я себя, докажи, что ты профессионал. Насчет этого понятия в моей голове давно уже шли дебаты. Профессионализм признавался только как владение мастерством и знак качества, а не как способность зарабатывать пером — это называлось иначе: халтура. Обязательное ежеутреннее отсиживание у письменного стола и в особенности идеологические заказы, как, например, тот, что делал мне хороший человек В. С. Бахтин к 70-летию Ленина, отвергались вежливо, но твердо. К презренному профессионализму относилась и гонка строк, характерная для слишком, слишком многих...

Но это же не заказ, говорил я себе, а лишь совместная работа. Однако она должна быть классной и стильной, никак не ниже того, что делает Шемякин. А не зачерпнуть ли каплю бродильного сула, из которого берет сам художник? Это — идея... И непрозрачное «мутнышко» было заронено в молитвенное сознание святого подвижника — чуточка, самая малость грязи, без которой, оказывается, нет ни творчества, ни жизни как таковой...

И — пошло! Альбом из «Публички» оказался бесценным подспорьем — ну просто кладезем вдохновений. Зверям, даже существующим в природе, а не только мифологическим, были там приписаны такие яркие небылицы, что они уже представляли

собой не абсурд или нелепицу от незнания, а чистое искусство... Сюр! Это были символы, но с потерянными звеньями смысла, отчего они становились алогичны и убедительны, как вера в волшебство, в чудо, то есть сами являлись поэзией. Пантера, например, необоримо притягивала жертвы... ароматом своего дыхания! Слон, прежде чем обрухатить слонику, вонзал в землю бивни, откапывал и жрал корень мандрагоры! А таинственный единорог оказывался то невинной жертвой вероломных рыцарей, то соблазнителем, похотливым на девственниц, как сюзерен.

Я намеренно впустил в свое сознание эту безуминку, считая ее высшей, хотя и неверной опорой для художественного уменья, — примерно тем же, чем является канат у акробата. И что ж? Мой жонглер изобразил, рискованно покачиваясь, целый ряд странных образов, рыб, насекомых, диковинных птиц и совсем уже вычурных гибридов, порожденных пастушеской фантазией древних греков.

Неплохо, даже весьма аппетитно было описано пожирание — с помощью бамбуковых палочек — мозга живой обезьяны, сдобренного соевым соусом!

Но надо ступить и дальше: собственное тело подвижника обернулось ему зверем — хотя и частью его «я», но частью изменной, обуюнной «мясом» и всеми его страстями...

И этого мало? Вот еще чудище — метафизический зверь, существующий лишь в сознании, — но, вылезая из него, нападает сзади — сначала мучая страхом, а потом разгрызая породившего его аскета от затылка до крестца...

Может быть, достаточно? Нет и нет, и поделом святому грешнику — ведь недаром атрибутом св. Антония считается свинья! Тут уж я припомнил все: и оскверненную солдатами хрюшку, и мариупольского кабанчика, которого при мне разделявали, предварительно опалив щетину паяльной лампой, и шемякинские зарисовки из «Чрева Парижа», и первоначальную мясную тушу в его ленинградской мастерской...

Теперь, я подумал, этого хватит и для меня, и для бедняги-отшельника с таким взбесившимся зверинцем в голове... Но ведь он-то святой и потому обязан побороть все наваждения! И я стал писать заключительную главу — «Заключение зверей». Пока сочинялась, она впечатлила меня самого. В ней св. Антоний прикрикнул на бесовские кривляния, и те присмирели. Экзорцизм и молитва, образы райских невинных игр и элементы магического заговора утвердили его победу. Глава замкнула всю книгу и поставила точку.

Небо — ключ.

Земля — замок. Се слово крепко.

И я отправил рукопись Шемякину с таким сопроводением:

Дорогой Миша!

Я все время помню о Вас и о нашем уговоре, но Вы обо мне, вероятно, уже забыли: политика, многочисленные интервью, не говоря уж о графике, живописи и ваянии. Я порывался несколько раз Вам звонить, но увы...

Тем временем я подошел к концу крупной вещи в стихах — возможно, книги или по крайней мере поэмы, которую я задумал и обещал выполнить специально для Вас. По существу, это — галерея зверей, наподобие средневекового bestiaria, в которой существа и чудовища предстают фантастическими и мифологическими свойствами, скорей чем натуральными.

Но в то же время это и собрание зверских образов, искушавших и устрашавших когда-то св. Антония, чье прельщение он победоносно отверг и одолел (а иначе не был бы святым!).

Именно комбинация двух известных европейских сюжетов (мифов, легенд?) является моей сугубой новинкой, остальное все лишь стихотворный текст, которому Вы — судия в том смысле, что в нем предполагаются поля или даже целые листы для Ваших творческих росчерков... Возможно, я туда добавлю

еще несколько страниц, но это уже детали, и книга сейчас видна вся.

Поэтому я тороплюсь послать ее на Ваш просвещенный отзыв, дабы добрым намерениям соответствовали и дела.

Искренне Ваш Дмитрий Бобышев.

Был ли немедленный ответ, я не помню... Недели, а по ожидальному времени так и — века! — протекли, прежде чем я не выдержал и позвонил Михаилу. Оказалось, что он вовсю работает над иллюстрациями и уже отыскал подходящую типографию в Турине.

— Только в Италии умеют хорошо печатать! — поделился он со мной доверительно. — Раскрасить рисунки я не успеваю, потому что тороплюсь — хочу привезти книгу в Москву, на открытие моей персональной выставки в «Третьяковке».

Я глубоко вдохнул воздух, почуяв ветер везения, раздувавший мне ноздри. Нет, присоседиться к его славе я бы не смог, к тому же шел семестр, но вот ведь что главное: наконец-то — книга! Книга выйдет вот-вот, и она будет в Москве.

Слова и линии

Наконец, почта доставила мне два картонных короба, в каждом из которых находилось по двадцать пять экземпляров книги. Туринские печатники расстарались: в формате *in folio* и на великолепной бумаге красовались, чередовались и состязались в свирепстве текст и графика, графика и текст. Черно-белые, но при этом яркие, дикие и вычурные, как и стихи, — такими на свой лад были и иллюстрации. Совпадение казалось полным, даже излишним. Хотелось иногда отодвинуть рисунок от описания, а может быть, и смягчить резкие выпуклости образов, да куда там! Художник их-то и выпячивал. Ну что ж, зато получилось редкое единство, в котором и графика, и стихи стали взаимными иллюстрациями. Свиная туша особо отличилась такой слитностью слов и изображения — признаться, я и писал ее «под Шемякина», за что справедливый укор передали мне по воздуху от Пудовкиной Лenoчки. *Mea culpa!*

Рисунки были насыщены деталями и цитатами из текста, но чувствовалось, что при постоянстве почерка художник искал от листа к листу какой-то вернейший и единственный подход, и он его нашел в странной симметрической эмблематике алхимиков и масонов ближе к концу книги.

Форзац первого экземпляра был украшен уже знакомым автографом с размашисто-причудливым росчерком: «Дорогому Дмитрию Бобышеву от Ми-

хаила *Chemiakin 1989 Torino*. Слово гусара, слово белогвардейца — Се Слово Крепко. М. Ch. 89. NY».

Ура, господа, с победой! Посмотрим теперь, как отзовется мир. Он и отозвался весьма положительно, поскольку приобретал бесплатно дорогую вещь. Университетские коллеги-поэты (никто, конечно, ни бум-бум по-русски) дивились моей неосмотрительной щедрости, поскольку здешние авторы обычно продают, а не дарят свои книги. Российские академики-палеонтологи, приглашенные Ольгой на краткий симпозиум, получили по экземпляру из ее рук, но с моими автографами.

Оставшиеся экземпляры я сдал в книжный магазин, и что ж? Они были распроданы!

Но львиная доля тиража оставалась, естественно, у издателя и автора иллюстраций — 1000 по его словам и 1800 по документам. Вот что он рассказал мне о дальнейшей судьбе книги по телефону (прямую речь использую здесь как условный прием):

— ...Большую часть тиража я взял в Москву на открытие моей выставки в новых залах «Третьяковки».

— Это здорово! А кстати, какой тираж — в книге-то он не указан?..

— Около тысячи... Так вот, с двумя здоровенными пачками я вхожу в вестибюль, и ко мне сразу же бросается телевидение. Я пачки поставил на пол и пока давал одно интервью, другое, то-сё, гляжу — а книг-то уже нет. Растащили прямо из-под ног...

— Что ж, Миша, это — самый большой успех, какой только может быть!

— Да, сорок тысяч долларов псу под хвост...

— Ну я-то из них ничего бы не получил, — подумал я, может быть, вслух... И добавил гипотетически, хотя и с оттенком делового предложения: — А хорошо бы издать эту книгу по-английски. У меня уже есть переводчик, местный поэт. Университет, в чем я не сомневаюсь, поможет и поддержит. А вы успели бы тем временем раскрасить рисунки.

Кто бы мог подумать, что мой благодетель вдруг на это обидится и направит мне негодующее послание?

10.06.89

Любезный Дмитрий!

После нашего, довольно для меня неприятного разговора, я решил написать Вам это письмо, чтобы раз и навсегда поставить точки над — и.

Я не совсем понимаю, как Вы оцениваете труд художника, но могу Вас уверить только в одном, что выполнить восемнадцать сложнейших иллюстраций в столь рекордный срок, дабы сдержать свое слово, это — задача довольно непосильная для многих и многих художников. Я занимаюсь издательской дея-

Иллюстрации Шемякина. Тексты Бобышева и Бродского

тельностью, но, как Вам, наверное, известно, издаю не только поэзию, но и журналы и альманахи по изобразительному искусству, издание которых стоит довольно дорого, не говоря о том, что это отнимает массу энергии и времени. Кроме этого, я занимался и занимаюсь изданием пластинок, небольшие деньги с которых опять же идут на пропаганду современного искусства. Издав первую книгу стихов Михаила Юппа с факсимильными иллюстрациями...

Здесь я обрываю жалобы Шемякина на назойливость присосавшегося к нему Юппа — это не по моему адресу. Но, устыдив меня таким сравнением, художник продолжал:

Как человек, выбравший западную свободу, много лет проживший в свободном мире, я, как все, живущие здесь, очень и очень не люблю никаких давлений, оказываемых на меня со стороны. То, что я делаю, я делаю по собственному желанию и доброй воле. Сейчас я начинаю работать над иллюстрированием книги покойного ленинградского поэта Роальда Мандельштама. Как Вы сами понимаете, это будет стоить мне опять много энергии и материальных затрат.

Поэтому мне очень не хотелось бы слышать от Вас о каких-то новых изданиях Ваших стихотворных сборников в тот момент, когда чернило еле успело высохнуть на первых книгах — хотя еще раз повторяю, что я очень высоко ценю Вашу поэзию, чему живое свидетельство — наша совместная с Вами работа над книгой «Звери св. Антония»...

Далее следовали документы с издательскими расчетами и знакомая подпись с росчерком.

Письмо это меня озадачило, как-то по-базарному задело, но и проняло укором: действительно, к нему все лезут, стараются его использовать, и получается, что я — один из тех... Но ведь это не так — он сам ко мне обратился с предложением о сотрудничестве! Я тоже мог разыграть обиду, швырнуть об пол шапку — кто кого, мол, использовал? Или — как он сам оценивает мой труд? Но ссориться не хотелось, и я, переборов себя, послал ему «наиглубочайшие» извинения:

22 июня 1985.

Дорогой Миша!

Ну что Вы раскинулись, ей-богу! И — зачем эти издательские счета, в которых я не нуждался: ведь все и так состоялось по уговору — благородно и дружески.

И если Вы находите наше сотрудничество обременительным, то приношу мои сожаления и хочу уверить Вас в следующем: несмотря ни на что, я высоко ценю знакомство с Вами, преклоняюсь перед совершенством линий и красок в живописных и графических работах, наслаждаюсь элегантностью бронзовых отливок...

Я рад был узнать, что Вы назвали меня своим другом на весь наш Город и даже на всю страну (я имею в виду Ваше интервью по телевидению). Хочу, чтобы Вы знали, что это взаимно: я ведь тоже был в Питере и таким же образом выступал, говоря о Вас как о друге!

Наша общая книга для меня настоящее чудо: по тому, как она возникла из Ваших слов и намерений, совпавших с моими, и в особенности по тому, как срослись иллюстрации с текстом, порой даже переходя друг в друга. Думаю, что этому созданию суждена долгая жизнь, потому что, во-первых, оно таинственно, во-вторых, полно необъяснимых энергий и, в-третьих, связано с общеевропейским культурно-питательным истоком, или, образно выражаясь, с неким выменем, откуда мы все сосем млеко.

В общем, вещь получилась на славу, достанется ли ей она или нет. Я всегда предпочитал славе — репутацию, но не ошибся ли в данном случае?

Как бы то ни было, мы уже сейчас оба выиграли от сотрудничества. Неужели Вы думаете иначе?

Искренне Ваш Дмитрий Бобышев.

Вспышка раздражения и подозрительности (может быть, и меркантильного свойства), едва заискрившись, тут же погасла... Я с удовольствием убедился в том, как точно установленная дистанция спасает такого рода содружество! Зато засияли цепью светочей астральные тела, которых Шемякин развесил в каждом из листов, выведя череду «ползущих лун и солнце», видимо, из главы о царственной Пантере. Эти светила стали очевидцами, с участием наблюдавшими за духовными подвигами святого.

Нашлись и критики, заинтересовавшиеся борьбой, условно говоря, Добра и Зла, развернувшейся на листах добротного туринского тиснения. Среди них оказался Вадим Крейд (Крейденов), с которым у меня в дальнейшем завяжутся отношения, подобные шемякинским: зыбкая дружба и шаткое сотрудничество, только с более скромными результатами. В нью-йоркском «Новом журнале» за № 181 он писал: «Читая эту книгу, отмечаешь: богатство словаря, разнообразие строфики и даже графики стиха, находчивость рифм, своеволие в размерах, изобилие ритмов, стилистическую широту, щедрую образность, синтаксическую изобретательность. Тема этой фантастической книги — бестиарий, калейдоскоп, демонстрирующий монстров. Авторы книги — поэт Д. Бобышев и художник М. Шемякин — зачерпнули из того резервуара искусства, который наполняется водами мифологии. Но мифология «Зверей св. Антония» — не каноническая, а изобретающая, т. е. идущая по стопам Иеронима Босха. Можно было бы дать и другое название этой книге: «Искушение творчеством». Именно так назван пролог ко всему циклу стихов. Монстров творит субъективное сознание, но его творения становятся астрально-объективными...

Все основано на «астральном чувстве», которое и есть хлеб художеств...

Другая победа, достигнутая в этих стихах, — оригинальное отношение к слову. Слова живут в стихотворении, как в магнитном поле. Внимательный читатель ощущает это поле как эстетическую энергию. Слово не есть неподвижная данность. Оно меняет семантику в соответствии с вектором магнитных сил. Оно может укорачиваться или обрастать флексиями, превращаться в неологизм, претерпевать метаморфозы. Слово подчиняется не рациональному закону, а вибрациям эстетического магнитного поля. Но и само это поле живет не по трехмерным законам — в нем сообща участвуют законы ритма, вибрации, полярности, аналогии...

Визуальные качества этих стихотворений по достоинству мог бы оценить большой художник. И оценил: книга иллюстрирована Михаилом Шемякиным. О лучшем соавторе поэт, должно

быть, и не мечтал. На редкость удачливое содружество! Фантазии Шемякина под стать бобышевским. Оно прихотливы, гротескны, отчетливы, детальны, отличаются многообразием фактур и любованием подробностями, сюрреалистичны и увлекательны. Хотя на обложке и титульном листе напечатано: «Иллюстрировал Михаил Шемякин», можно и сами стихи Бобышева увидеть как иллюстрацию к графики Шемякина...»

Понятно, что такое событие, как наша книга, отозвалось не только в астральных высях, но и в нижних этажах потустороннего мира. Там что-то забурчало и, похоже, брякнуло канализационным люком, как обычно бывает, когда рабочий водоканала подцепляет его крюком. При этом возник один inferнальный господин из критиков (я упоминал о нем в предыдущих главах) и скромно попросил выслать ему бесплатно экземплярчик, что я и сделал.

В результате появилась любопытная рецензия, напечатанная «Новым русским словом» в номере за уик-энд 1–2 июля 1989 года. Вот характерные отрывки оттуда:

Под сенью дружных муз

Книга эта во многих отношениях уникальна. Она сама по себе является произведением искусства. Хотя художник определил свою работу скромным глаголом «иллюстрировал», Михаила Шемякина следовало бы обозначить как издателя и соавтора этой книги. Это нисколько не умаляет творческого первородства в этой паре Дмитрия Бобышева, как великолепные рисунки Александра Бенуа, Мстислава Добужинского и Юрия Анненкова к «Медному всаднику», «Белым ночам» и «Двенадцати» не отесняют слово, но оттеняют его особое положение в иерархии искусств...

Бобышев причисляет себя к «ахматовским сиротам»: «...В череду утрат / заходят Ося, Толя, Женя, Дима / ахматовскими сиротами в ряд. / Лишь прямо друг на друга не глядят / четыре стихотворца-побратима. / Их дружба, как и жизнь, необратима». Пути Иосифа Бродского, Анатолия Наймана, Евгения Рейна и Дмитрия Бобышева разошлись и творчески, и человечески, и географически. Судьба их раскидала кого куда, никогда им уже всем вместе не встретиться, каждый для другого утрата. Что естественно — литературные союзы хороши в начальную пору, потом они превращаются в мафии, а входящие в них обречены на творческую инфантильность и литературный меркантилизм.

Бобышев не принадлежит к любимцам литературной фортуны, и в этом, как ни парадоксально, его поэтическое везение. Ему еще надо себя доказывать,

он не почил на лаврах, которыми не увенчан, он не может жить за счет своего имени либо круговой поруки и дружеской опеки. У него не вышло ни одной книги на родине, а здесь вышла всего одна — «Зияния», десять лет назад, в издательстве УМСА-Press. Вроде бы готовится вторая — в «Синтаксисе». Его «Звери св. Антония» — своеобразный промежуток между этими двумя книгами: скорее, чем поэма, цикл стихов, объединенных одной темой, сплетенных одним сюжетом, который привлекал больше художников, чем поэтов.

Уравнивая в правах реально существующее зверье со зверьем, существующим только в нашем воображении, Бобышев и Шемякин указывают точное местоположение своего гротескового зверинца — его координаты находятся по другую сторону реальности.

Вспомним — «по ту сторону добра и зла», «к добру и злу постыдно равнодушны» и прочие в том же духе — высказывания литераторов прошлого. В жуткой феерии Бобышева деградация зашла значительно дальше — вплоть до кошунственного совокупленья Добра и Зла, причем Зло в этой паре преобладает, и отпрыски несут на себе явный отпечаток Зла, а не Добра: «Зло... прошлось вдоль крыльев жирных», «Зло — в клещевом захвате когтей орлиных», Зло разлито повсюду, являя себя не только в уродстве, но и в изнанке красоты. Зло — творчество; как и красота — это один из самых сильных соблазнов: неодолимый... Стихотворение «Искушение творчеством» открывает эту книгу вместе с иллюстрацией к нему, которую нет нужды описывать, потому что Шемякин буквально следует здесь за стихом: «Глядит аскет из мозговой пещеры...» Это и изображено — св. Антоний с ужасом выглядывает из собственного черепа, непропорционально, в несколько раз, увеличенного в размере. Что же касается «содержания» ужаса святого пустычника, то его можно определить как отчаянье оттого, что «душою — пеши», а тянется к ангелам, и как безумие: «Как дверь с петель, ум с вертикали спятил, — святого смыло, выплыл человек». Шемякин выносит этот рисунок на обложку, делая его вместе со стихом заглавным, почти эпиграфом.

Когда Бобышев читал «Зверей св. Антония» в ленинградском подвальчике «Клуб-81»...

Стоп, стоп... Рецензент сейчас собирается описать то, чему свидетелем он не был, и я уж как-нибудь сам расскажу о произошедшем.

Продолжение следует.

КАК ТОТ СИАМСКИЙ КОТ

Рондо

На заре туманной юности написал я рассказ «Сиамский кот». Тогда сиамцы были еще в диковинку: их только начали завозить к нам. На всю Москву, как информировал меня мой приятель поэт Николай Шатров, их было только шесть штук. И вот одного «иностранца» он мне принес в подарок, когда я проездом оказался в Москве. Коля встретил меня на Казанском вокзале. Из-за пазухи пиджака выглядел неизвестный мне симпатичный зверек с темной мордочкой.

— Можно погладить? — спросил своего приятеля. — Не укусит?

— Это котенок сиамской породы, — не без гордости объяснил он. — Это тебе подарок. Звать Парисом.

Он протянул мне котенка с таким видом, с каким цари дарили шубу с собственного плеча. А я давно я не испытывал такого блаженства, когда гладил это фантастическое существо. Котенок был запуган непривычной обстановкой, вокзальным шумом и вел себя смиренно, только глазки у него сверкали от страха.

— Куда же мне с котенком? — вздохнул я — Ведь еду я в санаторий. Где мне там его держать? Знаешь что, пусть он у тебя побудет месяц, а на обратном пути я заберу.

— Ладно, — согласился мой приятель и принялся читать свои стихи.

Через месяц, а точнее через двадцать четыре дня Коля снова встречал меня, но теперь на Курском вокзале. Он засыпал меня новыми стихами, которые успел сочинить за время моей отлучки. «Какое-то

наваждение напало на меня, — жаловался он, — едва успевал записывать».

— А как поживает мой котенок? — спросил я, удивляясь, что он его не принес с собой, как в прошлый раз: с Курского вокзала я напрямик переправлялся на Казанский, и времени в запасе у меня было в обрез. Вряд ли я успею съездить за Парисом в Очаково, где жил мой приятель.

— Я отдал Париса в хорошие руки, — признался приятель. — В нашей каморке держать живность, сам понимаешь, невозможно.

А жил он с женой и дочкой на птичьих правах в крохотной комнатенке, где едва умещались кровать, тумбочка и коляска для малышки. Собственно говоря, две комнаты в общежитии были выделены его матери Ольге Дмитриевне Шатровой, которая работала в заводском доме культуры режиссером народного театра. В годы эвакуации она блистала на сцене русского драматического театра в Семипалатинске и была даже удостоена звания заслуженной артистки Казахской ССР. А вернувшись в Москву, оказалась у разбитого корыта — жить было негде, и потому из-за этих двух комнаток в рабочем общежитии вынуждена была согласиться руководить заводской художественной самодеятельностью.

С горьким чувством разочарования возвращался я домой. На одной из станций я купил свежий номер «Комсомолки» и нашел там фельетон на модную тему о стилягах. В те годы стиляги были занозой в глазах у комсомола: их вылавливали комсомольские патрули, отстригали «коки» на головах

и фотографировали для стендов «Они позорят наш город», держали в милицейских кутузках под видом выяснения личностей, вели с ними душевительные беседы, стучали на работу родителей — ничего не помогало. Стиляги как носили брюки в дудочку (чтобы их надеть, приходилось мылить ноги), пиджаки с набитыми ватой плечами и огромные галстуки с обезьянами, туфли на «манной каше», то есть на толстой подошве, и непрременные коки на голове, как слушали джаз и танцевали реакционные буги-вуги, так и продолжали бесчестить своим видом и поведением советскую молодежь. Высшим шиком считалось прошвырнуться в Москве по улице Горького, а в Ленинграде — по Невскому проспекту, вызывая скандальную реакцию прохожих, пока не забирал патруль. Почему-то считалось, что моды они переняли у загнивающего Запада, а на самом деле это был протест против казенщины, серятины, организованности молодежной жизни.

Не знаю почему, но котенок, так не похожий на наших Васек, стал вдруг ассоциироваться в моем воображении со стилягами, и в голове возник сюжет рассказа. Сиамский кот получил заморское имя Блеф, а его хозяин стал Толей Штановым, что как бы подчеркивало его душевную пустоту и убогость интересов. Разумеется, Толя — бездельник, не работает, не учится, а сидит на шее у родителей и целыми днями, валяясь на диване, изводит предков джазовой музыкой. Сиамский кот стал как бы отсветом своего бывшего хозяина: я представил, что он, конечно, откажется от привычной нашей еды и в знак протеста устроит кошачий концерт. Тогда пенсионер предложит перевести кота на хозрасчет: ничего ему, мол, не давать, пусть сам себе добывает пропитание ловлей мышей. Примерно так все и было изображено в моем рассказе.

Целый день Блеф ничего не ел, от миски с супом брезгливо отворачивался, валяясь на диване и выливая себя... Наконец, когда голод — не тетка взял его за горло, он исчез и вернулся с добычей, сыто мурлыкая. Рассказ заканчивался сентенцией: «А раз утром я увидел, как Блеф гордо тащил в зубах мышью. При этом он урчал, как самый обыкновенный кот с Волхонки.

Я смотрел на Блефа и почему-то вспомнил о его прежнем хозяине, о моем друге детства Толе Штанове. Вот бы и на нем испробовать это верное средство воспитания!»

Рассказ был «в жилу» и появился в газете. Знакомые поздравляли начинающего сатирика с удачным, на их взгляд, дебютом, как вдруг в редакции появился еще один поздравитель. Он сказал, что рассказ его так потряс, что он написал стихи. Назывались они «Пробуждение». Он прочитал свои вирши заунывным голосом, каким обычно и читают поэты:

Дарю тебе, любимая,
 Любимая жена,
 Любимая сегодня,
 Любимая вчера.
 И солнышко поднимется,
 И засияет свет.
 Даю тебе, любимая,
 Торжественный обет:
 В оставшееся время,
 В оставшийся срок
 Не поступать, любимая,
 Как тот Сиамский кот.

— Вы напечатаете эти стихи? — с надеждой в глазах спросил он.

Никто и никогда больше не воздавал мне такую похвалу, хотя за свою долгую жизнь я написал уйму рассказов, не сравнимых с «Сиамским котом». Сказать напрямую «нет» — значит обидеть человека, хотя и графомана, посвятившего мне трепетные строки. Вот закавыка! И вдруг меня осенило.

— Скажите, вы показывали стихи жене?

— Нет еще, не успел. Отпросился с работы и сразу к вам...

— Я не отдам вам рукопись, чтобы ваша жена их не нашла и не прочитала.

— А... а что там такого ужасного?

— Вы могли смертельно обидеть любимую жену. Вот вы пишете: «Любимая сегодня, любимая вчера». А завтра вы ее уже любить не собираетесь?

Он встал, потрясенный, и только тихо проронил: «Спасибо».

Больше я его не видел. А стихи о сиамском коте оставил себе на память.

* * *

Прошли годы, и рассказ «Сиамский кот» остался в памяти лишь смешным посвящением графомана. Когда моя жена за что-то меня ругала, я цитировал ей в ответ строки: «Не буду больше делать, как тот Сиамский кот». Юмор смягчал семейные распри. Не стало вдруг моего друга юности Коли Шатрова — его убил в 1977 году инсульт, когда ему исполнилось лишь 48 лет! Конечно, чтобы его не обидеть, рассказ я ему не показывал, да и был он, собственно, не про него. Просто он невольно подсказал мне тему. И вот, разбирая вместе с женой Шатрова — Маргаритой Рейнгольдовой Димзе Колины бумаги, я наткнулся на рукопись, заставившую меня застыть от неожиданности. Я читал и не верил своим глазам. Передо мной было стихотворение о сиамском котенке, при том в чем-то созвучное с моим рассказом.

Про меня. Про нашу маму, про котенка из Сиама

Принесла однажды мама
 Нам котенка из Сиама.
 Не котенок — чудо прямо:
 Жесткошерстный, трех мастей.
 С белой спинкой, черным ртом
 И коричневым хвостом.
 Он приехал из Сиама,
 Из тропической страны,
 Где живут еще слоны.

Мне сказал артист народный:
 — Наш котенок — самый модный,
 И на выставке кошачьей
 (Если нет такой, то жаль)
 Наш котенок, не иначе,
 Заработает медаль.

Он в гостях у нас пока.
 — Дай скорее молока!
 Налила ему из кружки
 Я на блюде молока,
 Накрошила хлеба в плоску,
 Предложила: «Ну, лакай!»

Но с презрительной улыбкой
 Он на блюде посмотрел...
 Из аквариума рыбку
 Лапой вытащил и съел.

— Ничего, — сказала мама, —
 Он приехал из Сиама:
 Заграничные привычки
 И особенная статья...
 Хорошо, что в клетке птичка —
 Через прутья не достать!

Ах, он клетку сбросил на пол
 И когтями птичку сцапал!
 Целый день себя по-хамски
 Вел в квартире нашей гость,
 Даже Джека по-сиамски
 Обругал и отнял кость.

— Ничего, — сказала мама, —
 Это все-таки не драма:
 Наш котенок — иностранец,
 Попрошу не забывать.
 У него на шерсти глянец,
 У него тигрица — мать!

И добавила упрямо:
 — Он ведь родом из Сиама!

Но когда котенок ночью
 Замяукал что есть мочи,
 Изо всех сиамских сил
 Диким голосом завыл,
 Оцарапал мне колено,
 Прыгать стал на стол, на стены...

— Хватит! — закричала мама. —
 Завтра же его отдам —
 Я схожу с ума от гама...
 Здесь Петровка — не Сиам!
 Мало ль что из-за границы,
 Но всему же есть границы!

Не получит он медали —
 Мы назад его отдали...
 А у нас теперь живет
 Васька, рыжий русский кот!

Бывает же такое! До сих пор сам не верю.

Ася УМАРОВА

Я родилась в 1985 году в городе Городовиковске Калмыцкой АССР. С 1993 года живу в Чеченской Республике, в селе Пролетарское. Во время военных кампаний никуда не выезжала. В 2008 году окончила Чеченский государственный университет по специальности «журналистика», в 2009 году — постдипломный курс обучения по специальности «журналистика» в Кавказском институте СМИ в Ереване (Армения). Журналистские статьи публиковались в России, в Грузии, во Франции и Великобритании. Увлекаюсь графикой. Направление — сюрреализм. Картины выставлялись в России, Америке, Италии, Германии, Польше, Грузии, Бельгии и других странах мира. Персональные выставки картин прошли в 2009 году в Министерстве культуры Чеченской Республики и в 2011 году — в картинной галерее города Тбилиси (Грузия). Литературный дебют состоялся в журнале «Нана» (Грозный). Дипломант Первого конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011).

ПОЛЕТ ПОТЕРЯННОГО ГОЛУБЯ

Чувство потерянности имеет свойство вселяться в человеческие души. Это происходит тогда, когда человек начинает сам себе внушать никчемность. Но бывают случаи гораздо более. Когда окружающий мир на самом деле наполнен пустотой. И вроде тебя все это сопровождало долгое время, но твоя сущность была ослеплена.

Потом наступает тот самый момент, когда ощущаешь себя настолько заблудившимся, что не видишь никакого выхода. Так произошло и с маленькой девочкой Кариной.

В доме престарелых наступил долгожданный для Карины тихий час. Все старики и старушки, как и положено правилами дома, должны выспаться. Но они начинают волочиться к своим койкам, демонстративно выпячивая недовольство. Обычно их голоса могут неугомонно переключаться минут десять, а то и больше. Они всегда почему-то начинают себя вести так, словно слышат об этом тихом часе впервые.

Тете Соне, смотрительнице дома, приходится по несколько раз стучать ложкой о кастрюлю и выкрикивать по всем этажам одни и те же слова: «Спать, всем ложиться спать!» Карина уже знает, что бабушка Гриша из восьмой палаты, наверное, как всегда притворяется, что не слышит, и стоит около подоконника на втором этаже и по-прежнему продолжает гладить лепестки домашнего фикуса. Но зоркие глаза тети Сони обязательно заметят дядю Гришу, и ему ничего не останется, как отправиться в постель за порцией сна.

Еще Карина уверена, что смотрительнице придется потратить уйму времени, чтобы уговорить тетю Клаву, новенькую жительницу. Тетя Клава всю жизнь проработала директором крупного промышленного завода и привыкла всю жизнь отдавать приказы рабочим, поэтому ее нередко находят в ситуации, когда она некоторым бабушкам и дедушкам отдает все те же приказы, а те

почему-то не выполняют ее поручения. От этого постоянного неподчинения она часто замыкается в подвале подсобки и тихо плачет. Но никто не виноват, что пришла война и разрушила весь ее завод, наверное, поэтому она помешалась. Так рассказывала тетя Соня Карине о судьбе новой жительницы. Тетя Клава считает, что ее несправедливо держат в этом доме и ей необходимо сейчас быть на заводе, иначе без нее там не пойдет работа и не будет выпускаться продукция. В свои неполные восемьдесят лет она чувствовала, что еще может быть полезной человечеству. Но ее никто не слышал. Ах да, единственное существо, которое могло стать хорошим собеседником для тети Клавы, — соседская кошка. Просто у бедного животного не остается другого выхода, так как только эта пожилая, болтливая и в то же время суровая со странностями женщина могла каждый вечер кормить мелкими кусочками хлеба теперь уже не совсем домашнее животное.

Наверное, тетя Пэрис проводит уже который час в ванной, плотно закрыв за собой дверь, тщательно чистит зубы и купается. Ей постоянно кажется, что она грязная. Она и окружающих пытается приручить к чрезмерной чистоплотности. Когда звуки от прикосновения алюминиевой ложки к медной кастрюле тети Сони начинают постепенно приближаться к ванной, то звук от зубной щетки становится еле слышным и, наконец, совсем умолкает. Открывается со скрипом ободранная от краски дверь.

— Пэрис, нарушаете правила, — вздыхает тетя Соня, вытирая пот со лба, все еще держа в руках ложку. — Идите в постель, пора ложиться.

Маленькая Карина вместе с остальными жителями дома престарелых проживает по улице Новая жизнь, да и номер дома, можно сказать, счастливый — семь. Крыша трехэтажного здания местами покрылась зеленоватым оттенком. Это из-за плесени, которая продолжает въедаться и захватывать все новое пространство. Плесень оставляет следы пришедшей без приглашения старости.

Несмотря на столь оптимистичное название улицы, то, что происходило здесь, не совсем отдавалось лучами радости. Дом номер семь окружен развалинами от недавней войны. Каждый уничтоженный дом хранит в себе историю прошлого. Так же как и у людей, история индивидуальна. Душа, мысли, мечты не существовавших, а живших здесь когда-то людей разрушились войной. И неудивительно, что окружающая обстановка находила приют в душах еще оставшихся здесь жить людей. Может, общество и не было готово к переселению разрушительного хаоса внутри себя. Но они утратили способность к протесту. Они утратили способность к отстаиванию личной позиции и борьбе за индивидуальность. Им абсолютно все равно, насколько далеко отчали-

вал сейчас их волшебный внутренний мир. Ведь он помогал не просто жить, а ярко освещать мириадами звезд дороги в человеческом пространстве. Золотистые паруса продолжали манить людей с улицы Новая жизнь, но они почему-то оставались слепыми. Люди вдруг стали инвалидами в прямом и переносном смысле. Они желали на подсознательном уровне какого-то спасения. Но никто из них не желал говорить об этом. Не осталось людей, которые могли бы понимать голос души.

Именно на крыше этого странного дома живут голуби. «Они похожи на ангелов», — не перестает повторять маленькая Карина, теребя на руке браслет из маленьких жемчужин. Да, дорогой читатель, Карина ждет тихого часа в доме престарелых, потому что жаждала встречи с голубями. Она часами может сидеть на крыше и наблюдать за голубями. Ей намного интереснее проводить время среди птиц. Карине кажется, что птицы больше нее нуждаются в поддержке и внимании. Голуби давно жили под одной крышей с пожилыми людьми. Но старость почему-то не замечала одиночество птиц. Хотя птицы чувствовали, что старость вдвойне ужасна тут, так как она забыта и брошена всеми. Это не страшно, когда от тебя отказываются. Намного больнее, когда собственный волшебный мир уплывает куда-то вдаль, а ты бессильна что-то менять. Будто какое-то парализованное существо, томно наблюдающее за всем происходящим.

Летнее солнце с пробуждением утра быстро согревает землю. Раскаленные крыши домов приветствуют новый день. Если бы вдруг кто-то предложил Карине выбрать камень из огромной груды, чтобы в нем отразилось лето, то она непременно выбрала бы следующий камешек. Зеленый, сопряженный с желтым цветом и непременно чтобы на нем виднелись кусочки хрусталиков, словно окунувшихся в золотой песок. Только представьте себе такое зре-

лице: желтые и зеленые цвета, как зебра на камешке, да еще блестят, отражая мелкие и в то же время золотые частички.

До боли знакомая Карине обстановка. Пожилые люди из дома престарелых потихоньку выходят во двор, огражденный решетками. Каждый по отдельности гуляет по лужайке или часами смотрит через решетку ограды, как бы желая увидеть сквозь нее что-то родное, близкое, связанное с прошлой жизнью. Но реальность сурова по отношению к старикам, они не могли ничего увидеть за ограждениями, кроме пустоты. Безлюдные улицы приветствовали потерянные лица. Были среди пожилых людей и сумасшедшие, которые сидели на скамейках и беседовали с воображаемыми людьми.

Со второго этажа, словно маяк, ярко светится блик от зеркала. В отражении виднеется силуэт смуглой девочки. Это и есть Карина. Пожилая женщина расчесывает ее длинные черные волосы. У Карины небольшой нос с горбинкой и маленькие зеленые глаза с густыми ресницами. Она очень худая.

— Тетя Соня, ты помнишь свою маму? — вдруг спрашивает Карина у женщины, которая расчесывает ей волосы.

— Мне безразлично, как она выглядела, — сухо последовал ответ. От недавней улыбки Сони ничего не остается. Улыбка исчезает куда-то, посеяв тревогу на лице. — Все. Думаю, твои волосы выглядят ухоженно. Я спущусь вниз, может быть, эта женщина пришла.

— А вдруг твоя мама выглядела точно так же, как и ты, представь, как интересно, — не унимается Карина. — Она меня бросила. И если столько лет ей не было интересно, как я выгляжу, то мне тем более. Все, я пошла. Тетя Соня, а я ей точно понравлюсь? — как обычно, теребя браслет с маленькими жемчужинами, спросила Карина.

— Ты же не сирота в приюте каком-нибудь. Перестань, девочка. Это

твоя родная мама, как-никак. Все мамы любят своих детей. — Она кладет расческу около поломанного куска зеркала, который стоит возле облезлого лакированного трельяжа, простреленного пулями. Потом смотрит внимательно на девочку и добавляет: — Все будет хорошо. Не переживай. Мамы бывают разные. У тебя все будет по-другому.

Карина передвигает стул дальше и смотрит на свое отражение в зеркале. Она одета сегодня в белое платье, которое нашла в шкафу у тети Сони. Долгое время Соня отказывалась говорить, откуда у нее оно. Но потом ей все-таки пришлось рассказать всю историю.

Оказывается, в этом платье она когда-то собиралась выйти замуж, но перед самой свадьбой какая-то подруга сообщила, что парень, за которого она выходит замуж, женится на ней для того, чтобы было кому ухаживать за его больной матерью. Тетя Соня охотно поверила какой-то подруге, чем парню. Свадьба не состоялась. Соня выкроила платье в уменьшенных размерах и подарила сегодня на день рождения Карине. Платье воздушное, и когда девочка перемещается по комнате, то оно поднимается вверх при каждом шаге. Ткань начинается приятно шуршать, и этот звук Карине чем-то напоминает порхание голубя. Карина кружится перед зеркалом. Поднимает плавно руки, чтобы увидеть длинные рукава, похожие на крылья голубя.

— Я голубь, я голубь, — не устает повторять девочка

— Карина, спускайся! — донесся крик с первого этажа.

Карина бежит с лестницы. Оборки на белом платье, которые пришила Соня со старых занавесок, шелестят, словно крылья ангела. И Карина напоминает одного из тех голубей, которые живут под крышей.

— Пойдем, я провожу тебя до скамейки, где сидит твоя мама, — ласково произносит тетя Соня. Морщини-

стые руки крепко сжимают детские ладошки.

Они направляются к беседке, где цветут розы. Когда остается несколько шагов до скамейки, где сидит незнакомая крашенная блондинка, Соня отпускает руку Карины, а сама направляется к пожилому человеку, стоящему возле решетки.

Незнакомая женщина сидит спиной. Услышав последние слова Сони, она, наконец, поворачивается. На ней солнечные очки, которые совсем не располагают к душевной беседе. Маленький нос, большие губы и овальное лицо. Она одета в красный пиджак, брюки и белую блузку, черные лаковые туфли на высоком каблучке подчеркивают ее элегантность. Она нервно сжимает черную сумочку из крокодиловой кожи.

— Ну, вот и встретились, — нервно смеется женщина, неохотно снимая очки. Немного потупив взгляд, продолжает: — Ты... это... и как тебе здесь живется? Тебя не обижают?

Карина молчит и ничего не может сказать. Ее радость от встречи с близким человеком, встречи, о которой она мечтала всю жизнь, в одну минуту разбилась на мелкие кусочки. Их теперь невозможно склеить, потому что каждый из осколков вонзился в тело хрупкой девочки. А потом они куда-то исчезли.

Детское сердце учащенно забилося. У нее перехватывает дыхание, ей не хватает воздуха. Она вдруг вспоминает, что стоит на том месте, где были похоронены три старушки из дома престарелых, убитые под обстрелом. Ей рассказывала об этом тетя Соня, которая сама рыла могилу и попросила Карину никому об этом не говорить. Она не понимала, почему она вспомнила именно это. Стало так страшно, что она отошла немного в сторону.

— Не хочешь говорить — не надо, — слышит она голос этой чужой для нее женщины, которая достает сигарету из сумки и затягивается. —

Ты себе спокойно живешь, а мне, думаешь, легко? Я не виновата перед тобой, и извиняться не собираюсь. Станешь большой — поймешь. Когда началась война, твой отец сбежал от нас. Я две недели находилась под бомбежками в этом городе. Ты не можешь себе представить, что здесь творилось. Повсюду черные облака. Каждый день самолеты бомбили. Я одна была. Когда я вышла из подвала с тобой — тебе было пять месяцев, — то была в ужасе. Я не знала, что мне делать. На что нам жить, питаться и где ночевать? Тогда я пришла к тете Соне и передала тебя ей. А меня нашли на улице люди из гуманитарной организации. Я тогда свалилась посреди улицы из-за голодного обморока.

Они взяли меня на работу переводчиком. С недавних пор я работаю в Африке и помогаю бездомным детям. Когда мое положение финансовое немного улучшится, я приеду и заберу тебя...

Едкий дым сигареты, который она выдыхала, пропитывал все вокруг. Прелестные бутоны роз, скамейка, платье Карины и вымытые вчера шампунем тети Сони волосы — все проелось едким дымом.

— Тетя, зачем вы пришли? — обрывает на полуслове Карина.

— Что?

— Уходите. — Карина медленными шагами отдаляется от незнакомой женщины. Она останавливается и тихо шепчет: — Не приходите больше... отпустите меня.

Престарелые люди одновременно взглянули на них. Возникла длинная пауза, от которой хотелось бежать. Женщина вдруг встает и направляется к выходу. Громко хлопнув калиткой, подходит к черному джипу и садится. Машина исчезает, оставляя за собой огромное облако пыли.

Карина в этот момент не понимает, что происходит в ее душе. Будто бы туман смешался с грязным смогом. В это невозможно поверить или даже вообразить, но соскабливать черный, въевшийся налет со стекла

становится все труднее. Через призму отодранной смолы и поцарапанного стекла блекнет даже серое небо. Карина вся пропахла сыростью, которая въедается во все. Сырость, проникнув в частицу или предмет, начинает разлагать материю. Безусловно, осень наступит скоро. Но это не лето, а преддверие осени... все показалось.

Карина добегает до родного дома престарелых. Лихо оставляет за собой второй, а потом и третий этаж.

— Тетя Соня, где лестница?! Пожалуйста, ну где ты, дай мне лестницу, я хочу подняться на чердак к моим птицам! — кричит Карина, оглушая давно отвыкшую от звуков человеческой решимости тишину.

Дядя Гриша удивленно смотрит на девочку, не выпуская из рук горшок с домашним фикусом. Все немного застывают. Кажется, что даже тетя Клава больше не хнычет.

— Дочка, почему ты прибежала обратно? Что происходит? — поспешно подбегает тетя Соня, придерживая алюминиевую кастрюлю.

— Дай мне лестницу, ничего не спрашивай! — кричит и плачет навзрыд Карина.

Соня подносит лестницу к чердаку и открывает крышку. Девочка быстро хочет подняться по лестнице, но вдруг поскальзывается и обрывает низ платья. Но это ее не останавливает. Карина нервно отрывает кусок материи и поднимается вверх. Затем плотно закрывает крышку на крючок. Тетя Соня начала колотить в крышку:

— Карина, открой! Что ты делаешь там? Мы тебя любим и не бросим никогда, слышишь? Карина!

А девочку сейчас наверху окружили голуби. Они как будто хотят успокоить ее и поэтому кружатся рядом и размахивают крыльями. Но Карина не видит всего этого, так как она ослеплена ненавистью. Она силой открывает настежь запертое окно. Берет метлу и начинает гонять голубей по всей крыше. Птицы очень быстро вылетают через окно.

— Улетайте все отсюда!!! Мне никто не нужен, и не надо меня жалеть!!! Слышите все, не надо меня жалеть!!! Прочь все! — не перестает кричать она.

Наконец на чердаке не остается ни одного голубя. Только перья кру-

жатся вокруг девочки, словно снег. Время как будто бы останавливается. Она почувствовала свою беспомощность и одиночество на этой земле. Каждой клеточкой кожи, каждой частичкой существования.

Отдаляющая стая голубей уносила ее слова.

— Прочь все... — отдается эхом несколько раз на небе.

Карина осторожно вскарабкивается на окно чердака, но не может удержать равновесия. Девочка успевает протянуть детскую ладошку в никуда. Она уменьшается в размерах, потом зарастает перьями, вся ее сущность превращается в голубка, и она вылетает вслед за стайей. А внизу едет черный джип, в котором сидит рыдающая женщина. Из-под ее солнечных очков по лицу стекают черные слезы от туши. Окно машины открыто, и перья от голубей попадают в салон автомобиля. Потом она нервно закрывает черное тонированное стекло автомобиля. А голуби исчезают в бездонной глубине неба...

Чеченская Республика

Анна БРИКМАН

Я из Москвы, студентка, учусь в ГУУ, в Институте информационных систем управления на кафедре экономической кибернетики; помимо литературы увлекаюсь музыкой, кино, математикой, экономической теорией.

КРАСНОЕ ПЛАТЬЕ

Максим стоял и смотрел, как Аня торопливо собирает свои вещи, как будто поскорее хочет вырваться из этих четырех стен, неважно куда, только бы подальше отсюда, подальше от всего того кошмара, в который превратилась их жизнь, подальше

от него... Платья (сколько же у нее их!) прямо со всеми вешалками, не складывая, она брала сразу по несколько штук и легким движением бросала в сумку, изредка на секунду останавливаясь взглядом и оценивая, много ли еще места осталось.

Да много, Аня, что ты переживаешь, думал он, вот только с платьями нельзя так, они же помнутся, это будет некрасиво, а ты же любишь все красивое... Он вспомнил, как они гуляли по городу — было лето, был вечер; Аня пришла в его любимом

ярко-красном платье (сейчас она держит его в руках, но не торопится убирать, разглядывает). «Извини, я немного опоздала». — «Ничего страшного, я... Я совсем недолго тебя ждал». А ведь так хотелось сказать, что он так рад ее видеть, что теперь она снова рядом с ним и что он счастлив, но страшно, страшно открыться человеку... Он стеснялся и стыдился себя, как школьник.

Аня бросила платье, взяла сумку поменьше и вышла из комнаты. Максим слышал, как щелкнул выключатель, как она зашла в ванную, как начала сгребать все свои шампуни, бальзамы, гели, скрабы; что-то упало на пол — она тихо чертыхнулась, но не нагнулась, нет, вместо этого она переключилась на другую полку, опрокинулся стаканчик, но она его удержала, поставила на место, взяла пасту, щетку, бритву, может быть, еще расческу, конечно, расческу, и лак для волос. Нагнулась? Да, она подобрала то, что у нее упало, — она не хочет ничего здесь оставлять, ни одного напоминания о себе, хотя в этой квартире все — одно большое напоминание о ней, о том, что она жила здесь с ним, о том, что они любили друг друга... Куда же все ушло?..

Он хотел говорить. Его выводила из себя тишина, но сейчас она была единственным для них языком. Он хотел сделать что-то, он хотел подойти к ней, развернуть ее к себе, вырвать из ее рук сумку... Да, она не захочет ее вот так просто отдать, он вырвет ее и швырнет куда-нибудь, она с вызовом посмотрит на него, а он скажет: «Аня, Анечка, я так сильно тебя люблю, зачем ты делаешь это, зачем ты все рушишь, почему ты убиваешь меня? Ты хочешь убить меня? Аня, Анечка, я сделаю все для тебя, неужели ты в это не веришь? Хочешь, я стану тем, кого ты хочешь во мне видеть? Я же могу измениться, Анечка, и больше не будет наших глупых ссор по пустякам, и не будет вспыльчивости, ничего этого не

будет, я обещаю, я стану сдержанным, я стану очень, очень сильным. Ты помнишь, как я кричал на тебя совсем недавно, когда ты поздно пришла домой? Я ревновал, дико ревновал, я не верил тебе, хотя никаких поводов для этого не было, ты же все прекрасно знаешь, ты меня очень хорошо знаешь, Анечка... Но я все равно кричал... Ничего этого больше не будет, я не стану тебя ни к чему ревновать, я буду приходить домой после работы, и все будет как раньше: мы будем сидеть вместе и смотреть телевизор, потом, может быть, пойдем гулять или в кино, на любой фильм, все равно все они одинаково глупы и бессмысленны, все они не способны передать и толику настоящей жизни, не способны передать даже искорку жизни, но какая разница, мы просто будем сидеть вместе, обнявшись, и мы будем вместе! Или в театр: твоя любимая пьеса, помнишь, ты так хотела на нее сходить, а у меня все не было времени, все работа, работа... Так вот, мы пойдем, мы обязательно на нее сходим, и мы будем сидеть в зале, со сцены будет читаться очередной монолог, и тогда ты возьмешь меня за руку, и какое мне будет дело до морали, до пороков, до всего этого, когда ты будешь держать меня за руку точно так же, как я держу тебя сейчас, и в этом будет все, все, вся жизнь, понимаешь, Анечка?.. Аня!»

Она вернулась в комнату и, стараясь не глядеть на него, открыла другую дверцу шкафа и стала укладывать оставшиеся вещи: блузки, кофты, джинсы — и все так же в охапку, все так же торопясь, все так же боясь не успеть; еще немного, и она потеряет всю свою решительность — вот чего она боится. Он видел, что ей хотелось все бросить, хотелось, чтобы все сделалось само, вдруг, почему же всем должно быть так тяжело, почему надо обязательно делать кому-то больно, зачем это? Зачем?..

— Еще... Еще косметика... И духи... Не забудь... Косметика и духи... — он сам не знал, как ему удалось выгово-

рить это. Он не знал, зачем вообще все это сказал. Она же промолчала, сделала вид, будто ничего не слышит, будто вся поглощена делом, но она действительно забыла про это, забыла, забыла (потому что слегка нахмурилась), он слишком хорошо знал ее...

Духи... Очаровательный запах духов — он спросил тогда марку, она рассмеялась и ответила; жалко, что теперь он ее не вспомнит, какая-то иностранная, но не более того — нет, ему не вспомнить... «Как хорошо, что мы сегодня встретились». — «Да, я тоже очень рад». Он нежно приобнял ее за талию, и улицы, витрины магазинов, куда-то спешащие или неторопливо прогуливающиеся люди — все это вдруг заулыбалось под медленно заходящим солнцем, все это вдруг стало таким ярким, таким красивым, таким... Таким настоящим... На секунду ему вдруг показалось, что солнце — вовсе не на небе, нет, это просто иллюзия, обман, игра воображения, оно — здесь: оно в этом красном платье, в этой рыжей копне волос, в этих зеленых глазах, в которые, если посмотреть, видно, кажется, всю Вселенную, в этом звонком голосе, чересчур громком, но звонком голосе — и вот именно оно делает красивым все вокруг, именно оно заставляет Землю вращаться, а людей — двигаться, дышать, жить, искать смысл жизни, не находить и все равно продолжать его искать, искать до тех самых пор, пока они его не находят, а он... Он посмотрел на Аню и улыбнулся, та улыбнулась в ответ, а он, кажется, уже все для себя нашел...

Через некоторое время шкаф опустел наполовину, и Максим заметил, как она еле заметно улыбнулась — конечно, почему бы ей не улыбнуться, она же так хотела уйти и уйдет — ура, свобода! Ура, ура! Он же будет стоять все это время, как истукан, и смотреть, как она решает их дальнейшую судьбу за них двоих, что в общем-то верно: Максим — он же совсем ничего не

может предпринять, он может тут только стоять и нагнетать тягостное молчание, поэтому просто необходимо, чтобы хоть кто-то развивал это действие, чтобы хоть кто-то довел его до конца... «Я знаю, знаю, зачем она все это делает! — неожиданно разозлился он. — Конечно, она все отрицает, признается она, как же!.. Она просто бережет меня, не хочет, чтобы я знал правду, вот только утаить от меня ничего не может! Да-да, я-то все вижу, все! Аня уходит не просто от меня — нет-нет, она уходит к *нему* — к тому, другому, который умнее, красивее, моложе и, конечно же, богаче, с которым она трахается уже черт знает сколько времени, с которым она поняла, что я ей больше не нужен, — действительно, зачем ей такой ущербный и нелепый человек, зачем ей такой неудачник, как я?» У Максима невольно сжались кулаки: встретиться бы с ним всего один раз, один-единственный. Он изуродовал бы ему тогда все лицо, чтобы он стал изгоем, ничтожеством, чтобы от него все шарахались, как от заразы, чтобы он знал, что ничего просто так не сходит с рук, что Максим может постоять и за себя, и за Аню, и за свою, и за ее жизнь... А как она ловко все скрывает: сколько раз он залезал к ней в мобильный, залезал, как какая-то крыса, но это же все для дела, но самое главное — ничего, ничего он там не находил: эсэмэски от мамы, от подруг, от коллег, звонки аналогичным людям, и все — ну, конечно, те эсэмэски и звонки, которые ему лучше не видеть, можно стереть, это дело буквально одной минуты, просто надо помнить, что обязательно наступит какой-нибудь прокол, который она уже не сможет ему объяснить, надо всегда быть начеку, Максим... Как только раздавался звонок домашнего телефона, он всегда порывался брать трубку первым, чтобы после своего сухого и тихого «Алло, я слушаю», после доли секунды, которая требуется на то, чтобы ответить, наконец

услышать *его* голос, после которого Аня уже не отвернется фразами типа: «Мне не нравится, что ты меня в чем-то подозреваешь» или «Что ты волновался, автобус просто стоял в пробке», — нет, наконец-то она расскажет Максиму *правду* — ту самую правду, которой он так долго ждал от нее и которую, как ему казалось, он вполне заслуживал...

Надо взять и вытрясти из сумок все ее вещи — нельзя позволить ей просто так взять и уйти. Он сломает дверцы шкафов, вытащит из него и бросит в середину комнату уже пустые и от этого ставшие такими легкими полки; он легким движением сметет со стола все бумаги, все ручки, карандаши; да, последним со стола должен полететь ноутбук — он упадет на пол с криком поломанного безвозвратно железа. Потом он опустошит шкаф с книгами (его книгами, свои она уже убрала, и теперь они валяются под грудой белья) — несколько он изорвет, еще у нескольких он вырвет книжные переплеты, парочку он просто швырнет, и они шмякнутся об стену как что-то совершенно бесполезное и ненужное. Стул, старый деревянный стул... со всей силы надо ударить им по столу, надо сломать его, лишить его последних сил, чтобы больше никто никогда не мог бы сидеть за ним. И надо кричать — пока он будет ломать их дом, он будет кричать, и это будет самый отчаянный крик: «Я что, не любил тебя, да?! Я что, давал тебе слишком мало?! Что тебе нужно от меня, зачем ты издеваешься надо мной?! Тебе это так нравится, да? Нравится смотреть, как я тут все крушу, как я корчусь от боли, как я хочу и не знаю, что сделать, чтобы все вернуть назад, тогда, когда мы были счастливы?! Что же ты молчишь?! Аня, Аня!» А потом он подползет к ней на коленях — нет, это не унижение, так и должно быть — и будет извиняться, он будет целовать ее ноги; она попробует вырваться, но он будет держать ее

слишком крепко, он скажет, что любит ее, что она совершает ошибку, что то, что она делает, — это одно большое безумие, что если она уходит к *нему*, то *он* никогда не сможет полюбить ее так же, как Максим, что *он* не заслуживает ее любви и что Максим сделает все, чтобы она осталась, — он просто ее не выпустит, он же сильнее ее: он возьмет и выбросит ключи, оборвет телефонный провод, отключит электричество, и они будут сидеть в этой квартире до тех пор, пока она не образумится, пока не скажет ему, что готова начать все сначала, готова дать и ему, и себе еще один шанс...

Максим понял, что от таких мыслей начинает сходить с ума: окружающее стало каким-то плоским, ненастоящим; он понял, что перед ним сейчас вовсе не комната, а какая-то старая запыленная картинка, которую он уже где-то видел (у кого-то на стене, в рамочке) и на которую сейчас не отрываясь смотрит, — Аня, как заведенная машина, приводила эту картинку в движение: поворот налево — сгрести вещи — поворот направо — бросить в сумку — поворот налево — сгрести вещи — поворот направо... Что-то все время выпадало у нее из рук: неудивительно, движения слишком четкие, слишком механические, но он знал, что этот случай уже продумали, что все запрограммировано, что когда она закончит с этой чередой действий, запустится следующая: наклониться вниз — поднять (поднять максимально возможное из того, что упало) — выпрямиться — поворот направо — бросить в сумку — наклониться — подняться — подняться — наклониться... Максим зажмурился и потрянул головой: нет, так нельзя; здесь слишком душно — ему надо выйти, проветриться и обо всем подумать, подумать трезво; но если он сейчас оставит ее, то, когда вернется, Аня здесь уже точно не будет: он знал, что она не останется, чтобы подождать его...

Грань, где та грань, за которой все пошло не так? Когда он, когда они ее

переступили? Где он был в это время, что делал, о чем думала она, что ей хотелось? Почему он ничего не почувствовал, почему он все осознал тогда, когда уже стало слишком поздно, когда она сказала ему: «Я решила, что уйду от тебя»? Ему всегда казалось, что все под контролем: да, они стали ругаться чаще, да, он стал лазить к ней в мобильный телефон, но все это можно было исправить, все можно было вернуть назад, он всегда верил в это!..

Шкаф опустел. Аня быстро подобрала с пола упавшие вещи, рассовала их по карманам сумки; потом замерла на секунду, будто раздумывая: закроется или нет? Должна закрыться. Аня присела, стала утрамбовывать вещи, чтобы все плотнее уложилось, и попробовала застегнуть молнию: нет, не закрывается. Попробовала еще раз: сумка неприятно захрюкала, но поддалась. Осталась еще одна, которая поменьше, — она взяла ее и пошла в соседнюю комнату.

Таймер запущен. Максим тяжело вздохнул и отвернулся к окну: сколько еще? Пять минут, десять? Сколько у него еще времени? «У нас его столько, сколько мы захотим: все равно есть еще завтра и послезавтра, есть еще вся жизнь», — подумал он тогда; они устали и теперь сидели на лавочке, в парке; уже было довольно темно, и он чувствовал, что надо куда-то уходить, а так не хочется, так хорошо вот просто сидеть рядом и молчать... Максим ломал голову, как предложить ей сегодня пойти к нему. Можно сказать, что уже довольно поздно, что Ане опасно в такое время ехать одной, но все это — глупые отговорки. Она может легким покачиванием головы сказать «нет», и тогда он снова вернется домой один, в эти пустые и опротивевшие ему стены, получит от нее СМС, что «хорошо доехала, все нормально, не переживай. До скорой встречи», и еще долго не сможет заснуть в своей постели: он будет переживать их встречу снова и снова,

прокручивать в голове их непродолжительные диалоги (а все ли он правильно сказал? Не нагрубил, не наговорил ли чего лишнего?), думать о том, куда они пойдут в следующий раз, как это пройдет, что они будут делать и... «Как же ей идет это красное платье...» Ему показалось, что никогда, никогда до этого она не была такой красивой, как сейчас...

«Может быть, ей холодно?»

Ну и что, что лето, платье такое легкое, а у нее ни ветровки, ни кофточки — ничего с собой наверх нет. «Максим, было бы ей холодно, она бы тебе об этом сказала. А почему она должна мне это об этом говорить?» — Еще немного поспорив с собой, он все-таки пододвинулся поближе, приобнял ее за плечи и почувствовал, как она прильнула к нему. Они сидят вместе, обнявшись, — что может быть лучше этого, как он мечтал об этом! И ничто, ничто не способно испортить этот момент, испохабить, изругать его, сделать его таким же нелепым и пошлым, каким он делался всегда, когда Максим остро начинал понимать, что совсем ничего не чувствует, ничего не испытывает, что впереди его ждет лишь очередная связь, очередное разочарование, после которого к нему вернутся уже ставшие верными друзья — одиночество и скука...

Аня повернулась к нему — он сделал вид, что ничего не замечает; она же стала внимательно рассматривать его лицо, потом нежно провела рукой по его щеке (и кто ему помешал сегодня побриться?! А, ну кто?! Знал бы он!), дотронулась до нее губами, замерла на мгновение, а потом еле слышно прошептала: «Я тебя люблю...»

«Я тоже люблю тебя, Анечка...»

Он не помнил, что они еще тогда говорили, что они бормотали друг другу; он целовал и целовал ее, а она, как счастливый ребенок, как маленькая девочка, смеялась и улыбалась в ответ...

(Щелкнул выключатель. Значит, вещи собраны.)

...И в тот вечер она все-таки приехала к нему; когда она заснула на его плече, когда он лежал и слушал ее размеренное дыхание, слушал, как тихо и ровно бьется ее сердце, он понял: она приехала к нему не на ночь — она приехала к нему навсегда...

Аня зашла в комнату, наклонилась и поставила сумку. «Что, неужели только одна?» — «Нет, вторая слишком тяжелая, я оставила ее в коридоре» — «Хорошо, я сейчас заберу ее... Да, действительно тяжеловата... Как ты доехала?» — «Я не пожалела денег и заказала такси: водитель оказался таким добрым, что помог мне донести вещи до твоей квартиры». — «Я мог бы и сам...» — «Я тоже думала об этом, но мне, если честно, было просто неловко ему отказать...»

Максим сделал над собой усилие и заставил себя развернуться. Аня стояла, прислонившись к стене и уставившись в пол. Ему показала, она ждет чего-то: может, она хочет, чтобы он остановил ее? Да, остановил, пока не поздно? Он же уже сегодня думал об этом, зачем отбрасывать такие мысли в сторону?.. Или же она просто оттягивает тот момент, когда надо будет прощаться? Нет, она не сможет уйти, не сказав ни слова, им обоим нужно рассчитаться, нужно договорить то, что всегда умалчивалось, то, на что никогда не хватало времени... Да, все банально, Максим, она просто ждет такси: сумки все-таки тяжелые, а ее дом далеко отсюда; поэтому сейчас подъедет машина, она в нее сядет и благополучно уедет... Стоп. А как она донесет до машины вещи? Нет-нет, на водителя нельзя полагаться, водители же все разные бывают: один помог, а другой схамил и уехал... И что, ей придется ловить какую-то другую машину? Она же так может вообще не уехать!.. — Я... вещи... отнесу... Я отнесу вещи... — Максим никогда не думал, что говорить, — это так сложно.

Аня нахмурилась, потом удивленно посмотрела на него.

— Куда ты их понесешь?.. Зачем?..

тебя... Анечка... За что мне такое?.. — Он покачал головой и вытер руками лицо. — За что мне такое?! — Он снова вскочил, подобрал валявшийся неподалеку стул и швырнул его в коридор. — За что, за что, за что?! А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!..

Неожиданно он замолчал: ему показалось, что под шкафом что-то есть. Что же это такое, неужели она что-то забыла?! Она же должна была забрать все, все! Максим подбежал к шкафу, присел и нагнулся: да, там что-то есть. Интересно, что же это она ему оставила, какой подарочек? Он протянул руку (сколько же пыли!) и вытащил из-под шкафа черную вешалку.

— Аня, ты оставила мне целую вешалку! И она даже не сломана! Я рад, я чертовски рад, что ты решила не забирать хотя бы одну свою вешалку, она мне, б...ь, так пригодится, так пригодится! — с этим словами он начал гнуть ее пополам. — Аня, а это, оказывается, хорошая вешалка: чтобы она сломалась, надо приложить к ней усилий! Давай уже, ломайся! — Через несколько секунд он бросил в сторону то жалкое, что от нее осталось. — Аня, может, ты мне оставила еще что-нибудь, а?! А?! — Он снова нагнулся. — О, сколько же ты мне оставила, Анечка, я вижу еще что-то, сколько же ты мне оставила!!! Сколько же.... — Нет, это что-то слишком глубоко забилось внутрь, надо прилечь на пол... Как же неудобно... Вот-вот, рука нащупала что-то, так, какая-то тряпка, скорее, что же это, что же...

— Это неправда. — Максим присел и тупо смотрел на то, что держал теперь в руках. — Это неправда, это не может быть!.. Это не оно!

Но это было действительно оно, это было его любимое красное платье... Он пригляделся: какое же оно грязное, помятое, все в пыли, как же это?.. А где от него вешалка? Сломал, сломал от него вешалку! Для чего, зачем?! Зачем это нужно было делать?! Платье нужно повесить, срочно! Максим вскочил,

побежал в соседнюю комнату, открыл свой гардероб, скинул с первой попавшейся вешалки пиджак, брюки, еще что-то и вернулся в комнату. Нежно, чуть ли не целуя, повесил на нее платье и убрал в шкаф. Хорошо смотрится, хорошо. Максим закрыл дверцу, потом снова открыл, достал платье, еще раз посмотрел на него, поднес его к лицу и глубоко вдохнул. Только запах пыли и стирального порошка, нет того запаха духов, марку которых он благополучно забыл, как жаль, что нет того запаха...

«Я встречусь с ней, — пронеслось у него в голове. — Да, теперь я точно встречусь с ней, она же не захочет, чтобы платье оставалось у меня! Конечно, не захочет! И вот тогда, когда мы увидимся, я поговорю с ней! Я попробую, попробую еще раз убедить ее, она же выслушает меня и все поймет! Она вернется ко мне! Сомнения — да, она будет сомневаться, но надо рискнуть, Аня, надо еще раз попробовать, я обещаю, что все будет по-другому, я сделаю все для того, чтобы мы были счастливы! Все! Все!»

Он заулыбался; он почувствовал, как жизнь снова возвращается к нему, как дышать с каждым разом становится все легче и легче, и мысли становятся такими простыми, такими ясными... Как же все просто, Максим! Как же все просто! Он поднял стул, пошел и выбросил поломанную вешалку — выбросил... Он посмотрел на мусорку и сразу помрачнел — тень, самая маленькая тень сомнения неожиданно проскользнула мимо него: а что, если ей не нужно это платье? Да, конечно, оно тоже ей очень нравилось, но у нее же их столько!.. Да и так понятно, что если она не захочет с ним встретиться, то никакое платье, никакие уговоры не помогут, не разжалобят ее, она просто скажет: «Извини, я не могу, много дел сегодня» (ее классическая отговорка), и все. «Никаких шансов, Максим, и не нужны никакие заготовленные и не заготовленные речи, не нужно ни-

какое платье, не нужен ты сам — это что, так сложно понять? Она просто выбросила тебя, Максим, выбросила, а ты еще собираешься унижаться перед ней, что-то выдумывать, что-то делать, что-то изобретать, тереться об нее, как преданный пес, который поджал сейчас хвостик, потому что страшно, страшно без хозяйки, плохо, непривычно, что вот она просто взяла тебя и оставила... Она никогда не этого делала раньше, и ты никак не ожидал этого от нее... И что теперь? Ты хочешь, чтобы эта красная тряпка оставалась у тебя в доме? Будешь смотреть на нее, стирать, гладить? Тебе что, так хочется, чтобы у тебя осталось живое напоминание о том, кто тебя бросил? Чтобы каждый раз смотреть на это гребаное платье и думать: “Как же у нас все было...” Вот именно, Максим, *было*. Теперь все кончено, она ушла от тебя, и все, что тебе нужно сейчас сделать, — это порвать с ней, да-да, потому что она порвала с тобой, а ты — еще нет. Выброси его, Максим. Просто возьми и выброси, как выбросил сейчас вешалку. Это сложно? Да, а кто говорил, что будет легко? Ты должен это сделать, Максим, понимаешь, должен, ты должен порвать с ней, выброси его, она больше не любит тебя, выброси, выброси!» Он метнулся в комнату, вот он — шкаф, он распахнул дверцу, он хотел схватить его, схватить и...

— Не могу. — Он отпрянул в сторону — Я не могу это сделать.

«Ты ничего не можешь сделать, Максим. Да, пусть я жалкий, жалкий и слабый, но я все равно не сделаю этого. Не сейчас, все слишком сложно...» Он отступил еще на шаг: платье продолжало спокойно висеть, как будто совсем не понимало, что сейчас его хотели взять и бросить навсегда в урну, да и как платье может что-то понимать? Это смешно! Это просто вещь, очередная вещь...

— Анечка... Анечка... — Он увидел, как Аня подходит к шкафу, как снимает платье с вешалки, как

идет в коридор к зеркалу, чтобы примерить его.

«Не слишком ли ярко для театра? По-моему, это немного вульгарно». — «Нет, что ты: мы придем туда, и ты будешь самая красивая; ты всех затмишь: все будут смотреть не на сцену, а только на тебя». — «Как хорошо, что ты нашел время, чтобы выбрать-ся из дома». — «Это было совсем несложно, как мне показалось вначале...» — «Тебе надо обо всем подумать. Максим, нельзя вот так стоять перед зеркалом с моим платьем в руках и воображать, что я здесь: это ненормально...» — «А что же мне делать?» — «А ты еще не определился, что тебе делать, пока ты просто мечешься из стороны в сторону, а так нельзя». — «И как же мне опреде-

литься?» — «Не знаю, у каждого это-го происходит по-своему. Но я хочу, чтобы ты знал, Максим. Я люблю тебя и хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Я не сказала тебе этого, когда уходила, но это так и есть, поверь мне». — «Я тоже люблю тебя». На это она улыбнулась, взяла платье и повесила его обратно в гардероб.

«Надо подумать, мне надо обо всем подумать...» Он еще немного постоял перед зеркалом, ожидая, что Аня вернется и скажет еще что-нибудь, но она больше не выходила из комнаты. «Максим, ты понял, что она тебе сказала? К тому же ты уже хотел сегодня выйти и немного проветриться...» Да, понял, на этот раз он действительно все понял: он надел свои старые кроссовки (заодно надо

зайти в магазин, посмотреть цены...), взял на всякий случай джинсовку (вдруг станет холодно?), на секунду вспомнил о платье — да, пока оно просто повисит у него в шкафу: места же много! — и вышел из квартиры. Он не знал, сколько ему понадобится времени на то, чтобы все осмыслить, чтобы все наконец-то прояснить для себя, но выйти отсюда, просто выйти и чуть-чуть прогуляться — сейчас для него это было единственным правильным решением. Как будто еще немного мешкая, он потоптался на лестничной клетке; потом все же спустился, медленно открыл подъездную дверь и пошел вперед, совершенно не разбирая дороги и не различая ничего вокруг для себя.

г. Москва

Виктор АФОНИЧЕВ

КЭШ

Повесть

Продолжение. Начало в № 7–8 за 2011 г.

6.

После того, как Перепелкин в тот судьбоносный воскресный вечер покинул Жижина и Антона, внук с дедом разбрелись по разным уголкам дачного участка и занялись каждый своим делом. Антон на чердаке, лежа на старенькой тахте, слушал плеер и смотрел журнал «Мир авто». Глянцевые картинки с «мерседесами», «роллс-ройсами», «ягуарами», «бьюиками», «феррари», «ламборджини», «бентли» в интерьере с красивыми домами и яркими девицами манили в сказочную страну, пропуском в которую являются деньги, причем много денег. «Сколько надо

бабла рубить, чтобы так жить? — размышлял он. — Мать — крутая, дед вообще конкретный мужик, и то таких денег не имеют. Кто может себе позволить такую роскошь?»

Тем временем Виктор Алексеевич, сидя в беседке, просматривал газеты. Сняв наушники и выключив плеер, Антон, крича сверху, обратился к Жижину:

— Дед, а почему ты «хаммер» не купишь?

— На какой ляд он мне сдался, Антоша? — ответил Виктор Алексеевич, оторвав взгляд от газеты.

— Прикольнo.

— Кафтан по плечу мерить надо.

— У нас в Захолустье есть же «хаммер», — продемонстрировал свою осведомленность внук.

— Знаю. Бандит он. — Дед оказался тоже в курсе местных дел.

— А что, бандитам можно на таких тачилах ездить?

— Видишь ли, для него это является показателем, на какой он стоит ступени лестницы бандитской иерархии. Как для военного — звание, так для бандита — автомобиль. Мерило успешности в карьерном росте. Примерно где-то на генерала метит, — высказал свои соображения Жижин.

— Почему он без номеров ездит? Крутой? — допытывался Антон.

— Нет номеров, значит, автомобиль не поставлен в ГАИ на постоянный учет. Машина мощная, налог большой надо платить. А так только штраф, и то если милиция остановит. Я подозреваю, наши местные блюстители порядка к нему вопросов не имеют. Поэтому и катается по улицам Захолустьева без номеров. Мне кажется, он просто экономит деньги.

— Выходит, он — обычный гопник?

— Антоша, я не знаком с бандитской терминологией и не разбираюсь в их иерархии. И вообще, много для них чести, если мы будем их обсуждать.

— В школе пацаны говорят, что того чувака на «хаммере» зовут Гриней, и он — местный положенец. Москва его назначила смотрящим над нами. В соседнем районе другой смотрящий, и так по всей стране. Правда ли это? — задал внук очередной каверзный вопрос.

— Все может быть. Времена смутные, — пояснил дед.

— Если он — бандит, почему его не посадят в тюрьму? — не унимался Антон в поиске истины.

— Дойдет очередь. Не всех же сразу, — Жижин постарался более или менее логично объяснить положение дел в государстве.

— Я тут на днях видел, как этот «хаммер» к даче начальника милиции подъезжал, — не очень объяснимый факт привел Антон.

— Работа с осведомителями, — пришла на ум Виктору Алексевичу фраза из когда-то прочитанной детективной литературы.

— Дед, какие осведомители, если он — главный бандит района?!

Неплохая получилась реплика.

— Я не о нем.

Где-нибудь на ток-шоу эта фраза прошла бы под бурные аплодисменты.

— А тот — главный милиционер района? — наседал внук.

— Тогда корректировка плана совместных действий, — ответил Жижин с кислой улыбкой.

— Все шутишь. Seriously не можешь объяснить, — с обидой сказал Антон и, надев наушники, продолжил слушать музыку и рассматривать фотографии.

— Братва — народ официозный. Где тут все объяснишь. У самого голова кругом идет. Что такое хорошо? Что такое плохо? У Маяковского только все складно получалось, — произнес Жижин уже в пустоту.

Рассказ Антона навеял ему воспоминания почти пятнадцатилетней давности. В начале 90-х у него обворовали дачу. «Обворовали» — сказано, наверное, неправильно, так как ничего не взяли, да и брать было нечего. Глубокая осень, сезон закончился, все пожитки, инструмент, инвентарь были увезены в гараж. А вот напакостить — напакостили. Вскрыли половицы, все перевернули. Сначала Жижин не мог понять, зачем. Не найдя разумного объяснения, кроме как что под полом у него в доме искали клад. Стало смешно. «Святая наивность! Кто же сейчас деньги и драгоценности хранит таким образом?»

Распространяться по этому поводу не стал. Но земля слухом полнится. Для Захолустьева это событие. «Как?! Самого Жижина обчистили! Так ему, кровопийце, и надо!» На следующий день весь город судачил об этом.

Особой активностью отличались те, кого с потерпевшим никогда не сводила судьба. Слухи дошли и до начальника местной милиции, он тут же позвонил Виктору Алексевичу и предложил свою помощь. Жижин отблагодарил за оказанное внимание и объяснил, что ничего не украли, а только причинили неудобства. Произошел короткий разговор, в конце которого начальник милиции произнес: «Виктор Алексевич, если, не дай бог, что случится, обращайтесь ко мне напрямую».

Случай обратиться представился где-то месяца через два. У главного энергетика завода ночью из гаража украли «шестерку». В городе в то время транспорт регулярно угоняли — и с концами. Виктор Алек-

сеевич, не веря особенно в успех, скорее чтобы отметить в сочувствии к подчиненному, сам позвонил начальнику милиции. Через два часа после разговора автомобиль был найден. «Когда захотят, значит, могут? Или что-то другое?» — окончательных выводов он не сделал, но событие отложилось в памяти в раздел загадок.

Может быть, Жижин и дальше бы продолжал регулярно напрямую обращаться за помощью к начальнику службы ОЗ, но вскоре появились ЧОПы (частные охранные предприятия), которые улучшили обстановку с воровством и угонами. Граждане стали свои авто оставлять на платных стоянках, садовые общества взяли под охрану ряженные под казаков. В школах ввели на входе фейс-контроль, коттеджи обнесли заборами, на въезде поставили шлагбаум. То есть они легализовали свои доходы. И им хорошо, и в государстве относительный порядок, и нам спокойнее. А если насчет денег? То нас с 1917 по 1991 год учили, что деньги — зло.

Жижин набрал в колодце ведро воды. Солнце шло на закат, лучи света, играя красками, преломлялись от поверхности воды. Необычность тонов заставила присмотреться: масляное пятно. «Грязное ведро? И почему?» — задал себе вопрос. Не найдя разумных объяснений, вылил воду на траву. Набрал снова. История повторилась. Прodelав эту процедуру несколько раз и добившись нужного результата, пошел в домик готовить ужин и заодно обед на завтрашний день, размышляя, как нефтепродукты попали в колодец.

Ели молча. Тишину нарушил Жижин:

— Антоша, скоро мы станем богатые, как Абрамович.

— Что, твоя бабка, а моя прапрабабка еврейкой оказалась? И только сегодня это вскрылось? Или ты знал и все время молчал о своем национальном происхождении? Нехорошо дед, — растягивая каждое слово, произнес Антон.

— Существеннее причина, — спокойно ответил Виктор Алексеевич.

— Тогда, дед, у меня другой вариант — в мasonry ты подался с перспективой на магистра ложи.

— Нет. Источник богатства под нами, — с прищуром в глазах пояснил Жижин.

— Что ты опять гонишь?! Вместо выращивания на дачном участке огурцов и редиски будем с тобой нефть качать? Бабушка откапает свой самогонный аппарат, который она при правлении Раисы и Михаила Горбачевых припрятала. Если, конечно, вспомнит место, куда его закопала. А то получится, что через века устами удачливого археолога в передачу «Что? Где? Когда?» запулит вопрос знатокам: «Что это такое? И почему этот предмет прятали в конце XX века?» Считаю, шансов у знатоков нет, выигрыш достанется археологу. Или тебе, дед, для избавления знатоков от каверзного вопроса придется у знакомых военных миноискатель брать. Правда, не исключено, что уже до этого в девяностые годы местные кладоискатели, дырявя землю железными прутьями, где-нибудь глубокой осенью не прошли в поисках сокровищ и не откапали нашу ценность. Подумай сам. Где им еще в Захолустье сундуки с золотишком искать, как не у тебя на дачном участке? И тогда не видать нам крекинга на самогонном аппарате. А предки не составят конкуренцию «Сибнефти» по продаже бензина в нашем регионе.

— Антон, все испортил ты, — избражая сожаление, произнес Виктор Алексеевич.

— Дед, а ты в мои годы вел в сказки?

Жижин задумался, что-то вспомнил, погрустнул.

— Не знаю, не знаю, — он немного помолчал. — Воду с колодца набирал, а в воде масляные пятна были.

— Да местный лузер бензин или масло пролил. Сколько их тут в округе землю рыхлят мотоблоками. Через грунтовые воды в колодец к нам и попало.

— Нет романтики у тебя, полета фантазии, — произнес Жижин. «А может, и хорошо», — подумал про себя.

Остаток дня коротали за телевизором, прыгая с одного канала на другой. Ровно в одиннадцать вечера Виктор Алексеевич пошел спать. Антон остался щелкать пультом дальше: каникулы.

7.

Минут за десять до прихода служебной машины Виктор Алексеевич уже прохаживался вдоль забора своего дачного участка. Меря шагами расстояние от угла до угла, собирался с мыслями, готовился к рабочему дню. Утренний променад еще являлся в какой-то степени зарядкой. Ритуал, выработанный годами, безотказно работал, через десять минут он будет в тонузе.

В семь двадцать автомобиль остановился около заводууправления. Глазам Жижина предстали несколько работников, не спеша идущих в сторону проходной, да дворник, из шланга поливающий клумбу. Быстрыми шагами Виктор Алексеевич прошел в здание. На вахте поздоровался с охраной. Это контингент женщин, возглавляемых мужчиной, наряженных в зеленые пятнистые куртки и такие же брюки, которые портят любую фигуру, в возрасте от восемнадцати лет и значительно старше, приходящие на работу на сутки через двое, заработная плата небольшая, но график работы их устраивает. Поднялся на второй этаж. В приемной его уже ждал Попрыгаев. «Как же без него? — подумал Виктор Алексеевич. — Как обязательный утренний кофе для любителей этого напитка. Так для меня он. Интересный типок. Пенсионер, а все нейметя, интриги плетет старый хрыч. Почему его держу? Оказывается, нужен такой человек. Погрязли без него бы в болоте. А так будоражит народ, тину разгоняет в коллективе».

— Заходи, Владимир Никитович. — Жижин, открыв дверь в кабинет,

пригласил Попрыгаева пройти. Тот, переминаясь с ноги на ногу, походкой пингвина проник внутрь. — Присаживайся, дорогой, — указал Жижин рукой на одно из кресел, стоявших около большого переговорного стола, сам сел напротив.

Они были ровесниками. Когда Жижин приехал в Захолустье, Владимир Никитович уже работал начальником цеха. Трудился хорошо, план подчиненные выполняли. Сам лично принимал активное участие в общественной жизни страны. Каждый год на демонстрациях 1 Мая и 7 Ноября носил флаг какой-либо союзной республики или портрет члена политбюро. На заводских смотрах художественной самодеятельности пел вторым голосом в цеховом хоре, никогда не пропускал соревнований под девизом «Сибиряк — значит лыжник». Еще старался не пропускать ни одной юбки. И тут все в порядке. Связи на стороне были, порочащих последствий не зафиксировано. Жена, ребенок. В общем и целом — активист, ударник, передовик, лидер трудовых масс, активный строитель коммунизма до 1991 года.

Время было тревожное — гонка вооружений на дворе, соревнование двух систем (социалистической и капиталистической). С одной стороны, человек человеку — друг, товарищ и брат; с другой — кругом волки. И вот волки хотели загрызть товарищей. Те, в свою очередь, тоже были не прочь поквитаться с хищниками. Поэтому каждый год — новое изделие; ударный труд в конце месяца, ночью и под Новый год. При такой частоте запуска в производство новых номенклатур возникла необходимость ввести на заводе должность заместителя директора по новым направлениям. Попрыгаев по всем требованиям партии подходил на этот пост, поэтому выбор Жижина и пал на него. Не подводил Владимир Никитович, оказанное доверие оправдывал.

В конце восьмидесятых годов двадцатого столетия при поиске

руководством страны социализма с человеческим лицом было найдено много общего с поздним капитализмом. В итоге — братание с вчерашними потенциальными противниками и полностью отсутствие интереса к собственному народу. КГБ вместе с комсомолом, откорректировав устав старой партии и сменив название, на бывшей базе создал партию новой формации.

В то время пробил срок уходить Попрыгаеву на предоставляемую государством пенсию. Мечты на перспективу были общественно-полезные — заняться воспитанием внуков. Предварительно, посчитав свои новые доходы и отняв возможные расходы, получил: средств не то что на воспитание не хватает, их нет вообще. Обеспеченной старости не получилось. Вывод: отдых откладывается на потом. А сейчас необходимо продолжать трудиться, трудиться и трудиться. Будучи по натуре авантюристом (у нас руководители другими не бывают; но, надо заметить, авантюристом, стоящим на реалистической платформе), понимал, что должность его в новых условиях не нужна. Новых изделий нет. Пришло время изобретателей в другой области — в финансово-экономической со спецификой на бросок. Чем больше народу кинул, тем ценнее идея, гениальнее изобретатель. Нашлись в государстве масштабные гении, целая страна одним махом.

Владимиру Никитовичу пришлось срочно адаптироваться к новым условиям. Правда, рожденным в СССР не привыкать приспособливаться, вся прожитая жизнь в этом заключалась.

Таким же утром Попрыгаев в приемной дождался Жижина и в беседе с глазу на глаз предложил ему вариант своего дальнейшего трудоустройства. Тот, хотя решение принял сразу, попросил паузу в несколько дней на обдумывание. Через неделю Виктор Алексеевич своим приказом должность заместителя директора по новым направлениям

упразднил, а Владимира Никитовича перевел с тем же окладом на место помощника директора по гражданской обороне.

Кто никогда не читает вывесок, никакой перемены и не заметит. Попрыгаев сидел в том же кабинете и так же исполнял, как и прежде, с энтузиазмом, въедливостью, пунктуальностью любое указание директора. Поручения были разнообразными, начиная от курирования конкурса «Лучший по профессии» и отслеживания мероприятий по подготовке цехов к зимнему сезону и заканчивая контролем сроков изготовления продукции в Буркина Фасо или Тринидад и Тобаго. Все это подразумевало укрепление гражданской обороны предприятия. Личное участие Попрыгаева придавало процессу кипучесть, здоровое волнение исполнителей, так как он являлся дополнительными глазами, ушами и резервным мозгом шефа. А утром пораньше шел в приемную: не мог держать мысли, факты, прошедшие события в себе, все выплескивал директору. Жижин информацию накапливал в голове, фильтровал и после принимал решения по тому или иному вопросу. Один как бы участвовал в управлении предприятием, другой как бы убеждался в правильности задуманного.

— Вот, э-э-э... — Попрыгаев, не изменив себе, начал издали. — Федор Юрьевич (заместитель директора по кадрам и безопасности) вам ничего не докладывал?

— Докладывал, много что докладывал. Конкретно о чем? — приняв стиль общения, предложенный собеседником (догадайся сам, о чем я тебе хочу сказать), спросил Виктор Алексеевич.

— В архиве я документы просматривал по бомбоубежищу, — делая остановки после каждого слова, произнес Владимир Никитович. — Приказ Совета Министров на глаза попался... — выдержал он паузу, — ...датированный 1955 годом, — еще

раз выдержал паузу. — О строительстве в Захолустье Пимокатного завода.

— Я понял твою мысль, — сообразив, куда клонит подчиненный, быстро, как из пулемета, выпалил Жижин. — Все мы считаем, что нашему заводу чуть больше тридцати лет, а тут оказывается, в этом году юбилей — полтинник. Так?

— Так, — ответил Попрыгаев.

— Спасибо, Никитович. Следишь за обстановкой, — поблагодарил Жижин и, смотря прямо в глаза, спросил: — Думаешь, надо солидно отметить это событие?

— Виктор Алексеевич, и дата круглая, и мы с вами, извините, в том возрасте, что итоги уже надо подводить, — не отводя глаз, ответил Попрыгаев и тут же задал встречный вопрос: — У вас контракт заканчивается в начале следующего года?

— Да, — ответил Жижин, про себя подумав: «Нигде я не афишировал, а он все знает. Точно, штатный сотрудник органов. Какую им он информацию сливает? По моему заданию курирует мои вопросы, по их заданию курирует меня. Молодец».

— Вот и повод есть напомнить о себе с хорошей стороны перед Москвой и областью, — до конца высказал свою мысль Попрыгаев.

— Спасибо, Владимир Никитович. Будут вопросы, заходи, — вставая из-за стола, тем самым давая понять, что время разговора закончилось, произнес Жижин.

После ухода подчиненного Виктор Алексеевич подошел к окну, раздвинул пальцами жалюзи и стал наблюдать, как народ, торопясь, струйками движется на работу.

— Почти одни пенсионеры! Кто будет на производстве лет через пятнадцать работать? — произнес он вслух и подошел к коммутатору. — Наталья Николаевна, на восемь тридцать, как обычно, всех первых замов, начальников отделов и еще профсоюз пригласите ко мне.

— Хорошо, Виктор Алексеевич, — приняв указание, ответила секретарь.

В начале своего руководства такие планерки с ведущими специалистами Жижин проводил за пятнадцать-двадцать минут, теперь редко когда укладывался в один час. Такой длительный регламент раньше был принят только для больших совещаний, сейчас они растягивались до трех часов.

В назначенное время приглашенные на планерку собрались в приемной. В восемь тридцать секретарь, предварительно получив разрешение от директора, пригласила их пройти в кабинет. Рассаживались строго по ранжиру, каждое место соответствовало определенной должности. Шум от двигающихся кресел, шуршание одежды, перелистывание ежедневников — поиск нужной страницы, шепот плавно прекратился. Тела вошли в притертые с годами положения. Замерли. Тишина.

— Здравствуйте, — поприветствовал собравшихся Виктор Алексеевич.

«"Господа" не было произнесено, значит, у "тяти" хорошее настроение, выволочки сегодня не будет», — обратили внимание подчиненные.

— Мне надо с вами посоветоваться, — начал совещание Жижин.

«Демократ выискался. Не ошибиться бы. Нужно понять, что он хочет, и правильно выступить», — напрыглись персонажи данного действия.

— Все здесь сидящие забыли, что в этом году исполняется пятьдесят лет, как принято решение о строительстве нашего предприятия. — Виктор Алексеевич наиболее громко произнес слово «сидящие». — Значит, делаю вывод — не живете вы жизнью завода, решили свои проблемы — и домой. — Жижин, обведя всех взглядом, спросил: — Что, будем праздновать или нет?

Тела зашевелились, легкая вибрация, небольшой гул.

— Безусловно, упустили мы этот вопрос, — первым отреагировал на ситуацию заместитель директора по производству. — Но, думаю,

все поправимо. В сентябре — День машиностроителя, вот и приурочим к этой дате наш юбилей. Считаю, надо пятидесятилетие отпраздновать достойно. Пригласить нашего губернатора, мэра, товарищей из Москвы (отметив про себя: зачем-то же заводской профсоюзный лидер приглашен на совещание?). — Добавил: — Областных руководителей профсоюза. Организовать фуршет и концерт, конечно, — чтобы не взять на себя лишнего, закончил свою речь следующим: — Предлагаю создать инициативную группу, назначить старшего, а они уже, в свою очередь, определятся со сметой, кого пригласить конкретно, и так далее. У меня все, Виктор Алексеевич.

Жижин, явно довольный выступавшим, одобрительно кивнул головой.

— У кого еще будут какие предложения? — спросил он.

— Надо, надо... — хором заголосили присутствующие.

— Если вы настаиваете, что это событие необходимо отпраздновать, то я подчиняюсь общему мнению. Назначаем старшим Бабло Дмитрия Михайловича (заместителя директора по общим вопросам, а именно по общим вопросам Дмитрия Михайловича и Виктора Алексеевича). Ему даем указание разработать программу праздника, подготовить смету затрат и в течение этой недели все документы утвердить у меня. — Повернувшись к лидеру рабочего движения, добавил: — Также попрошу профсоюз принять активное участие в организации юбилея. Необходимо пригласить председателя областного профсоюзного комитета. Он, естественно, с пустыми руками не придет, поэтому надо определиться с ним, кого и как наградить. Предварительно список награждаемых согласовать со мной.

— Хорошо, Виктор Алексеевич, — согласился профсоюз.

— Если у вас нет вопросов, то я вас больше не задерживаю. — Из-за ненадобности дальнейшего присутствия на совещании лидера рабочего

движения Жижин отпустил того восвояси.

Профсоюз удалился. Тела опять зашевелились в предчувствии намечающегося мозгового штурма. Понедельник, с утра заведено было решать основные организационно-производственные вопросы на предстоящую неделю. Жижин требовал с подчиненных отчет, конкретные предложения, поднимал с места одних, сажал других. Сегодня атака захлебывалась. Стрельнуть словами у присутствующих как-то еще получалось, и то процесс был больше похож на беспорядочное отстреливание при бегстве, но никак не подходил под наступление.

— Завтра мы останавливаемся из-за отсутствия материалов, — голосил один.

— Комплектацию мы всю предоставили, — перечил ему другой.

— Мы ничего не можем собрать, у нас ни по одному изделию полностью не закрыт дефицит, — продолжал причитать первый.

— Вот перечень, что мы поставили, — размахивал пачкой бумаг второй.

— Вот заявка, что нам надо, — еще более увесистой кипой листов тряс его оппонент.

— Совершенно разучились производственники у нас работать. Нет титана на заводе, и сидят сложа руки, но зато без дела алюминий разного профиля лежит на центральном складе. Пусть конструктора с технологами посмотрят, посчитают, замену сделают, — расплылся начальник снабжения. То опуская глаза в свою записную книжку, то снова их поднимая, выдавал тирады в виде готовых решений: — Видел я эту маслобензостойкую резину. Ну и что?! Выглядит, как обычная. А этой у нас навалом. Если надо, то сертификат напишем любой. Серебряные и биметаллические контакты действительно дефицит. Поэтому предлагаю поручить электроцеху выпаять их на программу этого месяца из старого ненужного оборудования.

— Кто потом за все отвечать будет?! — непонимающий возглас одного из присутствующих.

Всплыли извечные, никуда не девающиеся два российских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Виновных, если будет такая необходимость, конечно, назначат. Вот со вторым вопросом сумбур. Каждый уверен в том, что он ничего делать как раз и не должен.

«Тут хоть мозговая атака, хоть метод Дельфи — результата не будет. Бояться уже перестали, а вот по-новому еще не научились работать», — подумал Жижин, и в голове родилось сумасбродство, после чего предложил следующее:

— Может, нам нефть начать добывать? Дырку пробил — и вперед! Никаких проблем. Только деньги на счет капают. Продукт ликвидный, технология годами не меняется, ничего изобретать не надо и соответственно думать. Как раз нам подходит такая работенка! А если для минимизации трудовых затрат еще таджиков нанять! Рентабельность будет сумасшедшая! Хорошая прибыль, хорошие премиальные будут всем руководителям подразделений. Как думаете?

— Это в соседней области нефть есть, у нас ее нет, — произнес кто-то из присутствующих с сожалением, можно сказать — криком души.

— Кто вам сказал? — Жижина понесло дальше. — Вот я вчера на даче в колодце воду набирал, а в воде масляные пятна! Это о чем говорит? — обвел взглядом своих топ-менеджеров, сам же и ответил с железной уверенностью в голосе: — Все признаки залежи нефти!

Кто-то понял, а кто-то и нет. Очень тонкая грань между реальностью и фантазией, психическим здоровьем и болезнью. Особенно трудно она различима, когда кругом только прожекторы и простакки. Простакки верят во все что угодно. Они убеждены в наступлении конца света на следующей неделе и одновременно ожидают улучшения своего финан-

сового положения к концу года. Наивняк с вожделием смотрит в рот комбинаторам и ждет будоражащих новостей. Для них такая информация — как уголь для паровоза. Пока она есть, они бегут, дымят и свистят.

В конце дня к Виктору Алексеевичу с планом под названием «Мероприятия по разработке нефтяного месторождения имени В. А. Жижина» зашла начальница отдела маркетинга Любовь Ивановна Веселова. Документ был уже всеми подписан, осталось только утвердить его у директора. Жижин с интересом взял принесенную бумагу и глазами побегал по тексту.

«Пункт 1. Юридическому бюро решить вопросы по законности добычи нефти.

Пункт 2. Отделу главного технолога подобрать технологию под местные условия.

Пункт 3. Конструкторскому отделу разработать необходимое нестандартное оборудование.

Пункт 4. Отделу кадров подобрать персонал для работы на буровой среди лиц таджикской национальности».

На четвертом пункте остановился. «Да... — подумал Виктор Алексеевич, еще отметил про себя: — Темперамент у нее с годами не проходит, а ума особо и раньше не было. Импульсивность дам привлекает и заводит, когда сам полон сил. Глупость женщин, с пропаданием интереса к ним, начинает раздражать все больше и больше». Не собираясь долго разговаривать, произнес:

— Любовь Ивановна, оставь бумаги. Я их рассмотрю позже.

8. Геннадий Алексеевич Агапеев вышел после совещания в хорошем настроении. «Во всех службах кроме моей — бардак. Ко всем были нарекания со стороны директора, только бухгалтерия обошлась без замечаний. Жизнь просто прекрасна», — с такими греющими душу выводами он, важно вышагивая, направился к себе в ка-

бинет. За ним увязался начальник БИХ (бюро инструментального хозяйства) Семенов.

— Гена, мне тут историю рассказали про главного бухгалтера смежного нам предприятия. — Микропауза, можно сказать, на вздох, и продолжение повествования. — Значит, он всю жизнь отработал на одном заводе.

— Ты на что намекаешь? Сколько можно этим попрекать? — с раздражением отреагировал Агапеев. Далее более спокойно продолжил: — Тогда меня бес попутал, согласился возглавить одну из финансовых пирамид. Знакомые соблазнили большими деньгами, будь они неладны. Я там месяц даже не отработал. Сразу, как понял, куда я вляпался, так к нашему «тятю» прибежал и упал в ноги со словами: «Виктор Алексеевич, прости меня, пожалуйста, возьми обратно». Вот и вся история. — И еще в заключение добавил: — Да и давно это было.

— Как ты мог подумать! Чтобы я тебя упрекнул в чем-то?! Упаси бог! — эмоционально, со стороны могло показаться, что даже искренне, возмутился Семенов. — Там ситуация другая. Главный бухгалтер того предприятия каждый раз перед началом работы заглядывал в один и тот же ящик письменного стола. Всех его сослуживцев это страшно интриговало. — Следующее предложение Владимир Александрович произнес голосом заговорщика: — На следующий день, как он вышел на пенсию, сотрудники открыли ящик, а там листок, на котором написано: «Дебет — слева, кредит — справа».

— Семенов, не смешно, — остановившись около дверей своего кабинета, произнес Геннадий Алексеевич.

Начальник БИХ уже не слышал этого, его интерес был направлен на девушек-бухгалтеров, которые в коридоре с документами на подписи ожидали своего шефа. Грациозно шевеля плечиками, стуча каблучками и держа впереди себя листки бумаг, они пытались подобрать к телу главного бухгалтера. Самая проворная вслед за Агапеевым про-

скользнула к нему в кабинет, двое остались стоять около дверей.

— Здравствуйте, девочки, — таким ухарем поприветствовал их Семенов.

— Здравствуйте, Владимир Александрович, — звонко хором ответили девочки. Девочкам этим было около тридцати лет. Ему чуть за сорок.

— Как уик-энд? — играя бровями, спросил Семенов.

— Хорошо, — так же звонко дуэтом пропели бухгалтера.

— А я вот в эти выходные в немильность к жене попал, — опустив глаза и склонив голову, констатировал сей факт Владимир Александрович.

— И что так? — спросила одна из них.

— Мою записную книжку супруга решила полистать, а там напротив номеров телефонов Людмилы и Галины (имена собеседниц) стоит буква «Б». — Подняв голову и наведя глаза в потолок, произнес: — Скандал был. Долго пришлось объяснять, что это не то, что она думает, а всего лишь обозначает бухгалтерия. Мне кажется, она до конца не поверила. Если будет звонить, подтвердите.

— И что подтвердить? — лукаво улыбаясь, спросила теперь уже другая девушка.

— Бухгалтерия, конечно, мои ненаглядные, бухгалтерия, — удаляясь, пояснил Семенов.

Приняв посетителей и подписав все бумаги, Геннадий Алексеевич сел в удобное кожаное кресло и посмотрел в окно. Лето. До конца недели оставалось доработать — и в отпуск. Они с женой в этом году едут к родственникам в Анапу. Билеты уже на руках. Поезд, купе, чемоданное настроение. Предвкушение моря, солнца, домашнего вина, фруктов. Радующие глаз загорелые женские тела, от моря и солнца благоухающие свежестью. Ветренность в мыслях и поступках. Юг, юг...

Мечты прервала Анна, появившаяся на автомобильной стоянке. Она бегом, семена ногами в туфлях на высоком каблуке, развевая юбкой в сборку, сверкая голыми

коленками, в глубоко расстегнутой кофточке подскочила к только что подъехавшей машине. Из иномарки с затемненными стеклами, опустив окно, высунул бритую голову «пацан» лет тридцати. Он что-то ей говорил, она что-то отвечала, плавно в такт речи, как тоненькое деревце на ветру, покачиваясь из стороны в сторону. Разговор был недолгий, как подошла, так же быстро и упорхнула. «Что ее связывает с этим полубандитом?» — задумался Геннадий Алексеевич. Еще где-то в глубине мозга в самом затаенном углу шевельнулась другая мысль: «А что ее может связывать со мной, с полуинтеллигентом в первом поколении?» На оба этих вопроса он так и не нашел четкого ответа.

Все началось чуть больше года назад. Геннадий Алексеевич по «электронке» получил послание: «Извиняюсь за мое вторжение в Вашу жизнь. Нет возможности больше скрывать. Вы мне очень нравитесь как зрелый, состоявшийся мужчина. Мне ничего не надо, я мечтаю только о редких, коротких встречах. Может, конечно, все это зря». Обратный адрес отправителя: blondinka90_60_90@mail.ru.

Если дама одинока, то Агапеев никогда не чурался посетить ее дома. Если обременена мужем, тогда предлагал отъехать на автомобиле за город. Это послание пахло романтизмом. Он был готов к адюльтеру, но никоим образом к высоким чувствам. Любой роман в его понятии должен завершаться хеппи-эндом, то есть с чего начался — тем и закончиться. А именно — жена утром провожает его на работу. Поэтому, терзаемый противоречиями, так и ничего не смог написать в ответ.

Через неделю получил повторное письмо: «Я Вас понимаю. Вы занятой человек. Простите меня, что я позволила проявить к Вам интерес». В этот раз Геннадий Алексеевич не выдержал и все-таки наступал на клавиатуре: «Не надо извиняться.

Судя по посланиям, Вы — молоды. Мне льстит Ваше внимание. Но мне 48 лет, обременен семьей. Что я могу Вам дать? Наспех короткие встречи, прячась от людей». Ответ пришел сразу: «Не отвергайте меня. Я согласна на любые условия!!!» Агапеева бес ткнул под ребро.

Вот так и завязались отношения у Геннадия Алексеевича с Анной. Она работала в заводской бухгалтерии, и было ей 26 лет. За этот год Анна из рядовых бухгалтеров по карьерной лестнице шагнула на должность руководителя группы. В день рождения получила в подарок лично от Геннадия Алексеевича колечко с фианитом. А также с момента их близкого знакомства стала каждый месяц приглашаться в заводскую кассу, чтобы расписаться в ведомости за дополнительную премию. Все это происходило, конечно, не без участия Геннадия Алексеевича, но и Анна старалась. Контакт у них после работы был плотный, поэтому он смог разглядеть в ней специалиста, а ей представилась возможность раскрыться как профессионалу. Все по-честному!

К исходу обеденного перерыва, когда Агапеев увлеченно раскладывал за компьютером пасьянс, сотовый телефон, лежавший на столе, пытаясь спрыгнуть, побежал на край, по ходу издавая звук: «Вжи, вжи». Именно так, и именно два раза. Это пришло сообщение. Геннадий Алексеевич не являлся прорицателем, но угадать текст послания мог с вероятностью фифти-фифти. «Котик, сегодня мы встретимся?» Или возможен был другой вариант: «Ты можешь! Пусть сегодняшний день станет днем, изменившим твою жизнь! Пошли ответ и выиграй 1 из 34 BMW X3». В жизни ничего не хотелось менять. Поэтому склонялся к варианту о котике. Угадал. Утром или вечером с угадыванием было бы сложнее, так как в это время суток регулярно, причем с разных телефонов, приходили послания с мольбой: «Мама, у меня проблемы! Срочно положи 500 р.

на номер ***! Позже все объясню». Геннадий Алексеевич еще мог поверить в существование такого количества ему неизвестных его детей, но чтобы он при этом являлся мамой?! Как-то не укладывалось в его голове. Поэтому никогда не клал деньги на заявленные номера телефонов.

Получив послание, котик задумался. Заглянул в ящик письменного стола, закрывающегося на ключ, убедился, что пластик таблеток «Ви-агра» до конца не был использован. Сей факт определил положительный ответ. Написал: «Буду ждать. Как обычно». Тут же набрал телефон жены и разочарованным голосом произнес: «Татьяна, мне сегодня придется задержаться, не теряй меня».

После работы в оговоренном месте Геннадий Алексеевич на своей машине подобрал Анну, и они, отъехав по федеральной трассе в сторону областного центра километров десять, уединились в придорожном кафе. Агапеев заказал два шашлыка, себе чаю, спутнице литр пива. За ужином они мило беседовали. Точнее, говорила Анна: «Ты прикинь, эта стерва... Если она еще раз меня зацепит... Людка, слышал, со своим разошлась, теперь с механиком из четвертого цеха живет. А Катька, полный отпад, с любовником в отпуск на море ездила, и муж знал». Геннадий Алексеевич не слушал ее, эти истории, похожие между собой, с меняющимися главными героями, были ему не интересны. Он просто наслаждался обществом молодой женщины.

Закончив трапезу, Агапеев расплатился, и они отправились в обратный путь. Не доехав до Захолустьева, он свернул на проселочную дорогу, петляя между деревьями, кустами, ямами, остановился под густыми ветками берез. Можно сказать, спрятались. Сначала слились в поцелуях. Затем Анна, оседлав Агапеева, искусно владея пальцами рук, раздела себя и Геннадия Алексеевича. Она была ведущая, он подхватывал за ней движения. Как жаждущая влаги,

схватив алюминиевую банку с напитком, открыла, выпила, скомкала, выбросила. Она — пьющий, он — банка. После окончания процесса каждый по отдельности поправил свою одежду и привел себя в порядок.

Агапеев открыл дверь в квартиру, в зале был включен телевизор. Он, сняв обувь, прошел по коридору и заглянул в зал. Жена, поджав ноги под себя, сидела на диване и смотрела очередной сериал.

— Добрый вечер! — поприветствовал он тихим, кротким голоском.

— Лапша на плите, котлеты в холодильнике, — ответила она из того телевизионного, вымышленного мира, где сейчас находилась.

— Спасибо, я на работе перекусил, — виновато промолвил Агапеев.

— Гена, не бережешь ты себя. Все работаешь на износ и работаешь, — откуда-то издали, из другой жизни раздался голос жены. Агапеев ничего не ответил, пошел переодеваться. Сняв одежду, закинул ее в стирку, а сам направился в ванную мыться.

После омовения он вышел в шелковом халате и прилег на диван рядом с супругой. Геннадий Алексеевич положил свою голову ей на колени и закрыл глаза. Она машинально стала перебирать руками копну его волос и продолжала дальше смотреть телевизор.

— Звонила Оксана, они с Вадиком поругались. Теперь не разговаривают, — спустившись на минуту с небес, сообщила Татьяна о сложившейся ситуации с их дочерью и ее мужем. Помолчав, добавила: — Вот мы с тобой живем душа в душу.

Когда время подошло ко сну, Татьяна, нажав на кнопку рядом лежавшего пульта, выключила телевизор. После чего строго произнесла: «Гена, готовься!» Гена пошел в спальню готовиться. Лег на живот, приспустил трусы и стал ждать, пока она наберет лекарство в шприц. Татьяна, хлопнув ладошкой и протерев спир-

том намеченное место, вонзила иглу в ягодицу.

Проблемы возникли у Агапеева около года назад, то есть с двумя женщинами близкое общение в один день не получалось. Количество возможностей теперь делилось на два с меньшей вероятностью для жены. Обделенная супруга восприняла это как переутомление. Переутомление, связанное именно с работой, с самим процессом служения родному заводу. Так как потребность Татьяны в Геннадии Алексеевиче оставалась прежней, она занялась восстановлением его формы. Вера в современную медицину, подпитываемая постоянной рекламой, не давала ей успокоиться. Агапеев пил различные чаи и снадобья, глотал какие-то пилюли, а теперь дело дошло и до уколов. Не будем порочить достижения фармацевтов, возможности у Геннадия Алексеевича возросли, просто вероятность у Татьяны уменьшилась.

9.

В начале рабочего дня, как только Жижин зашел в кабинет, сразу зазвонил телефон. Он быстрыми шагами подошел к столу, взял трубку.

— Алло!

— Доброе утро, Виктор Алексеевич! Жеребцов вас беспокоит, — последовал ответ на другом конце провода.

— Здравствуйте, Иван Иванович! — поздоровался Жижин, подумав: «Что тебе понадобилось? Мутный, ты неспроста звонишь».

— Время только семь тридцать, а вы уже на работе! Чувствуется старая закалка. Не то что нынешняя молодежь, которая все норовит к обеду явиться, — затравил разговор Жеребцов.

— У них клубы, тусовки, одним словом — ночной корпоратив. При таком графике рано утром вставать нет никакой возможности. А я в двадцать два ноль ноль уже в кровати. К женщинам охладел, теперь только болезнь или смерть может меня задержать в постели

больше восьми часов, — отшутился Жижин.

— Наговариваете на себя, Виктор Алексеевич. Вам бы молодуху — и все года куда девались! А работать вы умеете. В такое лихолетье завод сохранили, — отпустил комплимент Жеребцов.

— Кому это надо только? — парировал Жижин.

— Как это? А если завтра война? Если завтра в поход? — дальше продолжал затравливать разговор Иван Иванович.

— Необъявленную войну мы уже в девяносто первом году проиграли. В поход?! На чем? — встречный вопрос задал Жижин.

— Виктор Алексеевич, а как каждый год проводимые парады, демонстрирующие нашу военную мощь? — вопросом на вопрос ответил Жеребцов.

— Это показывает только то, что у нас есть шоумены, и не больше. Мы видим на параде не армию, а потешные полки, — высказал свои соображения Жижин.

— Удивлен, Виктор Алексеевич! У вас всегда преобладал практицизм. Когда такие возможности предоставляются людям вашего круга, а вы ропщете. Не понимаю.

— Иван Иванович, я воспитан по-другому. Мне за державу обидно. В старые времена, несмотря на существующее тогда лицемерие, были хоть какие-то идеалы, которые вслед за собой подразумевали соблюдение определенных правил. Большинство народа, надо отметить, верило в эти догмы, но самое главное, граждане придерживались, кто по убеждению, кто под страхом наказания, принятых постулатов. Поэтому был определенный порядок. Он мог нравиться кому-то, мог не нравиться, это уже другой вопрос. Сейчас хаос, закон вроде есть, но его никто не соблюдает. Власть нарушает правила, потому что она — власть; кто имеет деньги, тот игнорирует законы, потому что все можно купить за деньги, и даже ту же власть; про-

стые граждане плюют на установленный порядок, потому что, видя этот беспредел, считают: «А чем мы хуже их?!»

— Виктор Алексеевич, вы утверждаете, что нынче нет никаких идеалов? А как же возрождающаяся вера в Бога? И власть это всячески поддерживает. Что скажете? — задал вопросы Жеребцов.

— Идеалов нет, идол есть. И этот идол — деньги. Нам втюхивают, другого слова не могу подобрать, что за них можно приобрести и богатство, и любовь, и даже здоровье. Цель обозначена, массы рванули, заметьте, не зарабатывать, а урвать, срубить, поднять бабла любой ценой. И все логично. Так как денег много не заработаешь, можно их только срубить. Пусть это незаконно. А кто сказал, что должно быть по-другому? Нам же всю жизнь что-то не договаривали с перспективой, что мы домыслим. И мы привыкли к этому. Тогда они утверждали: «Первоначальное накопление капитала преступно». Теперь они же призывают: «Вперед, в капитализм!» Один домыслил и продал свое табельное оружие, другой тоже что-то домыслил и на последние деньги его купил. Сейчас они средний класс и каждое лето отдыхают на Кипре. А у кого не смогло уложиться в голове, что так можно сделать, теперь после работы все лето вкалывают на шести сотках. Вот как раз им, чтобы они не впали в уныние, и предлагают обратиться к Богу. Веру в коммунизм подменили верой во Христа, парторга заменили попом, следовательно, поток народной мольбы переправили к нему. А по сути ничего не меняется, содержание просьб осталось прежнее: «Помогите вернуть моего мужа Арнольда Аввакумыча в лоно семьи» или «Вразумите работника сберкассы, две тысячи восемнадцать дробь три, в предоставлении льготного кредита Харлампии Капитоновичу Пузыреву, то есть мне».

— Виктор Алексеевич, мне кажется, вы просто ностальгируете по

молодости. Вспомните, раньше все было поставлено в угоду идеологии. Продукцию изготовить любой ценой к 7 Ноября! А она еще потом на складе будет лежать не востребуемая до 1 Мая. Мы же вместе работали, что вам рассказывать. Это кому надо было? А сколько выговоров вы при коммунистах получали? — все больше и больше в полемику затягивал Иван Иванович своего собеседника.

Жеребцов после института начинал свою трудовую деятельность конструктором на Пимокатном заводе. Водить карандашом по бумаге целыми днями не привлекало. Уставал неимоверно. А вот говорить на разные отвлеченные темы мог очень долго. Заметили. Пригласили работать по общественной линии. Оказался способным. Выбрали председателем профсоюзного комитета предприятия. Дальше — больше, наговорил до лидера регионального отделения профсоюзов.

Во время работы Жеребцова на заводе Жижин его поддерживал, способствовал продвижению по карьерной лестнице. Иван Иванович подкупал исполнительностью, опрятностью, пунктуальностью. При всех своих положительных качествах он не ходил в любимчиках у Виктора Алексеевича, так как в противовес к вышеперечисленным характеристикам являлся человеком скрытным. То есть никогда не напивался в компании, хотя имел отменное здоровье, ни разу не поддержал исполнение песни коллегами, не пустился в пляс. Про таких говорят: «Сам себе на уме. Тихушник». А народная мудрость гласит: «В тихом омуте черти водятся». Это и настораживало Виктора Алексеевича.

После того, как Ивана Ивановича выбрали председателем регионального отделения профсоюзов предприятий оборонной промышленности, они почти перестали общаться. Поводом для редких встреч являлись только официальные мероприятия. Тем не менее Жижин постоянно

отслеживал информационное поле вокруг себя, поэтому знал, что Жеребцов приложил руку к некоторым курируемым им заводам. Под лозунгами борьбы за права трудящихся способствовал их банкротству. Где был цех с уникальным, точным оборудованием, открылся мебельный магазин или автосалон, в лучшем случае участок по изготовлению пластиковых окон.

— Дураков и сейчас хватает. Как утверждал классик, и двести лет назад они были. Выговоры? Получал! И благодарности тоже, надо заметить, объявляли, — свои аргументы привел Жижин.

— Тогда, чтобы достичь взаимопонимания, у меня предложение к вам — за чашкой чая все обсудить. Чай и все остальное за мной. Когда вам удобно, Виктор Алексеевич? — свое желание дальше пообщаться высказал Жеребцов.

«И до меня очередь дошла, — подумал Жижин. — Не отвертись ведь от тебя». А вслух произнес:

— Да хотя бы сегодня.

— Вот и замечательно. Ресторан «Макарони» в центре. Знаете?

— Наслышан.

— В шесть вечера. Устраивает?

— Хорошо.

— Буду ждать. На входе вас встретят.

«Ничего доброго не предвещает этот разговор. Скорей всего, предложит лечь. Под кого? На каких условиях? С кем согласовано в Москве? Не соглашусь — замучают проверками и все равно отстранят. Схем много. А в конечном итоге развалит завод», — размышлял Жижин.

Посетители заходили и выходили, он подписывал документы, что-то решал, кого-то вызывал. А сам думал, просчитывал варианты, возможные компромиссы, уступки, пути отхода. А в принципе — все надоело! — пришел к такой мысли Виктор Алексеевич и решил: «Будь что будет!»

На обеде Жижин приказал водителю заехать в супермаркет. Закупил продуктов и только после этого

поехали на дачу. Внук суеился на кухне, резал на салат свежие огурцы, зеленый лук, петрушку. На плите в кастрюле дожидался разогретый суп. Жижин улыбнулся при виде такой картины, сложил в холодильник купленные припасы и направился мыть руки. Когда вернулся из ванной комнаты, стол уже был накрыт. Заправив салфетки за ворот рубашек, внук с дедом приступили к обеду.

— Молодец, Антон! Пунктуальный и ответственный ты человек. Будь всегда таким. Это очень важное качество, — отпустил похвалу Жижин.

— Спасибо, — явно довольный сказанными словами, ответил Антон.

— Сегодня задержусь, в область поеду. Ужинай без меня, — уже собираясь уходить, предупредил Виктор Алексеевич внука.

После обеда, по прошествии где-то минут двадцати, к Жижину в кабинет зашла Ольга Перепелкина. Внешне лоск был, но блеск куда-то исчез. Волосы не сказать чтобы растрепаны, но и не совсем уложены.

— Пап, — нижняя губа затряслась, и уже из глаз были готовы прыснуть слезы. Сдержалась, губу прикусила и выдавила из себя: — Перепелкин бросил меня.

Жижин, наклонив голову вперед, посмотрел на нее из-под очков, сдвинутых на нос.

— А что, это тебя огорчило? — задал он вопрос.

— Как? Бросил! Ты понимаешь, бросил!

— Давай успокойся, рассказывай по порядку, — флегматично произнес Виктор Алексеевич.

Вздыхнув и собравшись с силами, Ольга продолжила:

— Три недели назад мы с ним поругались. Он в тот вечер собрался и уехал на машине. На следующий день я через знакомых узнала, что Перепелкин живет на своей даче. Думала, псих пройдет у него, успокоится и вернется. Сегодня в городской администрации встречаю директора птицефабрики, он мне вопрос за-

дает: «Где Виктор теперь работает?» Тут я все поняла. Не помню, что ответила, сразу домой. Документов его нет, кое-каких вещей тоже. Как я раньше не обратила внимание? Когда забрал? Не знаю.

— Видно, ты его окончательно достала. Не пойму, что тебе надо было? Мужик как мужик — не алкаш, порядочный, работающий.

— То-то! Миллионы домой приносил. В семье, между прочим, все деньги я зарабатываю, — передернув плечами, с раздражением свои доводы привела Перепелкина.

— Дочь, ты деньги получаешь, а вот он как раз их и зарабатывает, — поправил Виктор Алексеевич.

Ольга задумалась, после небольшой паузы с обидой в голосе произнесла:

— Что мне делать?

— Ты же меня не слушала раньше, когда я тебе советовал. А все говорила: «Папа, так надо. Я сама знаю». По своим каналам, конечно, я постараюсь разыскать его новый адрес. Только вопрос: нужно это тебе?

— Да, — уверенно произнесла Перепелкина.

— Может, это только гордыня? — спросил Виктор Алексеевич и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Допустим, ты его вернешь. Дальнейшие отношения должны быть другими, ты должна измениться. Готова к этому?

— Не знаю, — после небольшой паузы ответила Ольга.

— Подумай. Хорошо подумай, — посоветовал Виктор Алексеевич.

— Что скажу Антону?

— А вот тут я не знаю, — произнес Жижин.

Рабочий день подходил к концу, уже никто не работал, все ждали, когда стрелки дотянут до пяти часов. В цехах народ группировался около выходов, готовый бежать в сторону, противоположную от завода. В конторе женщины чистили перышки, чтобы выпорхнуть во всей красе и разлететься по своим делам. Кто не наводил блеск, сидел за своим столом с прижатой к груди

сумкой с надписью в глазах: «До-стали все». Мужчины в туалетных комнатах, выкуривая очередную сигарету, умничали друг перед другом. На повестке дня был вечный нерешаемый вопрос: «Как навести в России порядок?»

Как навести порядок, знали многие. Но никто не знал, как подготовить общественность к положительному восприятию реформ и как склонить правительство к проведению преобразований. И так повторялось каждый день. Звук есть колебание воздуха. Специалистов колебать воздух у нас предостаточно.

Жижин тоже отошел от дел и смотрел в окно. Перед входом стоял служебный автомобиль. «За час доедем, — рассуждал он. — Водитель предупрежден, должен был поужинать. Так что все нормально».

Пять ровно. Время поделилось на две части: на рабочее время и после работы. Кто куда! Поодиночке: к жене, к любовнице, ребенка забрать из детского сада, на дачу грядки полить. Группами: в рюмочную или с той же целью в гараж. А Виктор Алексеевич ехал в сторону областного центра. Дорога в этом направлении была не загружена, чего нельзя сказать о встречном движении. Утром ситуация менялась с точностью наоборот. Проезжая очередной лог, водитель произнес:

— Неделю назад вечером в этом месте страшная авария была. «Крузер» с «жигулями» лоб в лоб столкнулись. «Жигули» в нашем направлении шли, все трупы. «Крузер» с прокурором из соседнего района из областного центра ехал, им ничего.

— Да, слышал, — подтвердил Жижин.

— Виктор Алексеевич, а вы не знаете, кого виновным определили?

— Вроде как «жигули» на встречную полосу выехали.

— Вечером в этом направлении и так две полосы свободны. Не понимаю, — промолвил шофер.

— Мне такую информацию сообщил захолустьевский прокурор. Он рассказал, что даже запрос делали в космические войска, и те предоставили снимки из космоса, доказывающие виновность водителя «жигулей». И НАСА согласна с такими выводами.

— Это что такое?

— Национальное управление США по авионавигации и исследованию космического пространства.

— Раньше до такого не додумались бы. Прогресс! И это, поди, так называемые нанотехнологии?

— Ну, что-то из этого.

— И наше правительство делает на это ставку?

— Да.

— Порядка как не было, так и не будет, — с сожалением произнес водитель и, еще крепче сжав баранку руками, замолчал.

Жижин не смотрел на часы, не та ситуация, чтобы быть пунктуальным. Водитель и не торопился, но прибыл вовремя.

На входе в ресторан Жижина встречал молодой человек в безупречно отутюженных черных брюках, лакированных туфлях и белой рубашке с коротким рукавом.

— Вы Виктор Алексеевич? — спросил он, как только Жижин вышел из автомобиля.

— Да, — подтвердил Виктор Алексеевич.

— Пойдемте. Иван Иванович вас уже ждет, — пригласил встречающий и повел за собой.

Жеребцов сидел в глубине зала и изучал меню в массивной кожаной папке. Перед ним стоял стакан с водой. Увидев Виктора Алексеевича, он встал из-за столика и сделал несколько шагов на встречу.

— Виктор Алексеевич, я, помня о ваших вкусах, уже осмелился заказать бутылку коньяка, — протянув руку для приветствия, произнес Жеребцов.

— Спасибо, — ответил Жижин.

Тут же подали меню и Виктору Алексеевичу.

Сделав заказ и ожидая, пока принесут блюда, они беседовали. Речь шла о погоде, о семейных делах, куда катится этот безумный мир. После того как пошел процесс потребления еды и употребления коньяка, разговор постепенно начинал менять тематику.

— Виктор Алексеевич, не ценят у нас людей, не ценят, — твердил Жеребцов, тыча вилкой в кусок, лежащий на тарелке, кусок не попадал на вилку, фарфор издавал звонкий звук. Иван Иванович вытянул шею вертикально вверх, наклонил голову вниз и взглянул на это свысока. Сфокусировать очертания блюда не получилось, после чего произнес: — Давайте выпьем.

Стукнувшись рюмками, выпили. Тут же Жеребцов наполнил опустевшую тару новой порцией коньяка. И дальше продолжил речь:

— Берегли вы свой завод, душу в него вкладывали, а в следующем году под акционирование попадаете. Кто-то придет, все развалит и растащит в трамтарарам. Как мне обидно за вас, Виктор Алексеевич. Контракт с вами не думают продлевать. В Москве считают вас неудобным человеком при акционировании. Им во время этого мероприятия нужен зависимый, легко управляемый директор.

— Мне уже поздно меняться, — перебил Жижин своего собеседника.

— А может, нам им фигу показать? — мотнув головой, предложил Иван Иванович.

— Это как?

— Активы вывести. — Пауза. — Я помогу. — Жеребцов сделал еще паузу и затуманенным пьяным взглядом попытался определить реакцию Жижина. После минутного молчания продолжил: — Весь доход — ваш, за минусом издержек, связанных с этим процессом. Гарантирую. Все будет чисто, комар носа не подточит. Мне комиссионные не надо. Действую исключительно из уважения к вам.

— Ваша выгода в чем?

— Ну... — пожал плечами Жеребцов.

— А то мне это напоминает случай из советских времен про одного еврея. Он за рубль двадцать купил в магазине десяток яиц. Потом их варил и продавал на станции пассажирам проходящих поездов за двенадцать копеек за штуку. На вопрос любопытных: «В чем твой интерес?» Отвечал: «Навар ведь весь мне остается».

Теперь уже Жижин изучал реакцию Иван Ивановича. Не увидев ничего кроме обычной мимики пьяного человека, подумал: «Где ты, Жеребцов, молодой и непьющий?!»

— Виктор Алексеевич, тогда мне тоже не откажите в услуге. Надо помочь одному хорошему человеку по карьерной лестнице. Ему нужна запись в трудовой книжке с государственного предприятия. Вы берете его к себе своим замом, допустим, по маркетингу. И мы квиты.

— А если нам поступить по-другому. Предприятие получает кредит под неподъемные проценты в подконтрольном вам банке. Я через полгода уйду, а мой преемник тонет в долгах. Завод — банкрот, и он ваш на блюдечке с голубой каемочкой. Новый заместитель по маркетингу становится внешним управляющим, надо сказать — очень удобная кандидатура. Тем самым еще раз поможем хорошему человеку. Моя цена всего лишь — разница между завышенными процентами и существующими на сегодняшний день. Расчет, конечно, наличными, — свое предложение озвучил Виктор Алексеевич, при этом пристально смотря в глаза собеседнику.

Жеребцов не мог понять, серьезно говорит Жижин или шутит. Еще коньяк, впрыснутый в организм, ударил по мозгам. Так что Иван Иванович решил больше сегодня интеллектуально не напрягаться.

— Приятно иметь дело с умным человеком. Давайте завтра конкретно обсудим все детали. Я подготовлю к этому времени несколько предложений. Вы выберите то,

что вас устроит, — спотыкаясь на каждом слове, почти с закрытыми глазами, с болтающейся головой из стороны в сторону проговорил Жеребцов и, поймав рукой рюмку на столе, добавил: — На посошок.

— Я подумаю и, если что, дам вам знать, — после некоторого молчания ответил Жижин.

— Надеюсь на взаимовыгодное сотрудничество, — выдал из себя Жеребцов.

Выпив на дорожку, Виктор Алексеевич расслабленной походкой пошел к выходу. Иван Иванович, раскинув руки и ноги в разные стороны, дожидаясь официанта, лежал в кресле, заорал песню: «Хулиганом я родился, хулиганом я расту...» «Вот это понашему. А то в молодые годы чисто басурманином был», — выходя из зала, подумал Виктор Алексеевич.

Обратную дорогу Жижин ехал, прикрыв глаза, анализируя разговор, произошедший в ресторане. О чем он старался не думать, а думать не хотел о приближающейся дате окончания контракта. Сегодня ему об этом напомнили, можно сказать, вернули с небес на землю. Что шансов на продление не было, он знал и без Жеребцова. Причина заключалась не столько в его неудобности при акционировании завода, главное, подошло время уходить таким людям, как он. Все это четко осознавал Жижин. Жеребцов затеял свою игру и хочет использовать его в своих целях. «Не соглашусь помогать ему — включает административный ресурс. Будут копать под меня. Для этого у него есть необходимые связи в местных структурах власти». Марионеткой тоже быть не хотелось. Помня, что утро вечера мудренее, приехав домой, сразу лег спать.

10.

Виктору Алексеевичу на следующий день спозаранку колодезная вода показалась очень вкусной. Поэтому он принял сразу три стакана. Далее чай с лимоном или, может быть, съеденный бутерброд с сыром приве-

ли к мысли, что пора начинать прощаться с заводом. Расстаться было решено деликатно без истерик. «Завод, мне от тебя ничего не надо!» — вопль слабого человека, к коим не относился Жижин. Ему нравились выученные наизусть когда-то в школе слова: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы...» Виктор Алексеевич со своей колокольни еще мог под этими строками подписать: «Утверждаю: главное в жизни — душевное спокойствие».

С утра он вызвал к себе в кабинет Семенова. Секретарь еще не успела закончить фразу: «Владимир Александрович, вас вызывает Виктор Алексеевич», как тот со словами: «Как настроение у шефа?» открывал дверь в приемную.

— Не знаю, Владимир Александрович, — ответила секретарь.

— Как так? Наталья Николаевна, вы лучше жены должны знать самочувствие директора.

— Это почему же? — недоуменно спросила Наталья Николаевна.

Семенов обвел взглядом немногочисленных посетителей и, задержавшись на Агапееве, приглушенным голосом произнес:

— Секретарь, как и главный бухгалтер, — это исключительно индивидуальный и разовый предмет любого руководителя. Из этого следует, что им надо беречь своего шефа. Так как у директора еще может быть новый секретарь и новый главный бухгалтер, то у них никогда больше не будет нового директора.

— Заходите, Владимир Александрович, Виктор Алексеевич вас ждет, — стараясь избавиться от непредсказуемого говоруна, поторопила Наталья Николаевна.

Семенов, уже взявшись за ручку двери, повернулся к секретарю и переспросил:

— Можно?

— Заходите, заходите, — подтвердила та.

Открыв дверь, Семенов впорхнул в кабинет.

— Здравствуйте, Виктор Алексеевич!

— Здравствуй, Владимир! Проходи. Присаживайся, — дождался пока подчиненный усядется, продолжил: — Деликатное у меня к тебе дело. Ты человек надежный, проверенный, — остановился, оценивая еще раз окинул взглядом Семенова, подумав при этом: «Решали же мы с тобой аналогичные задачи, только, не в таких объемах», и стал изъясняться дальше: — На складе БИХ еще с советских времен лежит очень много инструмента, подшиповников.

— Да, — подтвердил Семенов.

— Зачем нам такие запасы? — задал вопрос Жижин.

— Ну... — издал звук начальник БИХ.

— Ни к чему, — сделал резюме директор.

— Да, — подтвердил Владимир Александрович.

— Мы с тобой их сохранили.

— Да, — опять согласился Семенов.

— Памятник нам не поставят.

— Не поставят, — утвердительно произнес Владимир Александрович.

— А жизнь трудная штука.

— Да, трудная.

— У тебя сын растет.

— Растет.

— Сколько ему лет?

— Шестнадцать.

— Не за горами время, как жениться надумает. А где ему жить? — сделал паузу, сам и дал ответ: — Негде. — Сделав еще одну паузу, задал очередной вопрос: — Ты должен ему помочь? — На него сам и ответил: — Должен. — После чего своим высказыванием поставил окончательно в тупик подчиненного: — На одну зарплату не поможешь. Как быть?

— Не знаю, — с видом обреченного промолвил Семенов.

— И я не знаю, — выдохнул Жижин и повернулся в сторону окна. Где-то, похоже, вдали найдя ответ, продолжил: — Собери заявки

на следующий год со всех цехов на инструмент, примерно на миллион рублей. Принесешь ко мне, а я определюсь, у какой фирмы будем делать мнимые закупки.

— Хорошо, — согласился Семенов.

— Твоего грузчика и водителя ввиду служебной необходимости отправим на месяц на прорыв в какой-нибудь цех.

— Хорошо.

— Твоя кладовщица давно на заводе работает? — задал вопрос Жижин.

— Давно, — подтвердил Семенов.

— Тогда ей за счет профсоюза дадим путевку в Сочи.

— Хорошо.

— Не заслужила, что ли?!

— Заслужила, — согласился Владимир Александрович.

— Тебе придется, естественно, за них потрудиться. В конце дня заезжаешь на склад под разгрузку будто бы с купленным инструментом, на самом деле его, наоборот, загружаешь и вывозишь. Это придется проделать несколько раз. Я еще внимательно просмотрю твою оборотную ведомость и определюсь, что будем забирать. В конце сентября, как только включим отопление, у тебя на складе произойдет порыв труб. Имущество как бы приходит в негодность. Повторяю — как бы. Процесс должен быть контролируемый. Потом что делаем?

— Списываем, — бодро ответил Семенов.

— Списываем инструмент, подгоняя под то количество, что к этому времени уже увезли со склада. Запасы у нас числятся по старым копеечным ценам советских времен. Ущерб по бухгалтерии будет минимальный — всего несколько десятков тысяч рублей. Так что такое списание никого не удивит, обычный рабочий момент. С этой операции, по моим предварительным расчетам, ожидается получить около полумиллиона долларов. Твоих тут десять процентов. Вот сыну и поможешь. Еще для подстраховки тебя назначим начальником пятого цеха. Свиридов уже давно просится уйти на отдых,

что с него возьмешь — пенсионер. Это надо на случай, если возникнут нюансы по дальнейшему списанию. Вот через цех и все решим. У тебя будет и выписка, и списание в одних руках. Гуляй — не хочу!

— Виктор Алексеевич, раньше такие совмещения должностей были запрещены.

— Владимир, теперь демократия. Все можно. Кто нам укажет на ошибку? Налоговая? Прокуратура? Не их вопрос. Местный департамент по промышленности? Министерство? Где они? Чем занимаются? Не знаю, — эмоционально разложил ситуацию Жижин.

— Понятно. А комиссия акт на списание подпишет? — пытался сразу выяснить все нюансы Семенов.

— Агапеева вызову к себе, в кабинете и подпишет.

— Хорошо. Можно идти?

— Давай, Владимир Александрович, трудись.

Семенов ушел. Жижин принял срочных посетителей. Выдержал паузу и только потом пригласил к себе Бабло Дмитрия Михайловича и Минкина Федора Юрьевича — заместителя директора по безопасности и кадрам, при этом поставив в известность секретаря, что они нужны по разным вопросам. Первым пришел Минкин. Он, просунув голову в дверь, спросил:

— Добрый день! Вызывали, Виктор Алексеевич?

— Здравствуй! Проходи, Федор Юрьевич. Присаживайся.

Минкин, пройдя крадучись на цыпочках по кабинету, аккуратно присел на краешек стула. Открыл ежедневник, достал из него ручку и был весь во внимании, готовый записывать указания.

— Свиридов у нас на пенсию просится, — продолжил Жижин. — Что мучить мужика, надо сказать ему спасибо. Приказ. Благодарность. Все честь по чести. Профсоюз подключить. Вот только проблема. Кого поставить? — не дав возможность Минкину высказать соображения,

стал дальше наговаривать свои мысли: — Энергичный человек нужен, молодой, преданный заводу. Может, присмотреться к начальникам технических отделов да дать еще цех в нагрузку? А, Федор Юрьевич? — и, не дожидаясь опять ответа, продолжил дальше рассуждать: — Главного технолога нельзя, начальника конструкторского отдела тоже нельзя. А вот Семенова?! Как считаешь? — найдя неожиданное решение, обрадовался Жижин.

— А-а-а...

— Точно, Семенова! Готовь приказ, — еще раз убедившись в правильности задуманного, вынес свой вердикт Виктор Алексеевич.

Пока Жижин общался с Минкиным, в приемную прибыл Бабло и прямо направился к двери директора.

— Дмитрий Михайлович, там Минкин. Виктор Алексеевич предупредил, что у вас с ним разные вопросы, — остановила секретарь его дальнейшее продвижение.

Бабло развернулся передом к Наталье Николаевне и сдвинулся в сторону от двери. Лицо цвета поросенка, с объемной шеей, на которой нельзя застегнуть верхнюю пуговицу сорочки, по этой причине приспущенный галстук. Нижние пуговицы рубашки напряжены, готовые выстрелить. Объемные брюки, ремня не видно из-за живота. Широкие туфли светло-коричневого цвета с разными по форме дырочками для вентиляции. В руках борсетка из натуральной кожи, размерами приближающаяся к портфелю.

Послышался в тамбуре шум первой со стороны директора открывающейся двери. Бабло повернулся и приготовился втиснуться в кабинет вслед за выходящим посетителем. Минкин вышел. Дмитрий Михайлович засунул первым живот, который сначала и предстал взору Жижина. Потом показался и весь Бабло.

— Здравствуйте, Виктор Алексеевич!

— Здравствуй, Дмитрий Михайлович!

— Как у нас идет подготовка к юбилею? Как сценарий? — задал с ходу вопрос Жижин.

— Вход в дом культуры будет строго по пригласительным билетам. Вначале торжественное собрание. Вы выступаете. Потом гости по ранжиру дарят вам подарки.

— То есть заводу? — уточнил Виктор Алексеевич.

— Да. И отличившимся работникам. Далее с приказом о награждении слово предоставляем Минкину. После этого коротенький концерт не более часа и в завершение праздника фуршет. Столики накроем на четыре человека на втором и третьем этажах. На первом организуем танцы. Поставим на стол по одной бутылке водки, шампанского, минеральной воды, по паре салатов, бутерброды и фрукты. Все за счет завода. Кому покажется недостаточно угощения, предоставим возможность приобрести спиртное и закуску в буфете. Началось в семнадцать ровно, планируем закончить в одиннадцать ноль ноль. Для VIP-персон отдельная программа, они после концерта с руководством завода уезжают в заводской профилакторий. Там ассортимент на столе, конечно, будет богаче. Смету затрат и списки гостей дорабатываем. Косметический ремонт заводоуправления, дома культуры и профилактория закончим в срок.

— Хорошо. А порядок в цехах?

— Все под контролем. Своими силами цеха наводят марафет, материалами помогаем.

— Ты вообще знаешь смысл слова «марафет»? — задал вопрос Жижин.

— Порядок, — уверено ответил Пабло.

— Ошибаешься. Кокаин это, — пояснил Виктор Алексеевич.

— Тот самый?

— Да. Если в широком смысле слова, то любой наркотик. Наводить марафет — употреблять его.

— Я в более широком смысле.

— Но если так, то — да.

Меня в преддверии праздника интересует другой вопрос. У нас есть много ненужного, незадействованного оборудования, неликвидов. Памятниками по всей территории стоят и на складах ржавеют, портят внешний вид. Списать, что еще не списали. Продать или сдать, как металлолом. Порядок надо наводить, но без злоупотреблений, — пальцем пригрозил Виктор Алексеевич.

Бабло понял, к чему клонит шеф. И, приняв придурковатый облик, сразу доложил свои соображения:

— Как раз в сентябре на заводе годовая инвентаризация. К этой дате все сделаем. Лично возьму под контроль.

«Ты все вычистишь. С виноватым видом денежку в клювике принесешь и задашь глупейший вопрос: “Что с ними делать?” Я отвечу: “Делить, Дмитрий Михайлович”. Ты спросишь: “Как?” “Как всегда”, — скажу я. И ты достанешь из своего саквояжа уже приготовленный пакет», — размышлял про себя Жижин, смотря вслед уходящему Бабло.

Выйдя от директора, Минкин отправился к себе в кабинет, где первым делом позвонил Свиридову.

— Алексей Степанович, ты что, у Жижина на пенсию просился?

— Федор Юрьевич, с чего ты взял?

— «Тятя» приказал тебя по личной твоей просьбе торжественно на отдых отправить.

После паузы Свиридов обреченно спросил:

— А кого на мое место?

— Семенова.

— Тогда кто отделом руководить будет? — еще задал вопрос, как будто это что-то могло изменить в его жизни или имело какое-то значение для него.

— Он же.

— Странно. Я пару лет думал еще поработать, — произнес Свиридов и после паузы добавил. — Тебя понял, пишу заявление.

Продолжение следует.

Новосибирская область

Елена ХАНТЕР

БЕЗ ПОШЛОСТИ? или 14-8

Киноповесть

Окончание. Начало в № 6, 7–8 за 2011 г.

Света

Лет пять назад звонит мне Света в США. Мы с ней как-то раз дружились незаметно. Незадолго до этого я ей рассказала, как ко мне навязывался в ухажеры наш знаменитый институтский Казанова. Нам было уже под сорок. А Светина любимая история, love story, которую она пронесла через всю жизнь, была о том, как на зимних студенческих каникулах на турбазе он три раза подряд приглашал ее на танец. Это была заявка!!! И тут я перечеркнула ее легенду. Ну, в общем, ни с того ни с сего она, как будто невзначай, заявляет мне: «Ты была у нас на потоке селедкой!» Такая элегантная мстя. Конечно, я ожидала и ждала этого от нее. Мне стало не обидно, а противно...

Последние годы она работала королевой бензоколонки, куда ее устроил наш сокурсник Кузнечик, то ли гэбэшник, то ли эмвэдэшник. Забогатела, хотя и до этого у нее был дом-громина с участком в 15 соток, полностью засаженным клубникой. Пришлось попахать-поползть на своей фазенде, спину сорвала, а ее муженек, тоже наш сокурсник, в это время торговал ягодой ведрами. Когда я увидела эти плантации в идеальном порядке, я не знала, восхищаться или сочувствовать ей. Должно быть, дочурка помогала в семейном бизнесе, телебашня такая, поболее меня и помощнее, конечно. Не селедка.

И вот она говорит мне по телефону:

— Ленок! Кого я видела сегодня на службе! Умрешь не встанешь! Работаю я в вечернюю смену, подъезжает джип, из него Вольдемар выходит облысевший, поношенный такой.

— Да ну! Точно?

— Точно. Глаза только прежние, голубые-голубые. Быстро заплатил деньги, не взял сдачи и уехал. Наверное, не узнал. А рядом сидела такая колода! Может, жена, может, босс, боссиха.

— Ну ты, Мухобойкина, как всегда миндальничаешь. Вцепилась бы в бампер, остановила б машину, вытряхнула б его из салона и, прижав ногой к асфальту, прорычала б: «Из-за твоих пирожков с луком у меня до сих пор изжога и... хроническая беременность». Алименты бы платил...

— Пузогрызкина, не наводи тень на святое. Мы все были скромные девушки, робкие и ранимые. Сама знаешь, как я тубусом по лбу стукнула руководителя диплома Корзинкина, когда он ко мне полез. Треногий полукентавр, а туда же! На защиту после этого не пришел... Давай привози из Америки мобильники. Они тут в цене сейчас, бизнес сделаем.

— Пять *долларей* выручишь с таможней. Я тебя лучше на *тролебусе* бесплатно покатаю...

Перелет

Я лечу на родину проконтролировать свою квартиру, сданную внаем одной молодой нахальной паре, навестить

свою 89-летнюю тетушку в Сибири, повидаться со знакомыми и с немногими друзьями.

Самолет американской компании. Девятичасовой перелет из Нью-Йорка — это не шутка! Подуставший народ, не комплексуя, прогуливается по салону в носках. Большинство дремлет в креслах или смотрит телевизор. Соотечественников мало. Их видно везде или, скорее, слышно. Здесь, в Америке, «они матом не ругаются, они на *ем* разговаривают».

Мой сосед — высокий американец, бывший морской офицер, лет на шесть постарше меня. Разговариваем за жизнь — о ценах, пенсиях, нездоровой пище... Я всегда болтаю в самолете — пытаюсь отвлечь себя от страха. Ведь в моей жизни было уже три ЧП в воздухе. Как всегда, в США мне в первую очередь рассказывается, как во времена Карибского кризиса и после американских школьников учили прятаться под парты от возможной бомбежки русских. Ну, напугал Никита на всю жизнь, достучался ботинком, «мы вас похороним, капиталистов!». Сами по колено в крови, селедку на газете разделявали, ютились в одной квартирке, а то и в одной комнате все три поколения и хотели, чтоб так жил весь мир. Я тоже помню то время. Наша Анна Лаврентьевна, заслуженная учительница в шестой школе, подняв указку вверх, многозначительно вещала нам, второклассникам, что «в воздухе пахнет войной».

— Вы же понимаете, нашему народу, только что прошедшему войну, освободившемуся из сталинских лагерей, выбравшемуся из землянок, до конца не наевшемуся, не хотелось повторения-продолжения такой жизни. Все это необразованное правительство и его тупая пропаганда!

— Да, у нас тоже пропаганда, промывка мозгов. Ведь «ястребов» надо кормить... Но сейчас вы хотите у Украины отобрать ее хорошие земли.

— С Чернобылем? Мы даже стараемся не покупать украинские продукты из-за него. У нас самая богатая страна в мире. Газа у Киева не просим. А хрущевский подарок, Крым, нам, конечно, не вернут. Да мы и не настаиваем. Там крымские татары за него активно борются. С Сибирью и Дальним Востоком бы разобраться. Ведь рождаемость упала в стране. Наши девушки хотят замуж, желательно за богатеньких, или быть при покровителе, боссе. Мужчины не спешат — выбор огромный, с сексом проблем нет. Все мечтают о скорых, больших деньгах.

— У нас так же. Все старо как мир. Но американки уж очень эмансипированы, независимы. Чуть что — сексуальное домогательство! В ресторане платить за них не надо, двери перед ними не распахивай, тяжести сами любят таскать. Compliments боимся им делать. А вам можно?

— Можно.

Раньше я комплинтам не верила, имея такого брата, просто их копила, складывала в потайной ящик и очень редко доставала и пересматривала. Сейчас комплименты и антикомплименты отскакивают от меня, как горох от новых ворот.

— Вы знаете, у вас улыбка Шер?

Я киваю головой:

— Да, спасибо, уже слышала.

Вот и дождалась на старости лет достойных знаков внимания. Гадкий утенок, превратившийся в крикву, долетел до заграницы. Мой папа-физик всю жизнь мечтал посмотреть

США. Брат стал физиком, а непутевая дочь умыкнула за океан. Но я не загадываю — счастливым можно быть и в России.

Американец продолжает:

— Недавно губернатор, кажется, вашей Оклахомы призвал американцев жениться на русских женщинах. Они такие милые!

Я думаю про себя: «И такие неприятельные сейчас», а вслух говорю:

— Значит, холодной войны больше не будет?

Американец:

— Хотя бы в Оклахоме.

— Я вообще холод не люблю. Нигде. Ни в России, ни в Америке, ни в человеческих отношениях.

Натягиваю одеяло на себя и закрываю глаза. Сон все-таки сморил меня. Мне еще во Франкфурте десять часов сидеть. Не позавидуешь!

Новокуйбышевск

Я приехала к Сайде в Новокуйбышевск на электричке из Самары. Всего двадцать минут пути. Она встретила меня на перроне. Похорошела, чудо! С годами-то обычно другие превращения происходят. Кожа стала бархатистой, носик уже без той детской припухлости, а зубки по-прежнему жемчужные. Неплохая стрижка из густых смолых волос, стройненькая, только вот походка стала тяжеловатой. Говорит, что и я все такая же. Я не верю — седовласка, крашусь постоянно, ношу очки, но спорить не стала с воспитанным, добрым человечком.

Она живет в обыкновенной хрущевке с сыном. Мужа прогнала — не вытерпела его унижений (не все гладко в личной жизни получается у наших свях). Последнее время занималась социологией. Эта работа для гениев общения — надо уметь расположить человека, чтоб он за так потратил на тебя время и раскрылся. Я и не ожидала, при таком ее невеликом окладе, а последнее время и вовсе без заработка, увидеть уютную чистенькую кварти-

ру с очень неплохой мебелью, теликом, светлой кухней и застекленным балконом. А что еще надо для жизни? На двух стульях не усидишь.

Сайда приготовила мне хороший обед, открыла шампанское в честь встречи. Достали фотографии, вспомнили юность, политех и, конечно, Брянск.

— Сайда, а ведь нам влетело из-за тебя. Комендантша нам сделала выговор — какой позор! Ваша подруга запирается с парнем в мужском общежитии. Представляешь, поклеп на тебя, — говорю я совершенно искренне и наивно.

Сайда напряглась и, смотря не мне в глаза, а куда-то в стол, сквозь зубы произнесла:

— А кому какое-дело, что делают люди вдвоем? (Пауза, я этого никак не ожидала). Мы были достаточно взрослыми. Мы чувствовали любовь друг друга... (Пауза) Я до сих пор помню его запах тела, поцелуи... Всю жизнь... И я не знаю, что случилось, почему он не приехал. Тридцать пять лет прошло уже... (Она заплакала.)

Я:

— Значит, у тебя все было серьезно. Даже серьезней, чем у меня... Тебе Света говорила, что я в ноябре 74-го в Курск летала? Лешиного адреса не было. Пришлось к Коле зайти. Он сказал, что любил тебя, звонил все три недели. Телефон не отвечал. Он и не знал, что подумать. Купил билеты в Куйбышев и у самолета развернулся. Перегорело. Я помню, тогда кабель был перебит на твоей улице. На небе кто-то позаботился вас развести.

(Помолчали.)

— Лен, а побежала б, если Лешка сейчас позвал?

— Сейчас? К тому мальчику? Может быть... А это чужой дядя, а я тетя с девчоночьим сердцем... Махнуть бы туда, в лето 74-го, подправить бы что-нибудь! Больше ничего не надо. Ни бриллиантов, ни «мустангов», ни океанов. Ведь спали на продавленных кроватях, ели пирожки со свеклой, ссорились и были

счастливы, потому что рядом была любовь, впереди жизнь, родители живы... и свои зубы.

— Ну, как там, в Америке, про нас что-нибудь знают?

— Русских уважают, особенно нашу армию — достойный противник. Не подсмеиваются. У них там все шоколадно. Мы мечтали с Майн Ридом, Купером, Джеком Лондоном, а они жили. Народ накормлен, одет-обут. Никто не слышал о Толстом, Пушкине, Шостаковиче, но в лифтах не пахнет, пиво на улице распивать запрещено, как и рекламировать его по ТВ, даже ночью. Американцы не такие наглые, как их в наших фильмах показывали. Все спокойные, приветливые, законопослушные. У них это уже в крови. Конкуренция, юристы заставили быть воспитанными. Кому нужна твоя откровенная злоба, зависть! И в личную жизнь не лезь, и советы свои оставь при себе. Понятие «друг» размыто, ну это где-то приятель, сосед, одноклассник. Малость роботovidны. Хотя наша-то русская душевность — только до первого успеха друга. Трудно нашим пережить чужую удачу. Но на работе должны стучать друг на друга. Иначе хозяин будет не в курсе всех событий. Предпочитают о политике на службе не распространяться. Боятся. Вот такая *дерьмократия*.

Оклахома

Мы сидим за огромным овальным столом и играем в домино. Непросто мужу обыграть меня. Он то и дело лезет под стол и кукарекает:

— Где ты так неслабо научилась играть в домино?

— В Монте-Карло... на производственной практике. This was the practical education from my institute.

— Вот что мне нравится у русских — это пельмени и ваш гимн (называет пельмень на вилку). Ты знаешь, у вас очень красивый гимн?

— Еще бы. Музыка *тоариш-генера-ла* Александра, криэйтер Сосо Сталин, слова разного посла... Рыба!

— Что значит «рэба»?

— Fish. Гитлер капут. Уса Бен на ладан, кирдык. (Я вижу у него перевес доминошек в остатке.)

Я рванулась к Интернету, быстро нашла наш старый советский гимн, врубила его на всю катушку в честь своей победы. Хожу вокруг стола с детским красным флажком и подпеваю: «Партия Ленина, сила народная...»

— Если ты выиграешь, поставим вашу «Глори, глори Алилуеву...».

Часто наши соседи спрашивают, что это за торжественная, иностранная музыка звучит у нас по вечерам.

Свекровь

Муж:

— Завтра мама приезжает. Она хочет с тобой отвезти Грейси в парикмахерскую и заодно по магазинам.

О'кей. Мне это на руку. Пошопингуем, посидим в кафешке. Я обожаю его 77-летнюю маму, мою свекровь. Она преподаватель органной музыки, поет до сих пор в оперном хоре, бизнес-леди, имеет гигантский антикварный магазин и ранчо с сорока коровами. (Особого ухода за ними не надо. В теплых штатах коровы просто живут на отгороженной природе. Доить не приходится — породы в основном мясные. А за посягательство на чужую территорию и собственность можно спокойно получить пулю в лоб, не резиновую. Здесь так, без церемоний.) В молодости Джейн работала медсестрой, вырастила трех дружных сыновей, и через двадцать лет замужества бросила мужа из-за его вечных унижений (да дом еще ее проиграл). С постоянным педикюром-маникюром, браслетами-колечками на руках-ногах и всегда в хорошем настроении. Богатенькая и не чванливая. За все время моего пребывания в США я еще не встречала высокомерных америкосов. Бизнес подразумевает контакт, коммуникабельность, особенно в эпоху перепроизводства и жесткой конкуренции.

Конечно, масса дорогих украшений. У нее есть коллекция однотипных перстней с драгоценными бульжниками сантиметр на сантиметр — рубин, изумруд, александрит... обрамленных бриллиантами. Когда оперировали ее внука, она надела в госпиталь черный бриллиант в знак траура. Стильный прикид и из не очень дорогих бутиков. На русский взгляд, американки одеваются вычурно и не по возрасту. А мне это по душе. Зачем себя хоронить, когда есть возможность покрасоваться перышками. Но вот во флоридском Диснейленде в прошлом году была оштрафована на тысячу долларов тетенька, попавшая под струи фонтана. Ее намокшая майка нахально обрисовывала бюстгальтер, раздражая полицейских и попирая нравы обывателей. (Здесь вообще тебя могут уволить с работы в один день без объяснения за несвежую одежду и дурное амбре.)

Мама живет на ранчо в полутора часах езды на машине от нас и везет своего йоркширского терьера Грейси по записи в салон, где ей сделают педикюр, стрижку, помывку, укладку. Собачке это не нравится, она пуглива и жметсЯ всегда ко мне — ведь только я с ней играю. В прошлом году Грейси неудачно прыгнула с хозяйкиной кровати и подломила ногу. Операция со штифтом встала свекрови в четыре тысячи долларов. А это четыре ее коровы. Мы сочувствовали обеим. Через год штифт вынимали в клинике уже за семьсот *долларей*. И для меня свекровь — лучший человек в Америке.

— Как дела, Элина?

— Not too bad (не так уж плохо). У нас, русских, не принято хвалиться — боимся сглазить.

— А у нас только паралитик сошел в каталки, весь скрюченный, перекошенный (она показывает), приволакивающий ногу, отвечает всем с улыбкой: «ОК! All right! Fine!»

Свекровь ведет машину. В оживленном месте на перекрестке она

держит в одной руке кружку с кофе, другой начинает набирать номер на мобильнике. Мое сердце сжимается от страха. Она мило улыбается водителям и кивает им головой в знак благодарности, что ее пропустили на красный свет. Кстати, раза три ко мне подходили незнакомые американцы, видя мою уныло настороженную физию, спрашивая «Are you OK?» О'кей-о'кей, это же наш врожденный лейбл совка. У нас скорее непонятны улыбчивые люди. Че лыбишься, табуретка?

Мы заходим в китайский ресторан. Почему-то не очень чисто (для США) в туалетной комнате — раковина забрызгана водой. Я брезгливо дотрагиваюсь до крана с салфеткой, мою руки. Входит свекровь, она видит непорядок, берет чистую салфетку и начинает вытирать раковину. Американцы любят свою страну. Они патриоты. Я видела в разное время свою свекровь и мужа, принимавших участие в благотворительных мероприятиях, — работали без денег, продавали сэндвичи на каком-то празднике. (Муж отпросился с работы.) Перед тем как заступить на вахту, они сначала купили за пять долларов бутерброд в этом ларьке и, съев его, встали там же за прилавком продавать эти сэндвичи.

Нам надо приобрести какие-то книжки, заходим в книжный. Ой, сколько интересного — и про Кеннеди, и про рыцарей, и о природе... Выбирай любую, можно почитать и за столиком в кресле. Тут же очаровательная кофейня с вкусняшками. За окном мелкий дождь. Толстенная девушка в штанах решительно садится на пол у стеллажа и читает брошюру. (Я в шоке. Только спустя несколько лет я стала садиться на пол и в своем доме. Здесь делают так все — чистота). Ее бойфренд смиренно ожидает свою половинку стоя. У нас бы она не имела никаких шансов на роман. К слову, здесь очень много счастливых престарелых парочек. Особенно меня умиляют пожилые люди, которые везде ходят, держась

за руки. В России я не наблюдала путешествующих стариков, наши пенсионеры не обедают в ресторане, не занимаются танцами. Как правило, русские мужчины, не часто доживающие до преклонного возраста, выбирают себе спутниц значительно моложе себя.

А где тут русский уголок? Я захожу несколько полок со словарями, учебниками, разговорниками. Натыкаюсь и на Тополя — русско-английский словарь нецензурных (непечатных?) слов, выражений в России. Гадко, как будто током ударило. Зачем это ему? Ну не для денег же. Поэтическое самовыражение мэтра...

Заходит поджарый мужчина, лет за шестьдесят. Бежевый кашемировый пиджак, шелковое кашне на шее, замшевые туфли и... без носков.

— Это бомж?

— Нет, это старый хиппи... Только что звонил мой младший, номер три, Майкл. Плачет. У него горе: скончался Патрик. Пудель, семнадцать лет прожил. Надо послать соответствующую открытку с соболезнованием. Такая трагедия!

Мы выбираем открытки. Есть и музыкальные для любимой псинки, есть с запахами...

После парикмахерской, сделав необходимые покупки, мы с ухоженной Грейси возвращаемся на ранчо. Это американское дворянское гнездо, усадьба с вылизанными дорожками, подстриженной травой, беседками, прудами, качелями. Меж деревьев разбросаны античные статуи (made in China). Есть и японский сад с водопадами и бонсай. (Мой японский хин Музгарка красиво вписывается в эту икебану.)

При въезде мы замечаем элегантный белый грузовичок с белым новеньким домиком-прицепом.

— О, это Эрика приехала.

Эрика, янки шестидесяти шести лет, только что бросила мужа, который заставлял ее вкалывать на ранчо сорок га и был жлобом. Она живет по соседству в пятнадцати минутах

езды. В ожидании хозяйки она сидит на веранде и пьет колу. Для холодной колы стоят два больших автомата, конечно, без платы.

Эрика:

— Я привезла в фургоне Полли, чтоб она не скучала без меня.

Она показывает в сторону немолодой клячи, которая невдалеке пощипывает травку. На руке платиновые часы с браслетом, облепленным небольшими бриллиантами.

Я:

— Красивая вещица. (Я всегда говорю комплименты, как будто уже американка. А меня так на родной самарской радиостанции на тренинге учили. Работает!) У нас бы ты не смог поехать с ними в общественном транспорте.

Эрика:

— О, да, у нас тоже. Я люблю эти часы. Удачная покупка в антикварном всего за семьсот долларов.

Я показываю фотографии родителей, предков, детские. Они восхищаются моим фото, где мне восемь с половиной лет, я с очень длинными волосами. Мне оно тоже нравится. Молодец моя мама, догадалась запечатлеть меня. Не у всех есть такое!

Свекровь:

— Тебе надо портрет такой сделать. Лицо маленькой княжны. Или я тебе подарю на твой день рождения рамку для этой фотографии. У тебя когда день рождения?

Я:

— Спасибо. В июле.

Мы сидим в бассейне с бокалами вина в руках. Оно здесь недорогое, вкусное и нет никакого страха, что ты купил подделку, кроме грузинского из русских магазинов.

— Жарко, Элина?

— В Самаре тоже бывает плюс сорок в тени, нечасто, но бывает. Обычно летом до плюс тридцати.

— Наверное, в вашем городе много бассейнов?

— Да... есть... В основном на пляж ходим. Он у нас до восьми километров длиной. Самый большой в Ев-

ропе для мегаполисов. И самая большая площадь в Европе.

Есть чем, наконец, похвалиться. Мы вылезаем из бассейна, обтираемся махровыми полотенцами, которые всегда находятся в комодке рядом. Чтобы меня занять, свекровь дает мне головоломку — гость оранжевых пластиковых многоугольников, из которых надо собрать один квадрат.

Свекровь:

— Моя израильская подруга завещала мне эту головоломку шесть лет назад. За все время только один человек решил эту задачу.

Делать нечего, и мне интересно. Так и эдак. Ничего не получается. Десять минут, пятнадцать. Один треугольник всегда лишний.

— А есть решение?

— Есть-есть.

Она решительно кивает головой. Елы-палы! Что ж это получается!!! Все вокруг да около. Ну, я же инженер, пять лет машиностроительного черчения, начерталка, геометрию в школе всегда любила... Ну... Ура! Сложила! Я показываю свекрови. Она в восторге, прыгает, хлопает в ладошки.

— Я знаю, ты очень талантливая. Я очень горжусь тобой. И ты мне близка. Дай я зарисую решение для себя.

Теперь она всем говорит, что я smart — умняга и что я работала на оборону страны. (Но это было тридцать лет назад!) А в следующий раз я собрала этот квадрат Немалевича другим способом...

Под Бетховена из динамиков я помогаю свекрови убирать листву, хвою с газонов. Этого добра здесь всегда хватает, ранчо ведь пятнадцать гектаров. Разок помыла ей все окна.

— Элина, откуда ты все умеешь? Откуда ты так хорошо знаешь классическую музыку?

— Я в НИИ работала. В Soviet times каждую среду мы должны были повышать свою квалификацию — чистить тротуары, коридоры, за-

клеивать окна, колоть лед на улице. Весна, лето, осень — картошка, капуста, прополка, сбор урожая, сортировка на овощных базах. Один раз сидела в засаде ДНД — добровольная (!) народная дружина — ждали наркомана в его доме. Милиционер взял трех бабочек себе на подмогу... Ну, а наша культура уважает классиков. Этой музыкой нас ежедневно двадцать четыре часа мурыжили по радио, и ТВ баловало частенько.

Свекровь рассказывает Эрике:

— Элина работала в полиции с драггерами. Без денег. Она умеет помидоры сажать.

(Та вытаращила глаза.)

Приехал Майкл, младший сын, очень успешный бизнесмен. Он конструирует системы охлаждения для предприятий в своей фирме, основанной Джейн. Каждый год он что-нибудь покупает — яхточку, дом, самолетик. Меня недолюбливает — я очень нравлюсь его маме. Близка. И мама мной начала восхищаться, а его жена уже где-то на втором плане. Потом сокровища Али-Бабы... Хотя я на них не претендую. Мой муж как-то в машине мне говорит:

— Это все будет твое!

— Да у меня всего десять пальцев на руках. Я обожаю твою маму, все твои родственники живут до ста лет. Потом, почему мне-тебе? Может, Грейси? Может, внучке?

— Я старший сын и главный наследник.

Меня это не колышет. Мне и рамки хватит.

Детский ум

Мы готовим обед на кухне свекрови. Много прибабасов, суперсовременной техники. «Мои игрушки», — говорит свекровь. Есть и антикварный уголок — большая эмалированная печь лет полтора ста. Для прикола. Почти у всех в Охламоне есть старые стиральные доски — рифленый металл на дереве. (В Самаре я до сих пор такой доской пользуюсь.)

Их вывешивают на стенках кухонь, как в музее. Раза три свекровь мне жаловалась на свою очень маленькую кухню — всего двадцать квадратных метров. На четвертый я рассказала ей про свою в хрущевке — меньше пяти квадратных метров. Больше она эту тему не поднимает.

Я никак не могу установить температуру на пульте управления ее электропечи-гриля. У меня дома духовка вообще без терморегулятора, тем более без Фаренгейта. Подходит Майкл, поворачивает нужный переключатель и кивает в мою сторону: «Детский ум». Ну ладно, детский, посмотрим...

Приготовили мясо большими кусками. Американцы обожают есть полуготовое розовое мясо и без соли, но с соусами. Кстати, они никогда не обгладывают косточки — ни куриные, ни свиные, никакие. Едят столько, сколько отрежется ножом или откусится. И салаты никогда не заправляют соусами — ты сам выберешь себе из ассортимента. В домах только шведский стол — самообслуживание, никто не подает блюда, и ты сам относишь грязную тарелку в мойку, хозяйка свободна. Присутствие хлеба на столе не обязательно — ни дома, ни в ресторанах, только булочки, чипсы. И все равно ожиревшая нация — то ли от избытка вкусной дешевой пищи, то ли от гормональных сбоев (каждый десятый диабетик), то ли от гиподинамии.

Поели, помузицировали, никаких сплетен, обсуждений за спиной, только о политике, телевидении, сериалах, моде, искусстве. Все *культурно-интеллигентно*. А это и есть воспитание. Свекровь предложила сложить головоломку старшему сыну, моему мужу. Он крутил-вертел многоугольники, потом честно признался, что устал от этого, и пошел стрелять из винтовки с оптическим прицелом по черепахам в пруду. (Эти земноводные едят рыбу, поэтому их здесь не любят.)

В этот день Америка праздновала Father's Day, и надо было поздравить отца (моего свекра), который жил с новой семьей в шестидесяти милях отсюда. К нему уже прибыло много родственников, конечно, все со своими готовыми блюдами. Никто никогда не договаривается, что приготовить и кто что кому должен. Просто каждый старается всех порадовать своими кулинарными способностями. Как всегда, шведский стол без спиртного, только морсы, соки, вода, холодный чай со льдом. Никто не курит — это неприлично. После обеда мужчины стали показывать свои охотничьи, спортивные луки, колчаны, стрелы, чехлы. Все это красиво расписано, украшено чеканкой, филигранью, ореховым деревом, палисандром. Неплохой лук стоит от двух тысяч долларов. Оклахомовцы гордятся тем, что почти каждый имеет индейские корни. Чтоб не быть голословными, поехали на стрельбища, прихватили и меня, единственную женщину, интересующуюся на данный момент этими состязаниями, и мою охотничью Музгарку. Фигуры львов, тигров, лосей, медведей, птиц и пр. в натуральную величину были раскиданы по отгороженному громадному участку леса. Туалетный домик ненавязчиво присутствовал на входе. Потомки могокан и каманчей не задавались, кто-то стрелял лучше, кто-то хуже, я не смогла даже натянуть тетиву. Наличие настоящего оружия в домах всеми приветствуется. Из своих двух личных пистолетов я выстрелила для пробы пару раз. Это не для меня! А свекровь держит на ранчо до тридцати единиц огнестрельного оружия. Живет-то одна! Как-то утром я наблюдала, как Джейн, страхуясь, пошла со взведенным револьвером открывать ворота каким-то незваным гостям. Обошлось, слава богу! Это был ее газонокосильщик.

Вернулись. Я предложила сложить присутствующим двадцати человекам квадрат из Израиловки. Безрезультатно. Никто! Майкл взмолился: «Подскажи!»

Я:

— Я инженер-механик и ты инженер-механик. Ты должен это сделать.

Майкл забрал головоломку с собой домой. Больше я о ней не слышала.

Рашен эдьюкейшен. Да, еще не за деньги учились и с пасьянсами на лекциях.

Медок

Муж:

— Хани, я решил отвезти тебя домой. Ожидается торнадо.

Я:

— С дождем?

Муж:

— И без дождя мало не покажется.

Я (пою):

— Если дождь пойдет, ждешь ты будешь, значит, любишь ты, значит, любишь...

Муж:

— Ты помнишь, какой завтра день?

Я:

— Конечно, годовщина нашей свадьбы на Багамах.

Муж:

— Тебя ожидает приятный сюрприз.

Утром на подносе, рядом с изысканной чашечкой кофе, лежит маленькая бархатная коробочка. Открываю ее с несильным интересом — очередное бриллиантовое колечко с мистическим топазом, как сейчас модно и как мне хотелось.

Я:

— Thank you, Pupsik.

Я поддвигаю свою бархатную коробочку с недешевыми запонками под антик.

Муж:

— Thank you, old Babka.

После поцелуев и ласк прогнозируемый вопрос ко мне:

— Медок, когда ты продашь свою квартиру? Мы должны обновить этот дом, выплатить кредит, и потом у тебя не будет забот пасти из-за океана свою хррррущебу... Ты мечтала посмотреть Гранд Каньон всю жизнь. Может, махнем туда на следующий уик-энд?

Гранд Каньон

Мы с мужем и с собакой несколько раз объехали на машине почти две трети Америки, от Нью-Йорка до Мексиканской границы. А вот с Гранд Каньоном никак не получалось, хотя живем всего в 900 милях от него. Наконец экипировались — и в дорогу! Нелегко сидеть в машине двенадцать часов, тем более что страна для меня уже знакомая, нет новизны ощущений. (Наша-то Россия красивее, но не ухожена и загажена.) Ильф с Петровым просто подметили — «одноэтажная Америка». Однообразные, однотипные городки с правильной, удобной архитектурой без излишеств, с обилием рекламных щитов на дороге, церковей, никаких тротуаров, пешеходов, велосипедистов. В крупных городах (Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес...), конечно, жизнь кипит, там и метро есть, и другой общественный транспорт. (Скучно мне без этого товарищеского чувства локтя. Здесь к америкосу ближе чем на метр не подходи.) А заповедники типа Ниагары, Смоки Маунтинс... великолепны.

Дорога опасным серпантином; ежегодно тут срывается до пяти человек, очень любознательных и безбашенных. С годами у меня развился страх высоты, пришлось заранее таблеток для релаксации поприимать. По пятам за нами, на расстоянии тридцати метров, следовал «форд» с очень пожилой парой, где-то лет под девяносто. На смотровых площадках супруга выкатывала из багажника инвалидное кресло для своего благоверного, чтобы вдвоем созерцать величественную природу. Ее милый с нежностью поглаживал ревматоидные руки жены.

И вот я стою над разломом гигантских гор. В лучах солнца они золотисто-красные, и еще тысяча сказочных оттенков. И никакая камера, фотоаппарат никогда не охватят этих космических ландшафтов! Spaciousness! Космос! Я на другой планете, точнее, континенте. Эх,

наших бы сюда пригласить, зарадоваться вместе! Под моими ногами на стеклянном подковообразном мосту — гигантский разлом глубиной более километра. Не для слабонервных! Несколько «конкордов» как будто висят над каньоном, над временем. Может, как раз в этом месте и происходит пересечение измерений, пространства, эпох...

Теперь осталось для полного счастья на Марс слетать. Или в Брянск, по ленинским местам?

Одноклассники.ру

Я опять включаю компьютер, одноклассники.ру. Опять вглядываюсь в Лешино фото. Все думалось, как удастся такому тонкому, романтическому мальчику въехать в совковый капитализм. На фотографиях основательный дом, плодоносящий сад, ирисы (у меня они тоже растут в Америке), качели, беседка, тяжелая дорогая мебель, то ли испанская, то ли итальянская. Леша-Пузырячок принимает с шампуром гостей на воздухе — тоже незнакомого Коврижко и еще кого-то.

Жена... жена... не красавица, как все время представлялось, а обыкновенная, с выщипанными бровями, кубышка полутора метров. Зато природа не сэкономила на ее носе. Везде преданно смотрит на своего мужа. Оказаться в нужном месте в нужное время — это своеобразный талант. Младше меня на пять лет, а выглядит на эти же пять лет старше или на все пятнадцать. Может, болеет? Политех окончила — молодец! А дочурка — круглолицая красавица, звать Леной... Впрочем, его жена тоже Елена... Ну, от такого парня можно было бы побольше детей нарожать!

Да... Все стабильно-фундаментально-достойно. О, так папа же главный инженер крупного завода, что-нибудь приватизировалось! Замечательно, что с Коврижко они пронесли дружбу через всю жизнь, не у всех это получается. Наверное, он был хорошим советчиком.

Не надеясь на ответ, шлю запоздалый месседж с объяснениями Татьяны Лариной (или Аэлиты?) в пенсионном возрасте. «Надо было уехать в США, чтоб найти тебя... С трепетом и нежностью вспоминается наша практика в Брянске. Через всю жизнь я пронесла романтическую грусть о мальчике с длинными ресницами и с открытым сердцем, с которым нестрашно было гулять по ночному городу, болтая и о чепухе, и о Шекспире...», и далее на пяти страницах.

Ответ. «Смотрел твои великолепные фотографии... Прости, не помню, и Коврижко тебя не помнит... Практика — это яркое воспоминание из моей юности... А как ты вообще из Куйбышева попала в Брянск?»

Звоню Сайде. Так и так, не признает. Она:

— Да-а-а, сильно мальчик обиделся.

— Я-то хотела объясниться за свою детскую незрелость, как-нибудь пригласить его детей Америку посмотреть. Ну, забудем. Постараемся забыть.

— Яким Кондратьич. А был ли мальчик?

— Постой, постой, Сайда. Николай в Курске говорил, что у Леши свадьба в ноябре 74-го, невеста красивая, с иныза, не с политеха. В 74-м его жене было всего семнадцать. Дочь родилась в 77-м. Странно? Вторая жена? Может, с горя, впопыхах сделал предложение первой попавшейся и потом разочаровался? Или Николая... Саркози...

Нерон

Я — Акта. Я смотрю в компьютер и вижу моего Нерона. Спасибо тебе, Лже-Пыжик-Нерон, что одну минуту я была там, в 74-м. Спасибо, что у меня дрожали и прыгали пальцы. Я не разочаровалась. Просто мне хотелось заглянуть в прошлое. Детство ушло давно. Сто часов счастья. Разве этого мало?!

А на другом конце Земли у выключенного компьютера сидит немоло-

дой грустный Принц, держа в руках старую фотографию симпатичного Утенка. Вовсе не гадкого...

...Или это опять мой мираж?

Прозвища

Сбежали как-то мы с Людмилой с «деталей машин». Занудный предмет, формулы многоэтажные, все равно никто ничего не запомнит, на экзамене спишем с учебников. Ну и пошли в кино. Опять «Вий» показывали. Почему б еще раз не посмотреть первый советский ужастик! В начале фильма по дороге бредут три семинариста — Халява, Брут и Горобец. Люда тихонько прыснула и зашептала мне на ухо:

— А ты знаешь, что «халыва» по-украински «морда» значит?

— Нет, конечно!

На следующей лекции по «деталям» я ей записочку присылаю, подписанную Альфурдом Халывой. Дескать, вы такая огнедышащая и сногшибательная мадама — давайте дружить! И пошло-поехало, постоянно слали письма друг другу прикольные.

Тут еще фамилию мою ошибочно записали в билете, как Пузачева. Ну и натерпелась я от девчат, пока добирались до Брянска — Пузачева и Пузачева. Особенно Раечка лютовала. Я ее в отместку Раиской-Перепиской назвала. И начали фамилии коверкать.

Гречникова — Гречкина, Гречко, Грелкина, Грешникова, Гречушкина, Гришина, Гремучкина, Грызодубова, Гриша Черноногова... Чешизадова...

Агеева — Агундяпина, Агундяева, Агундюшкина, Агей-Мухоморкина, Агундяпкина-Шпиндель, Мухобойкина, Мухло-Мухоморина, Беломоркина-Каналова, Беломорина-Каналкина, Агундяйло-Припадкина...

Пугачева — Пузаева, Пузаченкова, Пузыкина, Пукина, Пугреева, Пухлявкина, Пузомойкина, Пузогрызкина, Пузокрыскина, Халывченко, Хулява...

За Сайдой закрепились Сайда Соломоновна почему-то, хотя она Саидовна по паспорту.

Сколько были на практике (все два месяца), еще и сами себе каждый раз новые прозвища придумывали, чтоб посмешней да позаковыристей. И подписывались так в посланиях друг другу, работали ведь в три смены на одном месте, редко могли

встретиться, только в пересменку. Письма оставляли в карманах рабочих халатов.

Я еще была Элеонора де Кекс. Модно было у нас в группе всех на иностранный манер переименовывать — мадам, мусье, мусьен, Вольдемар, Леопольд, Николая...

То ли дело у курских — Солнышко, Пыжик. Коврижко — и кличку не

надо было придумывать. Валера доставал ребят, что у него с утра изжога от заводской столовки. Так и стал Изжогой.

А письма, написанные на клочках бумаги, заводских бланках, накладных, промасленные и потрепанные, мы все храним как самое ценное воспоминание. Всю жизнь. Они у меня здесь, в Америке.

США — Россия

Галина ЗЕЛЕНКИНА

Здравствуй, уважаемая редакция. Осмелюсь предложить вам на рассмотрение три подборочки стихов... Буду рада, если понравится что-нибудь.

Я родилась в 1947 году в Бресте (Белоруссия). Жила в Братске, сейчас — в городе Кодинске Красноярского края. В 1971 году окончила энергетический факультет Иркутского политехнического института. Работала проектировщиком-электриком на строительстве Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. Я член творческого клуба «Новый енисейский литератор», Крымского клуба фантастов и редакционного совета детского альманаха «Енисейка», член СПР, автор двух романов — «Убийца неподсуден» и «Звездочет», шести книг стихотворений. Публиковалась в «Новом енисейском литераторе», «Енисейке», «Поэзии на Енисее», «Литературе Сибири» и антологиях, издаваемых в Красноярске.

С уважением, Галина Зеленкина,
г. Кодинск, Красноярский край

Здравствуй, осень!

За рекой в лесу и в роще
ищут осень грибники,
облака дожди полощут
в водах северной реки.

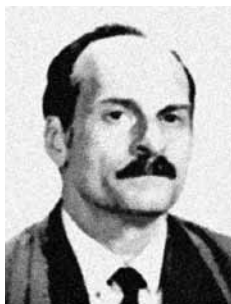
Золотится лист березы
на излете теплых дней,
по утрам на травах слезы
с каждым днем все холодней.

Осень красит лист осине,
чуть дрожит ее рука,
и блестит на паутине
панцирь сонного жука.

Разные сословия

Мы с тобою разного сословия:
я — дворянка, ну а ты — купец.
Я пишу о жизни предисловие,
ты же предрекаешь ей конец.

Красноярский край

ПОХОЖДЕНИЯ «ПОДМИГИВАЮЩЕГО ПРИЗРАКА»

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА III. В чужом пиру похмелье

Отпустив извозчика на Плющихе, долго петляли по узким переулкам. Наконец, остановились у большого серого дома с барельефами. Дутый повернулся к спутникам:

— Ну вот, мы на месте. Здесь живет ростовщик Марфин. Осторожен, но жаден до безобразия. Я договорился с ним о займе под залог швейцарских часов фирмы «Буре». Обрисовал, что на бочатых одних крышек три штуки из червонного золота. Заглотнул наш кровосос наживку. Согласился под эту вещичку ссудить нам деньжонок. Ты, Цыган, сыграешь роль владельца часов-луковки. На, держи приманку. Я в этом деле выступлю как посредник. Войдем к ростовщику вдвоем, Зуба с его габаритами он впустит в квартиру поостережется. Да и не нужен он нам там внутри: одинокого старика и мизинцем на тот свет отправить несложно. Ну все, Цыган, пошли. Держись при толковище солиднее, торгуйся отчаяннее. Нам важно попытаться, где он свою мошну хранит.

Позвонив в дверь, Дутый прислушался. Наконец, один за одним щелкнули три замка и дверь приоткрылась на длину стальной цепочки. Сидящие на длинном носу очки увеличивали серые, выцветшие от

старости глаза, делая старика похожим на хищного сыча. Дутый непридуманно представил спутника:

— Вот привел свояка. Он по нынешним временам никому не доверяет. Самолечно свое сокровище приволок. Давай, покажи часики.

Гришка вытащил из кармана завернутый в красный сафьян товар и, медленно развернув, потряс им перед лицом ростовщика. Вид богатого заклада заставил того забыть об осторожности, и жадный старик, сбросив дверную цепочку, впустил гостей в квартиру. Притупляя бдительность хозяина, Дутый присел на кресло, стоящее у стены, всем своим видом показывая, что он свою миссию выполнил и теперь дело хозяина договориться с владельцем часов о величине заклада.

Марфин внимательно рассмотрел швейцарское изделие и, с трудом скрывая зажегшийся в глазах огонек наживы, сдавленно спросил:

— На какой срок желаете заложить вещицу?

— На полгода, если сможете дать нам необходимую для закупки бакалейных товаров сумму.

— В сумме, я уверен, мы сойдемся, а вот мой срок залога — не более одного месяца.

— Побойся бога, старик. Кто же за месяц торговый оборот успеет повернуть? Мы же не фокусники в цирке.

— Ну хорошо, два месяца — и не более. В случае невозврата долга в этот срок часы перейдут в мою собственность. Сколько вам нужно?

Услышав названную сумму, ростовщик поморщился, но рассчитывая, что незадачливые купцы не сумеют наладить в обозначенный срок торговое дело, жестко произнес:

— Сидите здесь. Я сейчас принесу деньги — и оформим закладную как положено, чтобы потом претензий не было.

Направившись в соседнюю комнату, Марфин неосторожно вытянул из-под жилета длинную серебряную цепочку, на конце которой болтался длинный ключ от сейфа.

«Все, дальше медлить нельзя. Пора действовать», — решил Дутый. Настигнув жертву, сбил ее с ног ударом по голове и, рывком разорвав цепочку, завладел заветным ключом. Подоспевший следом Гришка крепко сжал горло жертвы, не давая приходящему в сознание старику позвать на помощь. Видя, как краснеет от удушья лицо жертвы, Дутый приказал:

— Не дави так сильно. Надо убедиться, что найдем стального «медведя» и без его указки.

Войдя в соседнюю комнату, он быстро обнаружил сейф, укрытый за высоким трюмо, наискосок закрывшим укромный угол. Зайдя обратно в комнату, где лежал прижатый к полу жилистым Гришкой хозяин квартиры, Дутый приказал:

— Добей старика. Да не души, а ножом в сердце, чтобы я самолично видел кровушку, которой ты будешь повязан.

Продолжая удерживать левой рукой ростовщика за горло, Цыган выхватил из-за голенища нож и, крикнув как человек, рубящий полено, с размаху всадил лезвие в грудь жертвы.

Наблюдая, как Гришка хладнокровно вытирает лезвие о край свисающей со стола скатерти, Дутый уважительно подумал: «Этот Цыган явно не впервой чужую душу на небо отправляет. К тому же теперь ясно, что не из уголовки засланный. Такой мне для дела и нужен. Только за этим типом надо смотреть остро. Иначе сам у него на пике в один миг окажешься».

Брезгливо перешагнув через ручеек липкой крови, растекшейся по полу, Дутый позвал за собой соучастника:

— Не будем терять время. Опустошим сейф и смываемся. Берем только деньги: на заложенных барыге вещах можно легко засыпаться. Да, не забудь часики наши швейцарские с собой забрать. Они на другой мокрухе нам достались.

Через некоторое время повязанные кровавым преступлением уголовники вышли из дома и, сопровождаемые верным Зубом, быстро направились в сторону Садового кольца. Планируемая Дутым подготовка к налету на складские помещения богачей-торговцев вступала в главную стадию.

На следующий день Гришку разбудил ранний приход Лехи. Тот водрузил на стол бутылку водки и небрежно выложил нехитрую закуску.

Уже после первых фраз Гришка понял, что гость не знает о совершенном накануне налете на квартиру ростовщика.

«Похоже, Леха Косой особым доверием у Дутого не пользуется. Шестерит на подхвате понемногу да помогает сбывать краденое. Но все же можно попытаться выведать у него хоть какие-то крохи. Идти вслепую на крупное дело — заранее обречь себя на гибель. Впрямую спрашивать нельзя, чтобы не насторожить. А то сочтут за стукача и поставят на перо. А здесь, в домике у Няни, звать на помощь бесполезно. Сбросят тело в Москву-реку на корм рыбам. Зайду издалека, осторожно».

После третьей стопки Гришка, потянувшись за куском сала, словно невзначай спросил:

— Не знаешь, зачем Дутому три подводы с лошадьми покупать понадобилось? Не в деревне же живем?

— Откуда про повозки знаешь?

— Так Дутый сам мне вчера сказал, когда с Зубом сюда приходили.

— Вот оно как! Точно не знаю, но шумок идет, что Дутый товару много взять вознамерился. На собственном горбе не унести. Вот и понадобились лошаденки резвые в ночь темную.

— А на охрану вольнами и винтарами не нарвемся?

— Это я знать не могу. Дутый со мной своими планами не делился. Вот только дружок Дутого Семка Конопатый последние дни — возле складов бывших купцов Гариных в Сокольниках. Там его, по слухам, видели. Он ворширмач. И возле складов ему ловить вроде бы нечего. Возможно, для Дутого старался. Они ведь свояки: на сестрах женаты. А впрочем, какая нам с тобой разница?

— Есть разница: один с бабой любовь крутит, а другой лишь дразнится. Мне ни к чему в чужом пиру от тяжелого похмелья маяться. А впрочем, где наша не пропадала. Если подфартит, возьму свою долю и рвану отсюда на юг. Там завсегда вольнее дышалось. Давай,

разливай остаток. Не оставлять же на потом.

Выпив свою стопку и наскоро закусив, Леха внезапно засобирился:

— Пора мне, Цыган. Еще дел много. Как говорится, свиданьице отменил, и на сегодня будя. Хорошего понемножку. Если хочешь, вечером заглядывай в привокзальную чайную. Я там сегодня опять буду. Ты, кстати, Дутому о нашем разговоре не вякай, а то он осерчать может, что ты мне про лошаденку лишнее слово обронил. Дутый — мужик серьезный и лишнего трепана не любит.

— Это тебе, Леха, опасаться надо, что про склады в Сокольниках мне в обход Дутого проболтался. Ладно, не будем собачиться: слово — серебро, а молчание — золото. Ступай, а я своими делами займусь.

Как только за Лехой закрылась дверь, Гришка нервно заходил по комнате: «Похоже, Дутый опасное дело затеял. Тут можно и в паны раз выскочить, но и запросто пулю схлопотать за бандитизм. На такой риск идти можно, лишь когда самолично дело готовишь. По нынешнему раскладу мне в чужое дело влезать не с руки, а надо срочно камушек загнать и рвануть отсюда подальше. Единственный шанс — разыскать Лехиного дантиста и через него проверить сделку. Это будет несложно. Я у арки Косого ждал минут десять. А это значит, зубодер живет в ближайшем доме и я легко смогу определить его хату. Вот только как заставить дантиста иметь дело с незнакомым человеком? Одна надежда на его жадность: такой дорогой бриллиант редко в руки приплывает. Да я и цену высокую ломить не стану. Должен клюнуть барыга. А деньжата у него есть, раз с рыжьем дела имеет. Откладывать не буду. Мне под пули охраны на складах свою буйную головушку подставлять ни к чему. Если сделка состоится, прямо сегодня и свалю из Белокаменной».

Гришка быстро собрался. Нож спрятал за брючный ремень под фуфайку. Саквояж брать не стал, чтобы

не насторожить хозяйку: «Если дело выгорит, рвану прямо на вокзал. Черт с этими шмотками. Новые куплю. Сменю гардеробчик. Франтом на юг пожалуйю. Графинечку для забав найду».

Внезапно в памяти всплыло когда-то любимое лицо Татьяны, с немым укором смотрящее на человека, оставившего ее тело на корм зверью в зимней тайге. Суеверно отогнав неприятное видение, Гришка поспешил выйти на улицу. Яркое солнце, опалив его теплыми лучами, согрело тело, замерзшее в сырой, покрытой плесенью комнате. И, ощутив уверенность в успехе задуманного дела, Гришка направился к Плющихе, где легко можно было нанять извозчика. Разыскать зубного врача оказалось довольно просто. Подойдя к знакомой арке, Гришка для правдоподобности приложил к щеке носовой платок и со страдальческим видом вошел во двор дома. Жалким голосом поинтересовался у женщины, гуляющей с ребенком, где живет доктор. Та сразу указала на нужный ему подъезд и назвала третий этаж. Найдя нужную квартиру, Гришка остановился перед тисненой вязью на табличке, оповещающей о врачебной миссии хозяина, и нажал на звонок. Дверь открыла прислуга с белой заколкой на пышных волосах. С подзором осмотрев простоватого на вид посетителя, брезгливо приняла от него картуз, повесила на вешалку и пошла доложить хозяину. Выйдя из кабинета, небрежно кивнула:

— Заходите.

Доктор, с трудом умещающийся в обтягивающем объемистую фигуру белом халате, сразу строго предупредил:

— Вообще-то я лечением не занимаюсь. Мое дело — протезирование. Если вам нужно удалить зуб или поставить дорогую коронку, то я возьмусь. Но это стоит дорого. Если же речь идет об обычной пломбе, то идите к другому врачу.

— Моими зубами можно грецкие орехи в крошку разгрызть. Дело у меня к вам серьезное. Тянуть

не буду. Мой старый знакомый, Леха Косой, позавчера колечко от меня вам приносил. Надпись там еще примечательная.

— Ну, допустим. Хотя я ничего подобного припомнить не могу. Что дальше? Если вы принесли нечто новенькое, то я готов полюбопытствовать.

— Начну немного издалека. В Замошворечье жил до революции купец Буйнов. Кожей и мехами торговал.

— Знал я этого негодяя и супруге его покойной зубы вставлял. Начало разговора серьезное. Слушаю дальше.

— После смерти Полины Степановны купец стал прижимист и осторожен. Да еще почуял приближение революции. Решил все свои сбережения вложить в один крупный бриллиант. Поехал в Ригу и у одного разорившегося французика приобрел драгоценный камушек.

— Откуда такие подробности вам известны?

— От племянника Полины Степановны Вадима. Он по департаменту полиции числился и сопровождал для страховки старикана в Ригу.

— Ваш рассказ все любопытнее становится. Объясните. С какой стати семья Буйнова с вами своими секретами делиться вздумала?

— Так я Татьяне, жене Вадима, двоюродным братом прихожусь и до войны с германцем у них в доме бывал. Короче, когда старик отдал Богу душу, бриллиант попал к Татьяне, а она в Сибири на моих руках скончалась от горячки. Таким образом этот камушек ко мне попал. Я человек простой: мне бриллиант без надобности. На них жизненные удовольствия не приобретаешь.

— Рассказ вполне правдоподобен. Только об одной детали вы благодушно умолчали: о бриллианте я, естественно, не знал, а вот про то, что купец Буйнов и племянник его жены Вадим в одну ночь скончались, слухи нехорошие ходили. Да и Татьяна исчезла тогда из города. Впрочем, не мое это дело. Если вещичка при вас находится, то будьте любезны предъявить.

Решившись, Гришка расстегнул на груди рубашку и снял с шеи кожаный чехол. Вытащив бриллиант, передал дантисту. Тот, не притронувшись к товару, громко пригласил:

— Сема, иди сюда. Взгляни опытным глазом мастера на камешек.

Тяжелая портьера раздвинулась, и в кабинете появилась могучая фигура. В отличие от доктора, человек был подтянут и мускулист. Его большая голова, казалось, не имела шеи, а росла прямо из широченных плеч. Свою правую руку Сема держал в боковом кармане атласного халата.

«У этого типа морда — точная копия докторской. И этот тип точно держит меня на прицеле. Надо бы поостеречься».

Насладившись произведенным эффектом, доктор успокоил:

— Не бойтесь собственной тени, молодой человек. Это моя страховка: родной брат. Приехал погостить из Одессы, где широко известен в узких кругах. Вы не знакомы? Странно, одними тропами ходите, экспроприруя чужую собственность. Сема знает толк в камушках и легко определит, не пытаются ли нам, как дешевым фраерам, вручить фармазон из обычного стекла. Ну, что скажешь, Сема?

Продолжая направлять оружие в кармане халата в живот посетителю, Семен внимательно покрутил свободными пальцами искрящийся гранями бриллиант. Затем благосклонно кивнул:

— Вещь настоящая, дорогостоящая. Сколько вы за нее хотите?

— Слушайте, господа хорошие, морочить вам голову и другие части тела не стану. Я не знаю истинной цены этого бриллианта, который покойный Буйнов уважительно называл «Подмигивающим призраком». Вы мне сами предложите цену. Но по справедливости, чтобы и меня не обмануть, и самих себя не обидеть.

— Как же ты, такой бывалый, с таким богатством по Москве без опаски шастаешь?

— Это вам так показалось. Двое отчаянных парней из моей про-

шлой лихой жизни не спускают глаз с подъезда, куда я вошел. Они хорошо знают, к кому я в гости наладился и по какому вопросу.

— Допустим, что так. Искушать судьбу не будем. Заключим честный контракт. Ты спросил о цене. А ведь дело не в ней, а в наших с братом возможностях. Подлинную стоимость этого бриллианта мы тебе возместить не сможем. Не те времена. Так что рассчитывай примерно на четверть реальной цены. Если согласен, перейдем к обсуждению деталей.

— Согласен, мне деваться некуда. Только одно условие. В уплату большую часть возьму не ассигнациями, а золотом: двадцать царских червонцев, остальное перстеньками и цепочками.

— Так это не продажа, а натуральный обмен получается.

— Все верно. Бумажки сейчас никому не нужны.

— Но у нас нет сейчас золота. Знаешь, какой сейчас в Одессе самый популярный анекдот? Нет? Тогда слушай сюда: мальчик спрашивает у отца, кто такой пролетариат. А тот отвечает: это тот, кто освободил нас от цепей. Помнишь, у тети Зоси до революции была массивная золотая цепочка? Так вот, ее больше нет. Так и у нас с братом. До прихода новой власти кое-что водилось, а сейчас нет. Но пойдем тебе навстречу: десять золотых царских червонцев и кое-что из цепочек, кулонов и колечек. Остальное возьмешь ассигнациями.

— Хорошо, но только оплата прямо сейчас — и разбегаемся.

— Не получится так сразу с разбегу. Здесь в квартире у брата трудовые накопления не держим. Иначе придут с обыском чекисты и реквизируют все до грамма. В другом месте ценности хранятся. За ними еще съездить за город придется. Сделка состоится завтра в полдень. Раньше никак нельзя.

— Ладно, но завтра крайний срок. Если не сойдемся, то ни меня, ни бриллианта больше не увидите.

— Договорились. Только приходи сюда в квартиру один. Но поделничков, если они, конечно, у тебя есть, оставь во дворе. Нам лишние неприятности ни к чему.

Положив бриллиант в кожаный мешочек, Гришка повесил драгоценность на шею и покинул квартиру дантиста. Непредвиденная задержка в городе вызвала у него легкую досаду, отодвинув на сутки воплощенные мечты о предстоящем богатстве. Если бы он знал, где в этот момент находится Леха Косой, то наверняка ощутил бы острую тревогу за свое безмятежное будущее.

Выслушав сбивчивый рассказ Лехи о закупке Дутым повозок с лошадьми и проявленном им интересе к купеческим складам в Сокольниках, Губин задумчиво произнес:

— Судя по всему, Дутый совершит налет в ближайшие сутки или двое. У нас появилась возможность взять всю банду сразу.

— Дутый народу побольше собирает. Ему надо подводы как можно больше загрузить. Он точно предложит с ними идти. Как быть? Может быть, слить из города?

— Нельзя: они в случае провала сразу тебя под подозрение подведут, и тогда твоя голова и гроша ломаного не будет стоить. А потому тебе пойти на дело придется. Только вглубь склада не суйся, держись ближе к подводам. Как мы начнем шмон наводить, делай в суматохе ноги, вскакивай на подводу и ныряй в темноту. Мы дадим тебе уйти.

— Хорошо, я все понял. Только ты шамальни вверх за пару секунд до облавы, чтобы мне фору дать. Я сразу хлестану кобылку и уйду в отрыв. Да и ребят своих предупреди. Пусть поостерегутся палить без разбору, а то получишь «маслину» в лобешник.

— Не паникуй! Банкуй смело, все в твоих руках. После захвата банды на меня не выходи, сам тебя найду, когда шум утихнет.

Последнюю фразу Губин сказал для успокоения Лехи: «Пусть

стукачок без опаски на дело пойдет. Для моей задумки его придется завалить: лишние свидетели в этом деле мне не нужны. Теперь остается лишь окончательно договориться со своими сыскарями. С Валовым проблем не будет: в гражданскую две пули в грудь схлопотал. Бывший матрос Глухов ненавидит мировую буржуазию по классовым соображениям. Ну а Миронов — мутный выходец из деревни, до дармовых денег слишком охоч. Если бы родной дядя его в милицию не пристроил, то точно бы в бандиты подался. Все трое нэпманов люто ненавидят и в открытую клянут новые порядки. С ними можно говорить откровенно».

Вызвав в свой кабинет подчиненных сыщиков, Губин сообщил о предстоящем ограблении складов и объявил:

— Захват будем проводить только после того, как загрузят товар на подводы. Какие у тебя сомнения, Валов?

— Так там на складах сторожа имеются: два старика с берданками по кругу шастают.

— Ну и что? Бандиты не станут стрелять и шум поднимать, свяжут сторожей и рот кляпом заткнут. Это только отягчит их вину.

— Ну а если замочат?

— Это у тебя фантазия разыгралась. Да и какое тебе дело до солдат-ветеранов. Один из них еще с туркой на Шипке в молодости воевал. Все равно уже свое отжили. А нам банду надо с поличным взять. Вся надежда на внезапность. Без перестрелки не обойтись: ребята у Дутого отчаянные, и оружие у них в достатке имеется.

— Вот уж я не думал, не гадал, подставляя грудь под белогвардейские пули, что через пяток лет жизнью рисковать буду, защищая добро зажавшихся богатеев.

— Я тебя, Валов, хорошо понимаю. Впору запеть одесскую каторжную песенку: «Товарищ, товарищ, за что же мы сражались, за что мы проливали свою кровь?»

— Не в песне дело. А защищать нэпманов противно. Для чего тогда под революционным знаменем столько кровищи пролили, если вновь недобитые богатеи из всех щелей повылазили? А кто до революции с воды на квас перебивался, тот и сейчас голодает и чужие обноски донашивает.

— Ну и что ты предлагаешь? Новую революцию устроить?

— Не помешало бы!

— Ну ты лишнего не мели языком. А то сам на цугундер загремишь за крамолу. У меня есть получше предложение. Только вот не знаю, согласитесь вы или нет.

— Не тяни, Губин, кота за все принадлежности. Мы люди опытные, многое в жизни видели и текущий момент ясно понимаем. Говори, что задумал.

— По имеющейся информации, Дутый намечал приобрести три подводы. Раз уж на риск под пули пойдем, то хотя бы не без личной пользы. Две подводы вернем, а третья, по моему разумению, вполне может бесследно исчезнуть, уйдя от нашей погони.

В кабинете воцарилось напряженное молчание. Все понимали, о чем идет речь. Каждый из присутствующих имел заслуги перед советской властью, и все считали себя незаслуженно обделенными. И еще их объединяла испепеляющая душу ненависть к хорошо одетым, сытым, самоуверенно наслаждающимся жизнью в ресторанах с роскошными женщинами коммерсантам. Наконец, Глухов с матросской прямоотой рубанул с плеча:

— Все ясно, Губин. Мы согласны и больше трепаться зазря не будем. Если пойдем на дно, то все вместе. Излагай свой план.

— Все очень просто. Я с Глуховым вместе с другими сыщиками пойду на захват. Начальству накануне доложу, что для изблечения всех главарей банды необходимо дать уйти одной из подвод и проследить за нею. Это поручение получают Валов и Миронов. Ну а в темноте

упустить из виду краденую подводку в хитросплетении улиц может каждый. В крайнем случае, получите по взысканию за бесследное исчезновение товаров со склада за пределами города. Вопросы есть?

— А что делать будем с теми бандитами, которым дадим уйти с третьей подводой?

— Ты, Миронов, не строй из себя дурочку. Сам знаешь ответ на этот вопрос. Ну все, расходимся. До операции осталось менее суток. Будьте готовы.

В полном молчании сыщики покинули кабинет. Они хорошо понимали, на какой риск решились.

С утра Гришка поехал на биржу труда. Ему для намеченного спектакля с продажей бриллианта нужны были двое крепких мужиков: «Одному являться с камушком за деньгами опасно. Слишком уж большой соблазн у братьев-покупателей меня пришить и объявить, что я их ограбить пришел. Надо с собой для видимости привести двух парней со свирепыми мордами. В квартиру со мной их не пустят. Но пусть во дворе подъезда подежурят. Поостерегутся тогда хозяйева мочить меня при таком раскладе. Для этой задачи уголовников брать опасно: они меня самого прирежут из-за денег могут. Бородатые сельчане не подойдут: у них вид не тот. Надо брать мужиков из безработных ремесленников».

Немного потолкавшись в толпе, Гришка отозвал в сторону двух молодых парней:

— Заработать хотите? Надо со мной проехать в Орликов переулок.

— А что делать надо?

— Ничего особенного. Я с одной квартиры на другую переезжаю. Можете мне вещички перевезти.

— Небось краденое потащим?

— Ни в коем разе. Если хочешь, побожиться могу. Тебе деньги нужны? Так чего артачишься, вопросы глупые задаешь? Думаешь, для кражи я настоящих мазуриков не нашел бы?

— Ладно, поехали. Но если что не так, не обессудь. Повернемся и уйдем.

— Ваше право. А чтобы не боялись обмана, вот вам, ребятки, по задатку.

Поспешно засунув деньги во внутренние карманы пиджаков, парни послушно последовали за Гришкой. Приехав на место, Цыган намеренно поставил парней прямо под окнами дантиста: «Пусть видят братья, что я не один».

Затем поднялся по лестнице и позвонил. Дверь открылась. Стоящий на пороге дантист приветливо пригласил:

— Заходите. Вы точны по времени, а это залог успеха в делах.

Настороженно ожидая подвоха, Гришка прошел в комнату. Там никого, кроме брата хозяина, не было. Тот, указав через оконное стекло на двор, насмешливо сказал:

— Все-таки приволок с собой охрану. Они не очень-то похожи на уголовников. Скорее, не блатные, а голодные. Ну ладно, это твои проблемы. Нас это не касается. Камешек не забыл?

— Как и в прошлый раз, со мною. Предъявите, чем платить будите.

Борис приподнял рубашку и снял с живота пояс, сшитый из грубой мешковины. Развязав тесемки, высыпал на стол десяток золотых червонцев, драгоценные цепочки, колечки, кулоны. Гришка недоверчиво переворошил драгоценности и спросил:

— Все из золота?

— Будь уверен, парень. Здесь не на базаре — не обсчитают. Вот и ассигнации. Не шибко много, но на шампанское и недорогих марух надолго хватит. Теперь твой ход, клади на стол «Подмигивающий призрак».

Гришка снял с шеи кожаный мешочек и положил на стол свой товар рядом с разложенной на столе кучкой золота. Осмотрев бриллиант, брат хозяина облегченно вздохнул:

— Все в порядке! Этот игриво подмигивающий мне камень душу согревает и сердце веселит. Забирай свою долю. Пояс из мешковины отдаем тебе в придачу бесплатно. Носи на доброе здравие.

Гришка, стараясь не выпускать из виду братьев, сложил драгоценности в пояс и, обвинив вокруг туловища, крепко завязал тесемки. Пятясь спиной к двери, глупо произнес:

— Ну все, зубодеры, как говорится, до свиданьица.

— Нет уж, лучше прощевай, добрый молодец. И нам, и тебе лучше забыть о сделке. Так будет полезнее для здоровья.

Оказавшись на лестничной площадке, Гришка, все еще не веря в удачу, начал сбегать вниз по лестнице. Перед тем как покинуть подъезд, вытащил две ассигнации и, выйдя во двор, направился к нанятым им работягам. Вручив деньги, небрежно пояснил:

— Раздумал я переезжать. Обстоятельства изменились. Вот вам на магарыч от меня за беспокойство. Надеюсь, вы не в обиде?! Все, разбегаемся.

И Гришка направился под арку, торопясь удалиться подальше от места совершения сделки.

К дому Няни Гришка добирался кружным путем. Подошел к кривым домишкам на берегу Москвы-реки и приблизился к своему временному пристанищу с тыльной стороны дома, где не было окон. Заметив плохо прибитую доску, расширил отверстие. Затем вытащил из пояса-хранилища несколько золотых вещичек и, завернув в грязный носовой платок, спрятал часть своего богатства между бревнами, потом водворил доску на место, покрепче пригнав ржавые гвозди в сделанные ранее отверстия. Для верности с наугой подкатил к тайнику округлый большой камень и придавил доску поплотнее к стене: «Всяко может случиться. А так хоть часть уцелеет и будет с чем отправиться на юг».

Затем, отряхнув одежду и вымыв в речной воде руки, постучал в дверь. Встретившая его на пороге Няня равнодушно скользнула по нему выцветшими от старости глазами. Не заподозрив ничего дур-

ного, Гришка прошел в комнату и замер на пороге. Посредине комнаты сидели Зуб и Леха. Зуб смотрел настороженно:

— Где ты шляешься, да еще накануне дела? Тебе же Дутый велел из дома и носа не высовывать без особой надобности.

Стараясь обезопасить себя от подозрений в стукачестве, в разговор поспешил вмешаться Леха:

— В случае даже случайного провала первым отвечать будешь. Пойди докажи, что не в уголовку к сыскарям доносить бегал.

Цыган с презрением сплюнул под ноги Лехе:

— Ты следи за языком своим поганым, а то я тебе его укорочу в два счета.

— Извиняй, Цыган, я это так, для порядка сказал. Колотит всего перед делом, и предчувствия мутные мучают.

Зуб решительно встал:

— Ну все, собирайся, пора идти. Дутый велел всех собрать заранее. Нам лишние сюрпризы ни к чему.

— Сразу белым днем на дело поедем?

— Нет, конечно. Но до темноты все посидите на одной хате в Сокольниках поближе к складам. С этого момента каждый должен видеть всех, а все каждого. Здесь все свое барахло оставь, с собой, кроме ножа, ничего не бери. Примета плохая. Покажи судьбе, что надеешься сюда обязательно вернуться.

— Не учи отца детей делать, Зуб. И без тебя знаю, как следует поступать перед делом.

— Ладно, не обижайся. Предосторожность никогда не бывает лишней.

Закрыв дверь за гостями, Няня прошла в комнату жильца. Заботливо проверила оставленные вещи. Она по опыту знала, что в случае воровской неудачи все добро перейдет в ее пользование. Ну а если фарт не отвернется от любителей легкой наживы, то и ей перепадет от их щедрот. В любом случае хозяйка блатной хаты не должна была остаться внакладе.

Узнав, что возле торговых складов замечено подозрительное движение снующих взад и вперед лазутчиков, Губин отдал приказ подтянуть силы и ждать его сигнала. Особое внимание уделили дежурству невдалеке на извозчике Валова и Миронова. Расставив людей, предупредил, что брать бандитов надо, когда вынесут ворованное, но одну из подвод следует выпустить из кольца облавы для избличения сообщников и остальных звеньев опасной банды. Все было готово. Осталось только ждать развязки задуманной операции.

Быстро стемнело, и сыщики лишь в последний момент заметили, как преступники проникли на территорию склада. До сотрудников Губина донеслись невнятные стоны подвергшихся нападению сторожей. Затем все стихло. Вскоре к складам бесшумно подъехали три подводы с хорошо смазанными колесами, ведомые лошаадьми с обмотанными мешковиной копытами. Суетливо замелькали едва видимые фигуры, сноровисто грузящие в подводы тюки с товарами. Губин различил среди грабителей сильно скособоченную фигуру Лехи. Тот согласно инструкции держался крайней подводы. «Молодец, Косой! Вот что значит инстинкт самосохранения. Все делает по уму. Товаров уже загрузили достаточно. Пора начинать. Только бы пулю не схлопотать. А то плоды всей хитроумной операции достанутся этим вахлакам Валову и Миронову. Несправедливо будет! А, ладно, где наша не пропадала!»

И Губин выстрелил в воздух, подав сигнал к началу операции. Предупрежденный им Леха сноровисто запрыгнул в подводу и хлестнул лошадь поводьями. Напуганная шумом и выстрелами кобыла резко рванула с места и помчалась вдоль по улице. На ходу за ним в подводу успел заскочить Зуб и громко заорал:

— Гони! Иначе пропадем.

И без приказа Леха без устали настигивал лошадь, втягивая голлову в плечи, словно это могло его

уберечь от повизгивающих в ночном небе пуль. Наконец кобыла, повинаясь инстинкту, свернула в узкий переулочек и замедлила ход. Леха прислушался:

— Вроде все тихо. Ушли. Ну что будем делать, Зуб?

— Это не по моему разуму. Я могу только руку кому-нибудь вывернуть или шею свернуть.

— Что же Дутого-то на складе бросил?

— Своя рубашка ближе к телу. Дутый сам виноват: на засаду нас навел и хлопцев своих подставил. Давай бросим это ворованное барахло и уберемся из города.

— Нельзя: вдруг Дутый тоже сумел уйти. Он с нас шкуру с живых дерет, если барыш упустит. Надо ехать в условленное место на Красную Пресню. Там подождем. Если никто из наших до утра не появится, тогда разбежимся.

— Ладно, как скажешь. Слышишь, еще пуляют. Может быть, и правда уйдет Дутый. Он у нас из фатовых.

Ничего не ответив, Леха заставил лошадь тронуться с места, направив ее в сторону Садового кольца. Радуюсь чудесному спасению, он не замечал, как в отдалении за ними неотступно следует извозчицья коляска с хорошо одетым седоком. Миронов, изображающий запозднившегося гуляку, крепко сжимал рукоять нагана, боясь упустить из виду приговоренных Губиным к казни мазуриков.

В районе Красной Пресни подвода внезапно свернула во двор, окруженный деревянными домами. Уже не скрываясь, пролетка с сыщиками резво влетела следом. Зуб успел выхватить наган, но Миронов его опередил. Сраженный милицейской пулей в грудь, бандит выронил оружие и, неестественно согнув ноги в коленях, опрокинулся на спину, безразлично уставившись неподвижным взглядом в ночное небо.

Узнав подчиненных Губину сыщиков, Леха вскинул вперед руку:

— Ребята, я свой! Вы же меня знаете. Отвезите меня к Губину. Он все объяснит.

Миронов кивнул Валу:

— Что медлишь. Твоя очередь подписаться кровью.

И Валов решительно вскинул наган. Увидев направленный на него зрачок ствола, Леха в последнее мгновение своей жизни осознал предательство Губина и свою обреченность. Выстрел он уже не услышал.

Сбросив тела ликвидированных бандитов на землю, сыщики разделились: Миронов остался в извозчицкой пролетке, а Валов, вспрыгнув в подводу, направил ее к выезду из двора. Вслед за ним выехал Миронов, спеша побыстрее убраться от места, где краденые товары поменяли своих хозяев.

К этому моменту на складах уже все было закончено. Тела расстрелянных в схватке бандитов сложили во дворе рядом с трупами убитых ими сторожей. Внезапно Глухов, проводящий осмотр внутри одного из складов, выглянул и жестом поманил к себе Губина:

— Зайди и посмотри, какого субчика мы обнаружили. С комфортом среди мехов от нас прятался.

Увидев чернявого смуглого налетчика, Губин благодушно улыбнулся:

— А вот и сам Цыган к нам нежеланным гостем пожаловал. Это тебе не церкви при царе Горохе чистить. Не удивляйся, что о тебе всю подноготную знаю. Работа у меня такая. А теперь слушай меня особенно внимательно. Времени у нас мало. Сейчас сюда начальство понаедет. Тогда и договориться не сможем. Мне тебя легче прямо сейчас шлепнуть как оказавшего вооруженное сопротивление и положить до кучи с другими бандитами. Но если можешь сообщить особо ценные сведения, то могу и на свободу, как птичку из клетки, выпустить. Ну что выбираешь?

— Свободу.

— Ишь ты прыткий какой. Но мне это даже нравится. Что взамен?

Цыган быстро задрал рубаху и, сняв пояс из мешковины, передал Губину.

Тот, высыпав на ладонь часть содержимого, радостно присвистнул,

увидев россыпь золотых побрякушек. Быстро свернул и положил драгоценности в карман кожаной куртки. Затем осуждающе покачал головой:

— Уж не думаешь ли ты, что я на взятки падоко? Это и за услугу я принять не могу, поскольку при обыске все равно эти цапки у тебя изъял. Так что заинтересуй меня по настоящему. У тебя три секунды.

И Губин угрожающе взвел курок. Поймав жесткий и безжалостный взгляд сыщика, Цыган обреченно осознал: «Я сделал глупость, отдав этому типу рыжье. Теперь ему выгоднее меня завалить якобы при попытке сопротивления, а ценности взять себе. Выход один: заинтересовать его дорогим бриллиантом».

И Цыган начал игру, ставкой в которой была его жизнь.

— Я знаю, у кого имеется драгоценный камень под названием «Подмигивающий призрак». За него можно выручить вчетверо больше, чем лежит в изъятом у меня поясе из мешковины.

— И где же такое богатство прячется?

— Адреса не знаю, но показать могу. То, что у меня с собой было, только часть уплаты за него. Остальное я должен получить сегодня утром.

— Сколько там людишек?

— Двое и без оружия. Барыги.

— Все, я понял. Сейчас доложу начальству, что ты готов показать, куда краденую подводу сховали и где укрылись бандиты. Они в эту легенду поверят. А мы отправимся к барыгам втроем: ты, я и Глухов. Если что пойдет не так, первая пуля найдет тебя. По шуму снаружи улавливаю, что начальство за наградами в свою пользу прибыло. Они даже рады будут от нас поскорее избавиться и отправить на новое задание. Все, поднимай руки в гору и выходи на свежий воздух.

— Перед смертью не надыхишься.

— Брось тоску-печаль, добрый молодец. Если не наврал и дело выгорит, то на радостях отпущу на

все четыре стороны с условием, что уберешься из города подальше.

Цыган благоразумно промолчал: «Похоже, дурка прокатила. На время костлявая отпустила. Там на месте, в квартире у дантиста, придется действовать быстро и жестко. Шанс у меня один из ста. Остается только надеяться, что братец зубодера из Одессы не оплошает и успеет воспользоваться оружием. Надо только суметь его предупредить». План созрел мгновенно, и Гришка почувствовал, как надежда выкрутиться из беды влила в него новые силы.

В район Орликова переулка подъехали в начале девятого утра. Извозчицью повозку привязали к каменному столбику и прошли под арку. Гришка невольно замедлил шаг: «За последние двое суток появлюсь здесь в третий раз. Дай бог не в последний. Только бы не оплошать. Если удастся смяться, то уходить буду через проходные дворы, а не через эту арку». Его размышления прервал густой басок Губина:

— Похоже, мы идем в гости к зубодеру Рубинчику. Известная личность: давно в темную камеру с видом на солнечную сторону напрашивается. Ведь так?

— А кабы и так. Все равно без меня в квартиру по-тихому не проникните.

— Тут ты прав. Двигай дальше.

Узнав, что идут к дантисту, Губин успокоился. От низкорослого толстяка Рубинчика он не ожидал встретить серьезного сопротивления. Поднявшись по крутой лестнице к двери дантиста, Губин дождался, когда восстановится дыхание, достал наган и взвел курок. Затем кивком головы подал знак Гришке звонить в дверь. Вскоре внутри послышались мягкие шаги, и хозяин спросил:

— Кто там? У меня прием с десяти утра.

— Я не на лечение. Это Гришка. Вчера был у вас по поводу «Подмигивающего призрака». Вы обещали вторую часть стоимости

выплатить мне на следующий день, убедившись в подлинности камушка. Вот я и пришел за должком.

После некоторой заминки голос за дверью настороженно поинтересовался:

— А ты один пришел?

— Точно так же, как и вчера.

— Хорошо, я понял. Только ты меня разбудил. Подожди пару минут, я должен одеться. У меня все готово.

Выскочив в соседнюю комнату, Рубинчик достал из секретера парабеллум и шепнул держателю в руке браунинг брату:

— Пришел вчерашний купец. Предупредил о налете, требуя уплаты несуществующего долга. Дал понять, что их там за дверью трое.

— Сам бы этот парень на такую наглость не решился. Его принудили сюда прийти. Раз предупреждает, то он нам не конкурент. Значит, у нас только двое противников. При таком раскладе, да еще используя внезапность, можно банковать. В купца не пали. Целься в ближайшего из тех, кто у него за спиной. Все, больше не тяни, открывай — и сразу в сторону, за шкаф. А я встану за дверью.

Готовясь к вооруженному отпору обычным бандитам, братья не могли даже предположить, что столкнутся с всесильной милицией. Иначе бы они сдались, предпочтя отдать без боя все свое богатство. Но это незнание сыграло с ними злую шутку. Они, стараясь ступать бесшумно, направились в переднюю. Лязгнули замки, со звоном вылетела из гнезда цепочка. Дверь отворилась, и в проем вломились налетчики, грубо толкая впереди себя Гришку. Братец из Одессы выстрелом в упор свалил Глухова, но тут же пуля Губина разmozжила ему голову. Неловко выскочивший из-за шкафа дантист трясушей рукой направил ствол в сторону Губина, но тот вытолкнул впереди себя Гришку прямо на хозяина. Дантист, невольно нажав на курок, разом прервал жизнь считающего себя фартовым вором

Цыгана. И тут же Губин выстрелил в хозяина, попав прямо в сердце.

Губин осмотрелся. На полу в передней лежало четыре трупа. Надо было действовать быстро, чтобы обнаружить бриллиант прежде, чем звонить в отдел и вызывать дежурную группу. Внезапно начальник уголовного розыска заметил свисающий из раскрытого ворота рубашки убитого им родственника хозяина кожаный мешочек. Он быстро нагнулся, сорвал не похожий на украшение талисман и, раскрыв его, выкатил на ладонь прозрачный, похожий на кусок льда камень. Стараясь получше рассмотреть доставшееся ему ценой чужой крови украшение, поднес его к свету. И тут же камень заиграл и замигал своими ровными гранями, словно искренне обрадовался появлению у него нового хозяина, судьбу которого знал заранее.

Быстро водворив бриллиант в кожаный мешочек, Губин повесил драгоценность себе на грудь. Еще раз придирчиво осмотрев место происшествия и трупы людей, нашедших свою смерть в передней московской квартиры, Губин удовлетворенно подумал: «Все прошло гладко. Настораживает только легкость, с какой мне достался бриллиант, стоящий целое состояние. Словно опытный охотник по воле свыше подложил мне, как хищному зверю, заманчивую приманку. Ладно, не буду сам себя пугать. Просто полоса везения, как в игорном доме пошла. Надо будет припрятать подальше камушек и несколько лет его не трогать.

Губин зашел в кабинет хозяина и начал набирать номер телефона, чтобы доложить начальству о происшествии. Он, художник и скульптор-любитель, хорошо знал, куда спрячет на долгие годы драгоценный камень под странным названием «Подмигивающий призрак».

Продолжение следует.

Надежда ГЛУШКОВА

Дорогая «Юность»! Мне девятнадцать лет. Пишу с двенадцати стихи и прозу, а сейчас пародии, иногда даже на себя, и юмористические рассказы.

Отправляю на ваш суд юмористический рассказ, основанный на реальных событиях. После его написания у меня произошел серьезный разговор с отцом, а-ля диалог профессора Преображенского и доктора Борменталья. Отец: «Доча, все, хватит, не читай местные газеты, а то скоро начнешь по фене ботать». Я: «Папа, так вы мне сами посоветовали присмотреться к СМИ и не выписываете центральные газеты, только журналы». Отец: «Ладно, согласен, подпишусь на центральные газеты, но еще раз прошу: не читай местные, а то нахватаешься слов-паразитов и засоришь свой, пока еще чистый, язык». Сейчас вот думаю-гадаю: нахваталась или нет? А вы как думаете?»

Вольная сатира написана под впечатлением от эксплуатации детского труда на уборке мусора с берегов озера Арей одним из улетовских районных командиров. Даже невзирая на пик активности энцефалитного клеща в начале июня, он продолжает из года в год с упорством в лучшей традиции «удельного князька» привлекать детей из школ района для уборки мусора, а затем на все лады расхваливать свою псевдоэкологическую акцию в местной прессе (дети от силы убирают сотую часть мусора). Мой совет поставить вдоль берега мусорные контейнеры и туалеты и разом решить проблему вызвал у командира сильное раздражение, и я поняла — в ролях «бабки» и желание потусоваться.

В прошлом году на озере произошел забавный случай. Китайцы из большой делегации после обильного обеда с водкой и пивом, устроенного в их честь местными профсоюзами, бегали с выпучен-

ными глазами по берегу озера в поисках туалетов. Китайцы попались законопослушные и совестливые и ни за что не принимали предложения наших профсоюзников присоединиться к ним и справить нужду вместе в жиденьких кустах. Вскоре китайцы нашли альтернативу и всей гурьбой, наскоро раздевшись, бросились в озеро. Самое замечательное, что в это время В. В. Путин был в Челябинске и ругал тамошнего мэра за отсутствие кабинок и туалетов на городском пляже и даже рассказал по этому поводу анекдот про маму с писающим в воду мальчиком. Не знаю, как сейчас в Челябинске, у нас все по-старому, только кустов почти нет, засохли от полива туристами, впору именоваться Зазеркальем, а не Забайкальем. А я еще долго жалела, что не захватила с собой видеокамеру: китайцы с выпученными глазами — эксклюзив тот еще.

Утомила, наверное? Все, рассказ.

ПИСЬМО ОТЧАЯВШИХСЯ ЖИТЕЛЕЙ С. АРЕЙ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «УЛЕТНЫЕ ВЕСТИ», или МАРШ НЕРАВНОДУШНЫХ

Здравствуйте, дорогая редакция!

Обращается к вам инициативная группа жителей села Арей, стоящих на твердой гражданской позиции. Мы очень обеспокоены угрожающим уровнем загрязнения озера Арей, особенно неорганизованными туристами, так называемыми дикарями.

В июле с. г., в самый пик наплыва дикарей, мы планируем провести на озере экологическую акцию «Марш равнодушных» (не путать с Маршем несогласных). Цель нашей акции — чистое озеро и здоровый лес, наш девиз — «Экология вне политики», наш путь — вокруг озера.

Не имея опыта проведения подобных мероприятий, мы обращаемся к вам за советом и разъяснением.

План (сценарий) нашей акции следующий.

Жители с. Арей, желающие принять участие в марше, собираются в полдень на озере у устья ручья Бездонного, к сведению — это единственный ручей, не связанный названием с человеческой болезнью.

Видимо, топограф, давший название ручьям, впадающим в озеро, был или лекарем, или большим оригиналом, жаль, что его имя не вписано в историю нашего края. Ладно, не будем отвлекаться.

Участники собрались, разделись, мужчины — до плавок, женщины — топлес. Правда, есть предложения идти голыми, но мы их отвергаем — считаем, перебор. Затем все намазываются знаменитой на всю Сибирь целебной грязью о. Арей (грязь на теле — символ экологического бедствия озера) и с песнями, плясками, частушками типа:

Полюбила дикаря вечером у озера,
И всю ночь напролет нас вдвоем морозило.
Нежно в ухо мне шептал: «Очень я красивый».
Утром глянула — с меня слазит хрыч плешивый, —

идут берегом к следующему ручью под названием Глазной. Промыв глаза лечебной ручейной водой, все как бы прозревают и, оглядев окрестности, видят, что здесь особенно много мусора. Возмущенные участники марша поднимают плакаты поучительные и радикальные типа:

Дикарь! Природу береги — вокруг мусор собери.
Гони в шею дикарей — спасай озеро Арей.

После увиденного уж не до песен и плясок. В гневном молчании все идут до ручья Ангинного. Здесь первый привал и «промывка» горла. После привала и обозрения окрестностей ручья участники видят много порубленных деревьев, их гнев усиливается, и вперед выдвигается ударная группа, состоящая из сельчан, на которых наглые реформы Гайдара (земля ему пухом) вкупе с неумной тягой к спиртному оставили неизгладимый след, превратив их лица в жуткие гримасы. При встрече с ними на улицах села мужчины вздрагивают, женщины сильно пугаются, а дети в страхе разбегаются, ну а животные, встретившись с ними, вообще реагируют неадекватно. Кошки орут, собаки воют, коровы с козами теряют молоко, лишь кони громко ржут. По задумке организаторов акции, лица этих сельчан, измазанные грязью, превратятся в маску страха, взглянешь — стынет кровь. Распевая хит «Любэ» «Не рубите, мужики, не губите...», марш двигается дальше. Благодаря ударной группе, усиленной хитом, наш марш становится зрелищем не для слабонервных. Созерцая наше шествие во главе с ударной группой, дикари испытывают шок и вряд ли возьмутся за топоры, чтобы срубить даже чахлое деревце. Так марш добирается до ручья Геморройного, здесь перекур. Далее, минуя ручей Запорный и ручей Псориазный, марш двигается дальше до ручья Гастритного, здесь — сплошь нетронутый лес. Участники марша поочередно заранее подготовленными пеплом и опилками посыпают себе головы, символизируя — если дикари не спялят лес, то лесхоз обязательно спилит его якобы для профилактики пожаров.

У ручья Гастритного обед. После него заключительный этап марша. Здесь мы затрагиваем весьма деликатную, но, пожалуй, наиболее острую и злободневную тему акции, и надо сделать небольшое отступление. Если бы не закон природы, выразившийся в известном изречении «г... не тонет», то уникальной целебной грязи давно бы пришел конец. Раньше мы ломали головы, почему дикари в озере с ранья. Бывало, пойдешь с удочкой на ранний

клевать, поживаясь от утренней свежести, глянешь на озеро — а там уже дикари, только головы торчат, и невольно проникнешься к ним сочувствием и восхищением.

Ведь мы думали, что они с утра принимают лечебные ванны или закаляются. Но на деле все оказалось проще и банальнее.

Однажды известный своей непосредственностью и импульсивностью местный рыбак решил пошутить. На лодке он тихонько подплыл сзади к ближней торчащей из воды голове и, раздевшись догола, сиганул в воду. Вынырнув с довольной улыбкой, он почувствовал, что облеплен какой-то мягкой субстанцией. Подумав, что это грязь, он продолжал улыбаться обернувшейся женщине. Лишь когда в нос ударил специфический запах, он наконец осознал, во что вляпался. С мощным звериным рыком рыбак выскочил из воды и, громко крича «Узнал! Узнал! Дикари-сволочи в озеро гадят!», помчался в деревню.

А в это время на пастбище навстречу орущему шло стадо коров. Громадный бык, увидев голого рыбака, стал яростно рыть копытом землю, обуреваемый ревностью. Но заметив, что голый не проявляет никакого интереса к его коровам, сразу же успокоился. Однако коровы отреагировали несдержанно и завалили своими кучами всю дорогу.

А голый рыбак, промчавшись по свежим кучам, бежал дальше в деревню, не переставая кричать, невольно подражая великому геометру из Сиракуз. Хорошо, что почти все село еще крепко спало, а то вид голого орущего, перепачканного односельчанина дал бы повод жителям, в особенности бабам, долго и смачно обсуждать его причиндалы. Конечно, мы понимаем, что дикари вынуждены справлять

нужду в озеро, ведь поблизости очень мало зарослей, но ведь они сами довели растительность по берегам до такого состояния при попустительстве наших районных властей.

Мы поднимаем плакаты типа:

Дикарь, в озеро не... — биотуалет с собой бери!

и идем до конечной точки у ручья Бездонного, где и заканчивается наш Марш равнодушных.

Дорогая редакция, мы по Интернету для освещения нашей акции обратились в ведущие СМИ: 1-й канал, НТВ, «Известия», ВВС, Time, National Geographic (по секрету — одно из них уже проявило интерес). Поэтому мы предлагаем вам всем составом редакции присоединиться к нашему маршу. Бросайте свои перья и в июле дуйте на Арей (обед и грязь за нами), участие в нашем экологическом марше поднимет рейтинг вашей газеты в стране, и про ваше издание узнает весь мир. Потрясающая перспектива!

А то ваши статьи в защиту озера Арей имеют обратный эффект: чем больше вы пишете о сохранении озера, тем выше кучи мусора на его берегах.

Так как девиз Марша равнодушных — «Экология вне политики», стоит ли нам, дорогая редакция, пригласить для участия в марше лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, участников неформальных объединений и общественных организаций? Усилит или ослабит впечатление дикарей от марша участие в нем таких представителей?

И последнее. Нужно ли разрешение властей на проведение марша?

От редакции.

Мы думаем, пусть внимательный читатель ответит Надежде на ее вопрос о словах-паразитах да и просто выскажет мнение об отчаявшихся жителях села Арей, о поэте Писугине, о властях местных. Напомним, первая публикация Надежды Глушковой в «Юности» состоялась в № 6 за 2011 год.

Если все-таки нахваталась слов-паразитов, то, может, отредактируете? За уникальное озеро Арей с очень целебной грязью (на себе испытала) обидно и душа болит, к тому же давно считаю себя истинной арейкой.

*С наилучшими пожеланиями,
Надежда Глушкова, Забайкальский край*

Галка ГАЛКИНА

*...Артем — тот самый с пистолетом —
оказался любителем выпить и заядлым игроком.
Работал охранником, пистолет — служебный.*

*Где-то на вторую неделю как мы встречались,
мы поцеловались, и он повалил меня на кровать.
Целоваться с ним было приятно, у меня все
мысли из головы вылетели, видно сработали
какие-то инстинкты или что... но я очнулась
только когда он кончил. Я даже не поняла что
мы занимаемся сексом, я испытала нечто
фантастическое, и это вышло так плавно...*

*И главное он обнаружил мои сильнейшие
эрогенные зоны... Мы умудрялись
заниматься сексом прямо в школе, когда все
уходили, в школьных коридорах даже, в кабинетах...
Потом мое 15-летие...*

Маша Н., Кокшайск*

**Орфография, пунктуация оригинала.
Имя и фамилия автора изменены*

Галка ГАЛКИНА:

Маша, Ваша ранняя сексуальная пассионарность не может не вызывать сочувствия, особенно у менее прекрасной половины Кокшайска и его окрестностей. Ничто так не вдохновляет человечество в жизни, как секс! Можно было бы даже переписать старые лозунги на новый лад: «Сексом чаще занимайся, юным дольше оставайся!» Или: «А ты регулярно занимаешься сексом?» Или вот еще: «Оргазм — наш рулевой!» и т. д.

Вызывает симпатии и то, что Вы уделяете этому увлечению время, так сказать, без отрыва от производства. В школе, в коридорах и даже в кабинетах. Со временем, думается, круг можно и расширить. Есть еще «эрогенные зоны», и немало, куда не ступала нога людей, творчески увлеченных: крыши домов, кафе, рестораны, здания местной администрации и гороно, общественный транспорт — с поэтапным вовлечением окружающих в это общее дело.

Пропаганда сексуального образа жизни у нас еще оставляет желать лучшего. Телевидение и Интернет с этим явно не справляются, отдавая дань сложившимся стереотипам: банальной в своей безыскусности порнографии, непрерывному, как кошмар, «Дому-2» и т. д.

Пора бросить вызов рутине и косности. К тому же не все еще слои общества охвачены стремлением сделать нашу жизнь лучше и веселее.

Маша, Ваш пример — другим наука. Глядишь, годика через два-три Кокшайск станет сексуальной столицей России. А то и СНГ.

Не останавливайтесь на достигнутом. Дерзайте! Долой стыд и прочие пережитки кончающегося в конвульсиях старого мира с его предубеждениями и запретами!

ФАЗА МЕСЯЦА:

**Сиди в бочке,
Сократ!**

Опухшие лица

- ☺ *Вчера опух висок, и я съел носок.*
- ☺ *Сегодня опухло ухо, вот и пришла проруха.*
- ☺ *А завтра опухнет нос, и я стану Гоголем.*
- ☺ *Третьего дня опух лоб, и меня укусил клоп.*
- ☺ *Опухли губы, а ты погугли!*
- ☺ *Опух весь — прошла спесь!*
- ☺ *Хочешь жизнь прожить красиво — пей касторку или пиво!*
- ☺ *Ты Ван Гог — и я бы мог!*
- ☺ *Ты Бальзак, а я — никак!*
- ☺ *Счастье — это доброе здоровье и скверная память!*

Сентябрь уж наступил...

- ☼ *Ищу нагих ветвей!*
- ☼ *Дни становятся короче, чайник плачет и бормочет!*
- ☼ *Птицы тянутся на юг, осыпается утюг!*
- ☼ *На юг ушли бобры, остались те, что храбры!*
- ☼ *На юг уполз питон, а я попал в притон!*
- ☼ *На юг поплыли дельфины — а я пью, скотина!*
- ☼ *Подались на юг сохатые, а комары остались лохматые!*
- ☼ *Слоны потянулись на юг, слонихи отбились от рук!*
- ☼ *Сентябрь — месяц скуки, женщины сняли брюки!*
- ☼ *В начале года осень помню я...*

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

**SMS'ка, отправленная Платону:
Хе-хе!**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

Оплатите подписку в любом банке и отправьте копию квитанции (а также бланк-заказ на подписку) одним из предложенных способов:

1. На электронный адрес unost-reklama@mail.ru.
2. По факсу: 8 (499) 250-40-72/60.
3. По адресу: 125047, Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1.

Подписка на журнал «Юность» через редакцию гарантирует вам:

- оформление доставки начиная с любого месяца года.
- предоставление полного пакета бухгалтерской документации (для юр. лиц).
- доставка журнала заказной бандеролью, что исключает потерю журнала при транспортировке.

КОНСУЛЬТАЦИИ У СПЕЦИАЛИСТОВ

Читатели журнала «Юность», имеющие годовую подписку, могут получить бесплатную консультацию у специалистов (литературоведов, критиков, прозаиков, поэтов), входящих в творческий актив журнала!

Объем присылаемых на консультацию рукописей ограничен:

1. Проза — до 10 страниц.
2. Поэзия — 8–10 стихотворений (не более 200 строк).
3. Драматическое произведение — одноактные пьесы и басенные циклы (не более 5 наименований в цикле).

4. Критические материалы — не более 2–3 страниц.
5. Литературоведческие работы — до 5 страниц.
6. Очерки и публицистика — до 3 страниц.

Размер шрифта присланных произведений не менее четырнадцатого.

Наши консультанты могут рекомендовать ваши произведения к публикации на страницах журнала «Юность».

Консультации проводятся по телефону и по скайпу.

Телефон для справок: 8 (499) 250-40-60.

БЛАНК-ЗАКАЗ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

- Да, я подписываюсь на 6 номеров журнала «Юность» – 1000 руб.
- Да, я подписываюсь на 12 номеров журнала «Юность» – 1900 руб.

Мой адрес:

Индекс:	Республика
Район	
Город / село	
Улица	Дом Квартира
Фамилия, Имя, Отчество подписчика:	
Телефон:	

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О. и адрес плательщика		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Юность»		
Плательщик:			
Квитанция	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О. и адрес плательщика		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Юность»		
Плательщик:			